

Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Алтайский государственный
университет»

На правах рукописи

Роговская Елена Евгеньевна

**ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ДОМИНАНТА КАК
СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ ТЕКСТА
ПЕРЕВОДА**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
В.А. Пищальникова

Барнаул 2004

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Категория эмоциональности как теоретическая и экспериментальная проблема современной психолингвистики	18
1.1. Психолингвистическое обоснование проблемы	18
1.2. Место, роль, функции эмоциональной доминанты в исследовании понимания речи	42
1.3. Нейрофизиологическое обоснование проблемы	52
1.4. Эмоциональная доминанта как детерминанта синергетического процесса речевой деятельности	62
1.5. Деятельностный подход к исследованию эмоциональной доминанты.....	66
1.6. Эмоциональная доминанта текста как структурообразующий компонент перевода.....	69
Выводы	83
Глава 2. Экспериментальное исследование эмоциональной доминанты текста как структурообразующего компонента перевода	86
2.1. Цель, задачи и методика исследования	86
2.2. Материал исследования.....	86
2.3. Характеристика испытуемых.....	88
2.4. Алгоритм анализа смысловой структуры художественного текста	88
2.5. Анализ эмоционально-смысловой структуры оригинального текста Джона Гришема «Камера» и его перевода: исследовательская версия	92
2.6. Описание результатов эксперимента	108
2.7. Анализ эмоционально-смысловой структуры оригинального текста Чарльза Фрейзера «Холодная гора» и его перевода: исследовательская версия.....	116
2.8. Описание результатов эксперимента	123
Выводы	129
Заключение	130
Библиографический список	134

Приложение 1	152
Приложение 2	154
Приложение 3	156

Введение

Акцентуация в современной лингвистике «человеческого фактора», предполагающего исследование языковых феноменов в тесной связи с использующим их в разных областях своей деятельности человеком, предопределила переход лингвистической науки на новый этап развития. Характерным для современного научного языковедческого процесса является движение в сторону совмещения трех парадигм – психолингвистической, когнитивной и синергетической на основе принципа дополнительности в рамках более общей, интегральной концепции языка. В этой ситуации теоретические положения современных лингвистических исследований возникают не просто на стыке отмеченных наук, а как результат выявления универсалий, которые обнаруживают общие свойства у систем, обладающих *«генетической и функциональной самостоятельностью, но в норме функционирующих в единстве»* [Герман, Пищальникова, 1999, с. 15]. Выявление подобных универсалий, как оказалось, позволяет разрешить многие дискуссионные вопросы, традиционно актуальные в рамках системноцентрического подхода, связанные с проблемой понимания речевого произведения. Психолингвистика, когнитивная лингвистика и лингвосинергетика на протяжении нескольких лет развивались параллельно. Объединение этих разных научных парадигм было обусловлено их внутренним единством (см. [Пищальникова, 2001, 2003] и др.).

В рамках нашего исследования мы предпринимаем попытку совмещения когнитивной, психолингвистической и лингвосинергетической парадигм, поскольку такая их интеграция, на наш взгляд, способствует более продуктивному поиску *новых способов исследования объекта лингвистики*, а также существенному сдвигу в проблеме понимания речевого сообщения – одной из центральных в языковедческих исследованиях XXI в. – и роли отдельных его компонентов в едином процессе понимания. При этом наиболее оправданным представляется подход к тексту с позиций психолингвистики, в рамках которой он определяется как сложный, иерархически организованный репрезентант не-

кой смысловой нелинейной целостности, а не линейная последовательность языковых элементов [Пищальникова, 1999]. Такой подход к тексту создал необходимые предпосылки для рассмотрения *перевода как особого речемыслительного процесса*, нацеленного на понимание и реконструкцию авторского смысла. Разработка теории перевода на основе концептуального анализа, а также определение авторской эмоции как компонента концептуальной системы индивида позволило акцентировать роль и место репрезентированной в тексте эмоции в процессе восприятия и понимания исходного текста и порождения на его основе вторичной смыслопорождающей модели.

Проблема понимания речи привлекала к себе еще внимание Л.С. Выготского. Мы намеренно акцентируем ряд положений концепции Л.С. Выготского, поскольку принимаем точку зрения, согласно которой они соответствуют новой психологической парадигме и не противоречат новому аппарату лингвистического исследования (см. [Губернаторова, 2003] и др.). Более того, некоторые положения теории Л.С. Выготского приложимы к разработке теории перевода «на основе *концептуального анализа*, когда содержание текста представляется как *функциональное поле смысла*, а не речевая актуализация семантического поля какой-либо лексемы» [Герман, Пищальникова, 1999, с. 80]. Базируясь именно на концептуальном анализе как приоритетном, необходимо изучать *взаимодействие компонентов авторского смысла*, поскольку лексемы, представляющие авторский смысл, не реализуют некие разрозненные абстрактные, только стабильные значения, а вступают в деятельность по порождению авторского, сугубо личностного смысла. Это подтверждается, например, следующим положением Л.С. Выготского: «Смысл слова ... представляет собой *совокупность всех психологических фактов, возникающих* в нашем сознании благодаря слову» [Выготский, 1956, с. 369] (курсив мой. – Е.Р.). Смысл слова является всегда *динамичным*, текучим, структурно сложным образованием, *имеющим несколько зон различной устойчивости. Значение* – одна из зон смысла, «и притом зона, *наиболее устойчивая, унифицированная и точная*» [Там же, с.

369] (выделено мной. – Е.Р.). Л.С. Выготский развивает свою мысль далее: «... значение есть не более как *потенция, реализующаяся в живой речи*, в которой это значение является *только камнем в здании смысла*» [Там же, с. 369-370] (выделено мной. – Е.Р.). Общеизвестно, что в процессе перевода текста далеко не всегда достаточно переводить лексические единицы одним из словарных значений, а осмысление авторского фрагмента текста не укладывается в рамки системных значений конвенциональных лексических единиц. Авторский смысл не может быть обнаружен из перевода лишь отдельных системных значений образующих его компонентов. Репрезентированная в иноязычном тексте система авторских смыслов отражает *авторский способ познания окружающей действительности*, и именно он должен быть *зафиксирован в переводе*. Синергетическим, по сути, является и следующее положение Л.С. Выготского: «... смыслы слов более *динамичные и широкие*, чем их значения, обнаруживают *иные законы объединения и слияния друг с другом*, чем те, которые могут наблюдаться при объединении и слиянии словесных значений. ... *Смыслы как бы вливаются друг в друга и как бы влияют друг на друга*, так что предшествующие как бы содержатся в последующем [Там же, с. 372] (выделено мной. – Е.Р.). Этот тезис станет для нас одним из основных при разработке алгоритма анализа/интерпретации представленного в художественном тексте эмоционального авторского содержания.

В свете современных психолингвистической и лингвосинергетической парадигм, в рамках которых осуществляется наше исследование, представляется необходимым осмысление некоторых положений Л.С. Выготского о связи мышления и речи. Процесс отношения мысли к слову является *динамичным, развивающимся*. Л.С. Выготский утверждал: «Мысль и слово не связаны между собой *изначальной связью. Эта связь возникает, изменяется и разрастается в ходе самого развития мысли и слова*» [Выготский, 1956, с. 320] (выделено мной. – Е.Р.). Такой подход разрушает «треугольный» подход к значению, ведущий, быть может, к установлению стабильного компонента значения слова,

но лишаящий слово его психологического – единственно реального – содержания. Далее исследователь отмечает: «Речь не служит выражением готовой мысли. Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется. Мысль не выражается, но совершается в слове» [Там же, с. 332]. Для нас представляет научный интерес также следующее положение Л.С. Выготского: «*Всякая мысль стремится соединить что-то с чем-то, установить отношение между чем-то и чем-то. Всякая мысль имеет движение, течение, развертывание, одним словом, мысль выполняет какую-то функцию, какую-то работу, решает какую-то задачу*» [Там же, с. 330] (выделено мной. – Е.Р.). Восприняв авторское содержание художественного текста, реципиент, пытаясь избавиться от энтропии смысла, стремится найти сходные концепты в своей концептуальной системе, *установить* между ними *связь, predeterminedную* текстом оригинала. Таким образом, понимание всегда активно, деятельностно. Реципиент привносит фрагмент авторского познания реальности в свою концептуальную систему, при этом неизбежен процесс ее переструктуризации. Происходит *активное* ассимилирование авторского понимания фрагмента окружающего мира/авторской модели действительности в концептуальной системе как среде обитания реципиента. И здесь эмоциональная доминанта указывает на *возможность* соотношения, сопоставления, гибкой корреляции разрозненных образов восприятия реальности, которые в определенном текстовом комплексе функционируют в единой системе речесмыслопорождения. *Именно эмоциональная доминанта способствует адекватному пониманию авторского личностного смысла.* Эмоциональная доминанта *направляет* креативную деятельность реципиента, нацеленную на достижение понимания авторского смысла, репрезентированного в тексте. Она «запускает» процессы самоорганизации в концептуальной системе реципиента, снижая энтропию смысла, привнесенного авторской моделью действительности. Таким образом, *мысль – деятельностна*, мышление – деятельностный процесс. В его основе лежит базовый когнитивный механизм аналогии. Субъект познает новые явления окружающей действительности, соотнося

их с уже известными, путем установления связей, отношений. Новая информация перемежается со знакомой, в противном случае процесс понимания становится невозможным.

Г.И. Богин, представитель филологической герменевтики, разработал схему, в которой иерархически расположены типы понимания:

1) семантизирующее понимание, т.е. декодирование единиц текста, выступающих в знаковой функции;

2) когнитивное понимание, т.е. освоение содержательности познавательной информации, данной в форме тех же самых единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание;

3) смысловое «феноменологическое» понимание, построенное на распредмечивании идеальных реальностей, презентуемых помимо средств прямой номинации, но опредмеченных все же именно в средствах текста [Богин, 2002, с. 37-38].

Значимым для нашего исследования является вывод Г.И. Богина о том, что понимание вербального художественного произведения осуществляется как **распредмечивающее, смысловое**. В своем исследовании мы оперируем понятием рефлексии, поэтому обратимся к рассмотрению мнения Г.И. Богина о том, как происходит реализация рефлексивной основы понимания. Он отмечает, что «актуально наличный текст со всей своей содержательностью рефлектируется «во втором тексте», а «второй текст» начинает рефлектироваться в процессе понимания, равно как и интерпретация первого. Рефлексия вообще заключается в том, что возникают взаимные сопоставления и противопоставления, приводящие к выражению одного содержания в другом, причем именно в этих условиях реципиент и получает выход к смыслам ...» [Богин, 1982, с. 73]. В процессе переводческой рефлексии устанавливаются отношения, связи между составляющими доминантный смысл текста компонентами. Рефлексивная основа понимания как раз и заключается в том, что осознаются взаимовлияющие, взаимодополняющие, мультидетерминированные связи между структурно-

смысловыми компонентами текста. Доминантный авторский смысл, заключенный в определенном тексте, акцентируется одновременно *несколькими* составляющими. Именно при осознании взаимообуславливающих отношений между компонентами текста реципиент-переводчик получает доступ к смыслам. В этом случае он способен выйти на адекватное понимание смысла речевого произведения автора. Рефлексия – это взаимодействие между прошлым опытом реципиента и новой ситуацией, представленной в тексте в качестве предмета для освоения. В связи с этим Г.И. Богин пишет: «...во-первых, осваиваемый образ ситуации получает какие-то признаки уже освоенных ситуаций, во-вторых, **изменяется отношение к старому опыту, к образу уже освоенных ситуаций**» [Богин, 2002, с. 34] (выделено мной. – Е.Р.). Необходимо отметить, что концептуальная система реципиента при понимании речевого произведения находится в процессе постоянной структуризации. В процессе встречного порождения смысла прошлый опыт реципиента трансформируется. Происходит процесс установления новых ассоциативных связей между концептами. Исследователь продолжает: «Элементы нового опыта в акте понимания образуют организованность, т.е. некоторое целое, **содержательно** превышающее **сумму своих частей**, благодаря чему акт понимания текста и может приводить к новому знанию» [Там же, с. 34] (выделено мной. – Е.Р.). При осмыслении авторского содержания реципиент поднимается на *качественно* новый уровень осознания действительности, т.е. модифицируется концептуальная система реципиента. Таким образом, текст как самоорганизующаяся система эксплицирует экзогенную (внешнюю) активность. В этом и есть проявление одного из его сущностных свойств, а именно свойства *спонтанной активности*, которое выражается **в способности текста упорядочивать среду обитания реципиента**. Модельный мир автора не только «достраивается» до внутреннего мира интерпретатора, но и модифицирует его. В концепции Г.И. Богина процесс понимания рассматривается как *организованная рефлексия*, и это очень важно для осмысления стратегий перевода. Рефлексия – один из видов мыслительных операций, бази-

рующийся на анализе языковых репрезентантов и их связей. Не менее важной для осуществления переводческого процесса является и деятельность механизма активации гибких когнитивных структур реципиента-переводчика, мотивированная порождением встречного смыслопостроения, адекватного исходному, на языке перевода.

При рассмотрении возможности построения вторичной смыслопорождающей переводческой модели, коррелирующей с исходной, мы опираемся на исследование О.Д. Кузьменко-Наумовой о существовании единого механизма эквивалентных смысловых замен, суть которого заключается в существовании *сходных механизмов восприятия и порождения речи*, основанных на единых для всего организма человека нейрофизиологических процессах. А если это так, то специфика переводческой когниции такова, что *раскрытие авторского смысла, представленного эмоциональной доминантой в иноязычном художественном тексте, под силу любому реципиенту*, в том случае, если уровень его владения языком достаточно высок. Другое дело, что переводческие стратегии могут быть разными, совершенно естественно, что допустим плюрализм интерпретаций, поскольку текст как смыслопорождающая система не только допускает, но и *предполагает возможность разных прочтений*. Определяющим здесь является уровень языковой компетенции личности, фоновые знания, гибкость и емкость когнитивной базы и т.д. Однако доминанту, инвариантный признак, предположительно должно понимать большинство. При восприятии системы авторских смыслов энтропия смысла ведет к усилению креативной деятельности реципиента, и это, как нам представляется, является важным для вхождения в авторскую модель концептуализации мира. Понимание доминантного авторского смысла – это его интерпретация в определенной концептуальной системе, возможность построения в ней *смысловой структуры, адекватной исходной*.

Известно, что в настоящее время существует необходимость в дальнейшей детальной разработке теории перевода. В ряде исследований акцентирует-

ся, что интегративный подход, в котором психолингвистическая, лингвосинергетическая и когнитивная парадигмы совмещаются по принципу дополнительности, является перспективным для изучения путей развертывания переводческой деятельности, этой вторичной речемыслительной деятельности переводчика (см. [Губернаторова, 2003] и др.)-. На сегодняшний день возникла необходимость в разработке теории перевода, в которой бы **предлагаемые модели перевода соответствовали реальному функционированию языка перевода как репрезентанта мышления автора на языке оригинала.** Это становится возможным при *деятельностном подходе* к исследованию языковых явлений. Одним из неперемных условий реализации деятельностного подхода является *учет связи языка как психического феномена с другими высшими функциями человека.* Моделирование переводческой деятельности на основе исследования структурированной версии перевода детерминируется *универсальностью процессов речемыслительной деятельности.* На наш взгляд, **исследование эмоциональной доминанты как структурообразующего фактора перевода в рамках деятельностного подхода определяет специфику ее функционирования.** Именно психолингвистическая и лингвосинергетическая парадигмы, как оказалось, являются более продуктивными при изучении эмоциональной доминанты как смыслоемкого компонента переводческой деятельности, поскольку они *объясняют, как функционирует эмоциональная доминанта, репрезентированная автором текста оригинала, в концептуальной системе реципиента-переводчика, какие* нейрофизиологические, психофизические и психолингвистические основания лежат в основе восприятия и встречного порождения высказывания. Функционирование авторской системы смыслов как синергетической динамической системы в концептуальной системе переводчика, эксплицированной в переводных версиях, **позволяет представить реальную динамику авторского смысла.** В переводческой деятельности *синергизируются* и возможности языка перевода, и концептуальная система переводчика, и репрезентанты авторского смысла на языке оригинала. Таким образом, *процессы вос-*

приятия и встречного порождения высказывания синергетичны, а потому являются в своей основе самоорганизующимися, гибкими, вероятностными.

В свете вышеизложенного **цель** нашего исследования – установление регулятивной функции эмоциональной доминанты в процессе переводческой деятельности. Универсальность регулятивной функции эмоциональной доминанты аргументируется сопоставлением исходного и переводного текста.

Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение нескольких **задач**:

1. Определить основные тенденции исследования моделирования эмоциональных процессов в рамках системноцентрического и психолингвистического подходов, что позволит представить основные вопросы, связанные с изучением смыслообразующей роли эмоциональной доминанты в процессе переводческой деятельности.

2. Соотнести нейрофизиологические и психолингвистические положения, способствующие изучению эмоциональной доминанты как структурообразующего компонента переводческой деятельности в рамках деятельностного подхода.

3. Экспериментально проверить гипотезу о том, что эмоционально-смысловая доминанта художественного текста адекватно понимается и отражается в переводном тексте большинством респондентов.

4. Экспериментально проверить существование сходных регулятивных механизмов восприятия иноязычного текста и встречного порождения текста перевода. Это позволяет аргументировать универсальность регулятивной функции эмоциональной доминанты.

Объектом диссертационного исследования является текст как совокупность составляющих его содержание авторских смыслов, осознанно и неосознанно структурированных для адекватного выражения доминантного личностного смысла.

Предмет исследования – эмоциональная доминанта оригинального текста, способная направлять континуум сознания переводчика в процессе реконструкции доминантного личностного смысла.

Актуальность работы обусловлена следующим:

1) все более возрастающим интересом к изучению роли субъективного фактора в языке в современной лингвистике, а также расширением исследований эмоционально-мотивационной сферы сознания и ее влияния на процессы речевой деятельности индивида. Однако при всем интересе к изучению эмоциональных явлений до сих пор не существует аргументированной концепции, рассматривающей эстетическую эмоцию, фиксированную в художественном тексте, как структурообразующий компонент перевода. В современной ситуации межкультурного общения, развития контактов и взаимовлияния культур создание непротиворечивой теории перевода, включающей эмоционально-мотивационный аспект речевой деятельности, представляется особенно важным;

2) необходимостью изучения переводческой деятельности и отдельных ее составляющих в психолингвистическом и лингвосинергетическом аспекте, что позволяет найти новые основания теории перевода, находящейся в настоящее время на этапе становления;

3) необходимостью интеграции подходов при изучении проблемы соотношения языковых и концептуальных структур как частного проявления общей проблемы взаимоотношения мышления и речи. Известно, что исходным материалом при решении вопроса об отношениях мышления и речи по необходимости служит речь, поскольку в ней проявляются наиболее общие результаты человеческого познания, зафиксированные в вербальных репрезентациях (значениях слов). Однако, как справедливо отмечают многие исследователи, механизм отражения и даже первичного фиксирования этих результатов в языке/речи наблюдению пока не доступен и может быть смоделирован только предположительно. Именно поэтому открывается широкое поле для различных

интерпретаций этого процесса в рамках разных подходов. Интегрирование разных подходов на основе принципа дополнительности в значительной степени определяет успех подобных исследований.

Научная новизна заключается в следующем: во-первых, в работе впервые теоретически и экспериментально доказана смыслообразующая роль эмоциональной доминанты в процессе переводческой деятельности. Во-вторых, при анализе эмоциональной доминанты как структурообразующего компонента перевода применялись верифицированные данные нейрофизиологических, психофизиологических и психолингвистических исследований. Они позволили доказать, что **в переводческой деятельности эмоциональная доминанта проявляет способность регулировать протекание синергетических процессов в концептуальной системе переводчика, ограничивая множественность путей их порождения и обуславливая тем самым адекватность перевода.** В третьих, в работе осуществлена интеграция двух подходов к исследованию репрезентированной в тексте эмоционально-смысловой доминанты как целого: подход, при котором изучаются отдельные элементы, составляющие структуру предмета исследования, а также подход, акцентирующий взаимоотношение, взаимодействие, синтез представляющих структуру целого компонентов. Первый подход направлен на изучение количественных и качественных характеристик отдельных составляющих компонентов, второй – на качественно новое смысловое образование, содержание которого не равно простой сумме характеристик/значений входящих в него компонентов.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется аргументацией представления об **эмоциональной доминанте как структурообразующем компоненте переводческой деятельности, способствующем пониманию и фиксации познанного, а также возникновению процессов встречного речесмыслопорождения, адекватного исходному, построения встречной смысловой структуры, адекватной исходной.** Это приобретает особую значимость как для исследований эмоционально-мотивационных про-

цессов речевой деятельности, так и для развития теории перевода, соответствующей современным представлениям о речевой деятельности. Процесс перевода эмоциональной доминанты рассматривается как построение концептуальной структуры, инвариантной исходной, определяющей способ интерпретации авторского фрагмента окружающей действительности. Проблема эмоционально-смысловой доминанты как структурного компонента концептуальной системы автора, его речемыслительного процесса и структурирующего компонента концептуальной системы реципиента-переводчика рассматривается при этом как частное проявление общей проблемы понимания, взаимоотношения языка и сознания, мышления и речи.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования материала исследования на занятиях по анализу текста, теории и практике перевода, в практике преподавания иностранного языка. Основные положения работы могут найти применение в разработке спецсеминаров и пособий по психолингвистике, лингвосинергетике и когнитивной науке.

Материалом исследования послужили фрагменты художественных текстов на английском языке современных американских авторов Charles Frazier «Cold Mountain», John Grisham «The Chamber» и выполненные исследователем и испытуемыми переводы указанных текстов на русский язык. Выбор материала обусловлен, во-первых, тем, что в художественных текстах особую роль приобретает аспект представления личностного смысла, осознанно или неосознанно структурируемого в соответствии с эмоциональной доминантой, во-вторых, личностными литературными пристрастиями исследователя.

Специфика цели и задач обусловила использование следующих **методов и приемов**: компонентный, контекстуальный, концептуальный анализы. Компонентный анализ применяется с целью выявления семного состава значения языковых единиц, а также анализа дефиниций лексем в русских и английских толковых словарях. Контекстуальный анализ способствует выявлению структурно-смысловых отношений между компонентами отрывка художественного

произведения. Концептуальный анализ направлен на исследование взаимоотношения компонентов доминантного смысла текста, представленного в разных лексемах, фиксирующих актуальные субъективные авторские смыслы.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Эмоциональная доминанта – структурообразующий компонент переводческой деятельности, на основе которого происходит понимание и фиксация познанного, а также процессы встречного, адекватного исходному, речесмыслорождения.

2. В основе психолингвистических процессов регуляции эмоциональной доминантой речемыслительной деятельности индивида лежат универсальные нейрофизиологические и психофизиологические закономерности. Существует единая психофизиологическая основа регуляции речемыслительной деятельности независимо от языковой принадлежности.

3. Эмоционально-смысловая доминанта функционирует как синергетическая динамическая система в концептуальной системе переводчика, стимулирующая процессы ее самоорганизации.

4. Способность эмоциональной доминанты регулировать протекание синергетических процессов в концептуальной системе реципиента, ограничивая множественность путей их развертывания, обуславливает адекватность перевода.

5. Эквивалентность при переводе может быть установлена лишь в отношении функции элементов оригинального текста и текста перевода, потому что смысловое их содержание возникает как функциональное образование в рамках конкретного речемыслительного процесса.

Апробация работы. Основные положения исследования были изложены в виде доклада на Всероссийском научно-методическом симпозиуме «Перспективы развития межрегионального образовательного пространства на базе гуманитарных кафедр российских университетов» (Алтайский государственный университет, Барнаул, 2003 г.). Апробация отдельных частей работы проходила

на заседаниях кафедры «Язык массовых коммуникаций и редактирование» (Алтайский государственный университет) в 2003-2004 гг, а также в практике преподавания английского языка студентам.

По теме диссертации имеется 4 публикации.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы (227), источников фактического материала (2) и словарей (8), а также приложений (3), в которых представлены используемые в эксперименте оригинальные художественные тексты и выполненные исследователем их переводы на английский язык, а также образцы анкет, предложенных испытуемым на всех этапах эксперимента.

Глава 1. Категория эмоциональности как теоретическая и экспериментальная проблема современной психолингвистики

В современной лингвистике в связи с акцентуацией антропоцентрического подхода наблюдается значительное усиление внимания к изучению вербальных репрезентаций и через них – сущности эмоциональных явлений. Эмоциональные сущности, представленные вербально, рассматриваются исследователями в различных аспектах. В науке накоплен обширный фактический материал в сфере психологии эмоций [Василюк, 1993; Веккер, 1998; Виллюнас, 1984; Branscombe, 1988; Damasio, 1995 и др.], изучается характер и специфика эмоциональной нагрузки различных единиц лексического уровня языка [Мягкова, 1990, 2001; Шаховский, 1983, 1987, 1998], эмоциональная доминанта текста (речевого произведения) [Кинцель, 2000], выявляется смыслообразующая роль репрезентированных в тексте эмоций в процессах его понимания [Пищальникова, 1999].

Такой интерес к изучению эмоциональных явлений, приведший к накоплению значительной теоретико-методологической базы, позволяет экстраполировать накопленное знание на процессы перевода. В современной ситуации глобализации, в поисках новых путей развития и взаимодействия культур подобные исследования приобретают особую значимость. Задачей данной главы является обнаружение основных тенденций исследований в области моделирования эмоциональных процессов и рассмотрение психолингвистических и нейрофизиологических аспектов проблемы с целью выявления концептуальной базы для характеристики эмоциональной доминанты текста как структурообразующего компонента перевода.

1.1. Психолингвистическое обоснование проблемы

Эмоциональная сфера пронизывает все стороны жизнедеятельности человека, какие бы воздействия ему ни приходилось испытывать. Значимыми они становятся лишь в том случае, когда проникают в область его эмоциональных

отношений [Вилюнас, 1984]. Ввиду этого вполне оправданным является интерес к эмоциональной сфере человека и со стороны лингвистов: эмоции, играющие ведущую роль в организации деятельности человека, находят разнообразные репрезентации в языке. Для исследования таких репрезентаций используется категория эмотивности/эмоциональности.

В рамках традиционного системоцентристского лингвистического подхода понимание **эмотивности** связано с ее определением как **лингвистической характеристики текста**, реализуемой с помощью некоторого набора специально **предназначенных** для выражения эмоций языковых средств. Такая позиция существует наряду с точкой зрения, согласно которой необходим пересмотр теории эмоциональности в языке, поскольку акцентируется включение речи и ее реципиента в описание языковых механизмов. Реализация антропологического принципа требует выхода за рамки собственно лингвистического предмета исследования (системы языка) в пограничные с ней области и вызывает необходимость пересмотра исследуемых языковых явлений, в том числе и эмоциональных [Кинцель, 2000].

Отметим изменения, которые намечаются в трактовке категории «эмотивность»/«эмоциональность» в рамках традиционного структурно-семантического подхода к языку. Переосмысление трудов исследователей прошлых лет в преломлении к нашему ракурсу исследования смыслообразующей роли эмоциональной доминанты в процессе переводческой деятельности является необходимой базой для прочтения работ современности, выделения положений различных концепций, наиболее близких исследовательским. Так, Н.А. Лукьянова рассматривает эмотивность/эмоциональность в тесной взаимосвязи с категориями экспрессивности и оценочности. При этом отмечается, что экспрессивность - семантическая категория, семы «эмотивность»/«эмоциональность» и «эмотивная оценка» вычлениваются в структуре специфических «экспрессивных лексических единиц», но особо акцентируется роль эмоционального контекста, способного «**изменить** эмоциональную окра-

ску экспрессивной словоформы..., то есть перевести ее в свою окраску» [Лукьянова, 1986, с. 49] (выделено мной. – Е.Р.). Таким образом, выделяя в системе языка группу экспрессивных лексических единиц, автор признает определяющую роль контекста, способного менять системное значение экспрессива.

То же закономерное влияние контекста на эмоциональное значение языковых единиц отмечает В.И. Шаховский, который утверждает наличие **эмотивной валентности** у различных языковых единиц. «Под эмотивной валентностью понимается способность данной лингвистической единицы вступать в эмотивные связи с другими единицами на основе явных или скрытых эмосем и тем самым осуществлять свою эмотивную функцию» [Шаховский, 1986, с. 97]. Интересным представляется предложенное автором понятие «скрытой эмосемы», являющейся одним из составляющих компонентов значения лексической единицы. Языковой единице достаточно иметь всего лишь одну скрытую эмосему, чтобы в потенции иметь возможность когда-либо ее реализовать под воздействием контекста и стать эмотивно валентной. Предложенное исследователем понятие «скрытой эмосемы» позволяет, оставаясь на позициях структурно-семантического подхода к языку, объяснить, «с одной стороны, «неожиданные», оригинальные, даже «невероятные» сочетания, типа русского «тоска земная, желтенькая жизнь»... А с другой стороны, ... объясняет тот факт, что некоторые сочетания, возможные на логико-семантическом уровне, оказываются невозможными на коннотативном из-за нестыкующихся друг с другом эмосем» [Там же, с. 98]. Именно существованием потенциальной эмотивной валентности объясняет В.И. Шаховский явление, когда нейтральное слово в некоторых контекстах приобретает эмоциональное значение. В связи с этим исследователь говорит о **бесконечной эмотивной валентности**, «так как бесчисленны типы эмосем, отражающих бесчисленные виды сиюминутных эмоций и их градаций по степени интенсивности» [Там же, с. 102].

При таком подходе контексту отводится роль актуализации явных или экспликации скрытых эмосем, когда «эмотивная валентность языковых единиц

оказывается точкой пересечения ряда регулирующих закономерностей, запрещающих (разрешающих) ее актуализацию в той или иной речевой ситуации» [Там же, с. 99]. И хотя автор указывает, что «потенциальная эмотивная валентность может выступать смыслообразующим фактором, и соответственно фактором расширения зоны сочетаемости единиц языка» [Там же, с. 103], он вынужден признать определяющую роль контекста, наличие некоторых регулирующих процессов, определяющих контекстное эмотивное значение языковых единиц. Более того, такие эмотивные значения не только реализуются, но и формируются в контексте под влиянием **эмоционально-мотивационных процессов личности, регулирующих смыслообразование в целом**. Это последнее положение представляет особую значимость для нашего исследования. В нашей работе мы подчеркиваем единство эмоционально-мотивационных процессов личности. Поскольку выразителем мотива на уровне текста является эмоция, то они представляют собой единое целое. Результаты некоторых психолингвистических исследований показали, что эмоции до определенного момента являются единственным **смыслообразующим центром** художественного произведения. Репрезентированная в тексте эмоция является **регулятором образования авторского смысла и его понимания реципиентом** в процессе восприятия текста.

Однако поскольку В.И. Шаховский работает в рамках структурно-семантического подхода, он исходит из изначального существования некоторой **семной структуры языковой единицы, которая лишь реализуется в контексте**. Представление о лексическом значении как многокомпонентном семантическом целом значимо для лингвоцентрического языковедения. Такое понимание значения связано с тем, что лингвоцентризм по преимуществу изучает язык как стабильную самодостаточную систему, автономную от речевой деятельности. Мы понимаем значение иначе. Необходимо рассматривать значение как психическую сущность и при анализе языкового материала принимать во внимание человека-носителя языка. Мы поддерживаем точку зрения А.А. За-

левской, согласно которой слово рассматривается не как единица абстрактной языковой системы, а как единица речевой (языковой) способности человека – его индивидуального лексикона. В таком контексте значение слова представляет «процесс соотнесения идентифицируемой словоформы с некоторой совокупностью продуктов переработки чувственного и рационального, индивидуально и социального предшествующего опыта человека» [Залевская, 1981, с. 31]. Более детальный анализ концепции А.А. Залевской, а также возможность ее применения при исследовании эмоциональных процессов будут представлены ниже. Сейчас лишь отметим, что при таком понимании значения слова **именно эмоционально-мотивационные процессы личности, а не контекстная его реализация** определяют конкретный характер содержания языковых единиц.

Однако немаловажно отметить, что концепция В.И. Шаховского более гибко, чем концепция Н.А. Лукьяновой учитывает требования этого контекста, что выражается в признании существования потенциальной эмотивной валентности (скрытой эмосемы) и бесконечной эмотивной валентности языковых единиц. Акцентируем тот факт, что в современных психолингвистических исследованиях слово наделяется определенным содержанием только в процессе его функционирования. В соответствии с этим находится положение о том, что любой текст до его восприятия является набором знаков, **обладающих лишь потенциальным значением**. Смысл текста как эстетической речевой деятельности является **бесконечным/неограниченным** в том смысле, что при его восприятии каждый новый реципиент выявляет то содержание, в том числе и эмоциональное, которое соответствует содержанию его мышления, его концептуальной системы. В соответствии с этим значимым, на наш взгляд, является сам факт введения отмеченных понятий в исследование эмоциональных характеристик слова, однако во многом сохраняется традиционный системоцентрический подход к их исследованию.

Последняя из отмеченных, а также значительная часть выдвинутых в исследовании гипотез, по справедливому замечанию Е.Ю. Мягковой, должна

быть подтверждена доказательствами, поскольку исследование строится на «чисто интуитивных методах анализа языкового материала», например, таких как «лексикографическое отражение эмотивного/коннотативного аспекта значения в семантической матрице слова» [Шаховский, 1984, с. 98], компонентный анализ, проводимый с традиционных лингвистических позиций [Мягкова, 1990, с. 33]. Поэтому в результате В.И. Шаховский приходит к выводам типа: «неконнотативных единиц в английском языке значительно больше, чем коннотативных» [Шаховский, 1987, с. 180-181]. Отсюда вновь возвращается к исходным позициям, не позволяющим по-новому подойти к исследованию эмоциональных характеристик слова. Стремление исследователя к разработке теории эмотивности на основе данных разных наук и создание соответствующего интегративного понятийно-терминологического аппарата заслуживают самого пристального внимания.

Принципиально отличный от рассмотренных подход к исследованию эмоциональных явлений осуществляется в рамках отечественной психолингвистики. При психолингвистическом подходе, где рассматриваются процессы речевой деятельности индивида, исходным объектом анализа при исследовании категории эмоциональности/эмотивности становятся не отдельные языковые единицы с их системными свойствами, а **механизмы, закономерности** их использования в речи. Представляя язык как речевую деятельность, как процесс порождения смыслов и их репрезентации в языковых единицах, психолингвистическая теория получает возможность интерпретировать категорию эмоциональности речи с иных позиций и представлять принципиально иные модели эмоциональных процессов и состояний.

Именно поэтому мы намеренно не представляем в исследовании дальнейшего обзора концепций авторов, которых можно отнести к лингвоцентрическому языковедению. Придерживаясь психолингвистического подхода к анализу эмоциональных явлений, мы исследуем, в отличие от языковедов данного направления, не язык – систему, а *речевую деятельность как нестабильную*

пульсирующую структуру. В нашем исследовании мы не акцентируемся только на установлении языкового значения компонентов авторского смысла, а исследуем по преимуществу систему конвенциональных семиотических единиц (репрезентантов авторского смысла) как *деятельностную* систему, систему *создающуюся*, процессуальную, назначение которой заключается в репрезентации авторского содержания. Для нас принципиально положение, что смысловое целое авторского смысла *невыводимо* из отдельных стабильных компонентов значений входящих в него компонентов. Однако это не означает дистанцирование от достижений традиционного направления в языковедении. Мы не умаляем достоинств концепций авторов-представителей лингвоцентрического языковедения, внесших свой вклад в создание предпосылок возможности исследования смыслообразующей роли эмоциональной доминанты в процессе переводческой деятельности. Мы не представляем широкого обзора исследований, посвященных разноаспектному изучению эмоциональных процессов, поскольку квалифицированный анализ существующих направлений дан в работах Е.Ю. Мягковой, А.В. Кинцель, В.И. Шаховского и др.

Создание психолингвистической концепции эмоциональности речи опирается на ряд важнейших для данной теории положений психологии и физиологии высшей нервной деятельности:

1. Методологически важным представляется положение **о единстве аффективных и интеллектуальных процессов личности**, отстаиваемое видными отечественными психологами. Так, Л.С. Выготский в свое время утверждал, что «кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления» [Выготский, 1996, с. 13]. Об эмоциональности как одной стороне процессов, которые «в действительности являются вместе с тем познавательными процессами, отражающими – пусть специфическим образом – действительность» [Рубинштейн, 1989, с. 141] говорил С.Л. Рубинштейн. Психологи настаивают на том, что эмоциональные процессы являются обязательным компонентом любой интеллектуальной деятель-

ности индивида, а, следовательно, и речевой деятельности (как разновидности психической деятельности человека), более того, в некотором роде ее обуславливают, **мотивируя** акты психической деятельности.

2. Об **обязательном** участии эмоций в различных процессах психической деятельности индивида свидетельствуют данные нейропсихологии и физиологии высшей нервной деятельности, согласно которым нервным субстратом эмоций является «гипоталамо-лимбическая система. Она занимает промежуточное положение между подкоркой (центром вегетативных процессов) и корой (центром высших психических функций)» [Раппопорт, 1972, с. 16-17]. Таким образом, «формируясь в промежуточном мозге, эмоции имеют не только «нисходящие» (от центра к периферии), но и «восходящие» (от подкорки к коре) выходы» [Раппопорт, 1972, с. 21]. В результате любой эмоциональный процесс осуществляется совместной работой корковых и подкорковых отделов мозга, **работа которых координируется эмоцией**, поэтому наличие некоторых когнитивных структур в целостной эмоциональной реакции – **обязательно**. Видимо, на этом основано представление когнитивистов о том, что «в основе аффекта и познания лежат **одни и те же** механизмы, а переменные, которые принято рассматривать как различающие эти области ..., на самом деле связаны с обоими, точнее – со способом переработки информации» [Мягкова, 1992, с. 107] (выделено мной. – Е.Р.). Сходные по структуре, но различающиеся по характеру способы переработки информации (эмоциональные и интеллектуальные) являются этапами онтогенетического развития человека, когда на основе опыта и обучения у человека значительно возрастает роль собственно когнитивных процессов: «человек появляется на свет, обладая схемами, чувствительными к выражению эмоций и интенций, они-то и могут быть основой последующего формирования схем восприятия речи» [Биева, 1992, с. 15].

3. В собственно интеллектуальных процессах (то есть различных видах познавательной деятельности индивида), совпадающих по своим основаниям с процессами эмоциональными, роль эмоции в терминологии высшей нервной

деятельности заключается в активации коры. Наряду с эмоциональным компонентом активирующее влияние на работу коры головного мозга оказывает «информационный компонент, в котором участвует система ориентировочного рефлекса» [Русалова, 1979, с. 24]. Таким образом, в целостном акте психической деятельности индивида становится **обязательным** участие эмоционального и информационного компонентов, различающихся по своему характеру, поскольку «эмоциональные центры и механизмы внимания обладают разной способностью активировать кору [Русалова, 1979, с. 26].

4. Данные многочисленных психологических экспериментов по выявлению сущности различных психических процессов свидетельствуют о том, что участие в них эмоции является **обязательным**. Эмоция при этом выполняет **регулирующую функцию**, поскольку во многом определяет характер протекания этих процессов. Так, установлено, что эмоциональное состояние человека влияет на протекание различных мнестических процессов [Громова, 1980]. Особо важным для нас является обнаружение того, что **эмоциональные процессы личности во многом определяют результаты ассоциирования**, а именно «при наличии эмоционального переживания возникают нетипичные, субъективные ассоциации, то есть **изменяется семантика ассоциативного процесса**» (выделено мной. – Е.Р.) [Хомская, Батова, 1992, с. 18]. Следовательно, логично предположить, что **эмоциональные процессы личности обуславливают и процессы смыслообразования**. Психосемантические исследования также показали, что «изменение эмоционального состояния субъекта ведет к **актуализации новых семантических структур** или семантических гештальтов» [Там же, с. 14].

5. Не менее важными для психолингвистической концепции эмоциональности речи являются и некоторые выводы, сделанные в рамках теории деятельности, разработанной А.Н. Леонтьевым. Эмоционально-мотивационные процессы личности рассматриваются А.Н. Леонтьевым в качестве исходного этапа любой психической деятельности индивида (в том числе и речевой деятельно-

сти) [Леонтьев, 1977]. В связи с этим в структуре речевой деятельности выделяют три основных этапа: мотивационный, целевой и исполнительный [Леонтьев А.А., 1969]. Репрезентируя различные мотивационные процессы на уровне психического отражения, эмоция **регулирует процессы смыслообразования личности и процессы их репрезентации в языке.**

На этом основано представление об эмоциональной доминанте художественного текста, развиваемое в психолингвистической концепции смысла художественного текста В.А. Пищальниковой. Исходя из положения о том, что эмоции «до известного момента являются **единственным смыслообразующим центром художественного произведения**» [Пищальникова, 1991, с. 18] (выделено мной. – Е.Р.), исследователь приходит к выводу о том, что «смыслы, порожденные на эмоциональной основе, будут содержать тот или иной эмоциональный компонент. А если учесть, что смыслы в художественном тексте намеренно структурируются для выражения доминантного личностного смысла, то вполне логично предположить наличие в художественном тексте доминантного эмоционального смысла, входящего в него» [Там же, с. 19]. При этом указывается, что в тексте репрезентируется «вся разветвленная система ведущих и производных эмоций» [Там же, с. 15]. Причем ведущим эмоциям соответствуют мотивационно значимые явления. Под производными эмоциями здесь понимаются модификации эмоции доминантной, их функциональное назначение – ситуативное развитие ведущей мотивации. При этом развитие производных эмоций может осуществляться в нескольких направлениях. С одной стороны, они могут поддерживать ведущую эмоцию, представляя различные ее аспекты, способствуя тем самым ее акцентированию, с другой – производные эмоции могут пойти по собственному пути развития; в художественном тексте могут фиксироваться производные эмоции, отличные от ведущей и даже противопоставленные ей. В таком случае структура речевого произведения представлена амбивалентными эмоциями. Особо значимым для нашего исследования является положение о **регулятивной функции** репрезентированной в тексте эмоции, **оп-**

ределяющей конструирование авторского личностного смысла и его понимание реципиентом.

Относительно языковых средств репрезентации системы эмоций в художественном тексте исследователь замечает, что она может быть представлена «большим количеством лексем, ассоциативно связанных ядерными и периферийными семами и представляющих разные, но «родственные» смыслы. Это способствует как выражению интенсивности определенных эмоций, так и направленности на представление доминантной эмоции» [Там же, с. 20]. При этом подчеркивается, что «в художественном тексте авторские эмоциональные смыслы далеко не всегда представляются так называемой эмоциональной лексикой... Гораздо важнее другое: как правило, репрезентация эмоции осуществляется взаимодействием единиц разных поэтических уровней ...» [Там же, с. 21]. Вместе с тем В.А. Пищальникова акцентирует, что авторские эмоции, репрезентированные в художественном тексте, важны не сами по себе, а в связи с тем, что они закрепляют доминантные смыслы, на основе которых и происходит понимание текста.

Ряд положений концепции В. А. Пищальниковой представляются особо значимыми для нашей работы.

1. Эмоции представляют собой **обязательный** компонент смысловой структуры текста. В основе данного утверждения лежит представление о тексте как определенном содержании концептуальной системы его автора, важнейшим и неотъемлемым компонентом которой предстает мотивационно-эмоциональная сфера.

2. Доминантная эстетизированная эмоция художественного текста становится доступной восприятию и пониманию других индивидов, поскольку репрезентируется конвенциональными средствами языка. Данная гипотеза была подтверждена результатами проведенных автором многочисленных экспериментов, выявивших, что реципиенты способны **адекватно** определять доминантную эмоцию и фиксировать репрезентирующие ее языковые элементы.

Следовательно, содержательный аспект эстетической эмоции может быть выявлен при анализе структурных отношений лексических элементов художественного текста, что и подтверждено в ходе проведенного нами экспериментального исследования.

3. Эстетическая эмоция в процессе восприятия художественного текста возникает у реципиента и *до анализа* его компонентов. Это связано с тем, что «эмоциональное закрепление эстетически значимых элементов способствует убыстрению процесса понимания смыслов, когда «эмоциональное решение» значительно опережает интеллектуальное» [Пищальникова, 1999, с. 67].

4. Возможность адекватного восприятия и определения доминантной эмоции исходного текста переводчиком создает предпосылки для адекватного ее отражения в тексте перевода.

5. Благодаря **регулятивной функции** эстетизированной эмоции в художественном тексте становится возможным сопоставление логически несовместимых реалий: «оно происходит на основе одинакового субъективно-эмоционального отношения к ним, на основе эмоциональной аттракции» происходящих в ассоциациях содержательных изменений [Там же, с. 68].

Интерпретация эмоциональности речи как некоторого эмоционального фона, представляющего мотивационные процессы личности, *регулирующие достижение намеченной цели*, отмечается в концепции В.Н. Гридина. Исследователь отмечает, что «**мотивационная сфера человека определяет эмоциональную окраску фона**, на котором разворачиваются составляющие деятельность действия и операции» [Гридин, 1991, с. 114] (выделено мной. –Е.Р.). Автор также различает ведущие, соответствующие мотиву деятельности, и производные, отражающие результативность процесса деятельности, эмоции (сам автор не использует отмеченных терминов ведущих и производных эмоций; мы используем термины В.А. Пищальниковой как наиболее удачные), поскольку обращает внимание на то, что существование эмоционального фона деятельности «не означает ..., что эмоции, сопутствующие действиям, одинаковы по сво-

ему качеству и количеству на всем протяжении их осуществления» [Там же, с. 114]. Предлагая рассматривать эмоциональность речи как эмоциональный фон, выступающий результатом фиксации мотивационно-потребностной сферы личности, *регулирующей процессы речевой деятельности индивида*, В.Н. Гридин отмечает, что «теоретически **каждое** слово (и шире – каждая значащая единица языка) может стать носителем эмоционального заряда» [Там же, с. 115] (выделено мной. – Е.Р.). С этим, по мнению автора, связано то, что при психолингвистическом подходе «основное внимание сосредоточено не столько на объективном содержании языкового знака, сколько на тех операциях, которым он подвергается в процессе порождения речи в зависимости от эмоционального состояния говорящего» [Там же, с. 115]. Таким образом, именно **эмоционально-мотивационные процессы личности определяют конкретный характер содержания языковых единиц текста**. В соответствии с этим находится отмеченное ранее положение теории В.А. Пищальниковой о **регулирующей функции эмоциональной доминанты текста** при производстве системы авторских смыслов и ее последующем восприятии и понимании реципиентом.

В связи с отмеченным ранее представлением об эмоциональной доминанте художественного текста В.А. Пищальниковой находится психолингвистическое исследование **эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора** А.В. Кинцель. Несмотря на то, что выдвинутые В.А. Пищальниковой положения рассматриваются применительно к художественному тексту, по мнению исследователя, есть основания для их перенесения на структуру любого текста, «поскольку выявленные закономерности речевой деятельности человека, на которые опирается в своей работе В.А. Пищальникова, универсальны и не ограничиваются рамками эстетической речевой деятельности» [Кинцель, 2000, с. 14]. Поэтому основной интерес в исследовании А.В. Кинцель сосредоточен на изучении эмоциональной характеристики речевого произведения в аспекте установления наличия эмоциональной характеристики в текстах **любого функционального стиля**, в том числе и в текстах научной и офици-

ально-деловой речи, традиционно признаваемых эмоционально нейтральными. Результаты работы А.В. Кинцель, на наш взгляд, чрезвычайно значимы, а поэтому требуют более детального изложения.

Под эмоциональностью текста исследователь понимает «репрезентацию в нем ведущего мотива, т.е. доминантной эмоции, выступающей единственным представителем процессов мотивации и репрезентированной различными языковыми единицами непосредственно в тексте» [Кинцель, 2000, с. 42].

Результаты многочисленных экспериментов позволяют автору определить эмоциональность текста как «репрезентацию в нем некоторой эмоции, выступающей представителем мотивационных процессов речевой деятельности индивида, **а не только целенаправленное отражение в тексте различных эмоциональных состояний**» (выделено мной. - Е.Р.) [Там же, с. 78]. Несмотря на признание наличия эмоциональной доминанты у любого текста, автор отмечает, что **«в разных текстах она реализуется по-разному, что связано, прежде всего, с характером мотива речевой деятельности, представленным в данном тексте, обуславливающим цель и интенцию говорящего»** [Кинцель, 2000, с. 40]. «Абсолютная объективность» и «неэмоциональность» какого бы то ни было текста представляется невозможной в силу того, что, во-первых, его создателем является конкретный индивид со своей концептуальной системой; во-вторых, в каждом случае речевого порождения осуществляется один и тот же процесс формирования **мотива** и цели до их воплощения языковыми средствами, **а представителем мотивационной сферы**, как уже было отмечено, **являются эмоции**, т.е. эмоция в процессе порождения речи присутствует **всегда**. «Нейтральное» с позиций традиционной лингвистики «эмоциональное состояние таковым в действительности не является; другое дело, что эмоции могут быть малоинтенсивными, и их интенсивность сколь угодно долго может стремиться к нулю, никогда его не достигая. **«И нейтральное состояние – это не что иное, как малоинтенсивное положительной модальности эмоциональное состояние, которое, как правило, не осознается, не ощущается, и**

не фиксируется языком» [Там же, с. 41]. Важным для нас является также положение о том, что общее эмоциональное отношение индивида к тексту, определяющееся различными установками личности, оказывает существенное влияние на восприятие текста. Определяющим для нашей работы является свидетельство об **эмоционально-смысловом единстве текста**, поскольку, как было выявлено А.В. Кинцель, лексические средства репрезентации ведущей эмоции и доминантного личностного смысла в основном совпадают, что в очередной раз свидетельствует об участии эмоциональных процессов в формировании смысловой структуры текста.

Ряд положений А.В. Кинцель об эмоциональности как текстообразующем факторе мы включаем в теоретическую базу работы.

1. Эмоциональное отношение реципиента к тексту оказывает существенное влияние на его восприятие: при восприятии текст может быть оценен противоположно объективно зафиксированным в нем эмоциональным характеристикам. Такое расхождение, как правило, наблюдается при отрицательном эмоциональном отношении к речевому произведению.

2. Существует зависимость степени эмоциональности текста от характера представленной в нем информации. Поэтому роль эмоциональных характеристик в представлении доминанты текстов различных жанров будет различной.

3. Доминантная эмоция может быть представлена любыми языковыми средствами, а, следовательно, средствами ее репрезентации в тексте могут становиться и нейтральные с точки зрения системы языка лексемы, что и было неоднократно подтверждено результатами проведенных автором экспериментальных исследований.

4. Реципиент воспринимает текст как репрезентированное в различных модификациях языковых единиц доминантное эмоциональное содержание. Если это универсалия восприятия, то восприятие иноязычного текста будет осуществляться на том же основании.

5. Несмотря на то, что процесс образования эмоционально-смысловой доминанты текста является индивидуальным, результаты проведенных экспериментальных исследований свидетельствуют о существовании **некоторых наиболее общих направлений смыслообразования, о существовании некоторых универсальных закономерностей формирования такой доминанты.**

В нашей работе под эмоциональностью текста, вслед за А.В. Кинцель, мы будем понимать **репрезентацию в нем ведущего мотива, эксплицируемого эмоцией.** Следует указать на отличие эмоциональной доминанты в изложенном понимании от признака эмотивности текста, выделяемого некоторыми исследователями [Болотов, 1982, 1986; Каримова, 1991; Сорокин, 1991] и рассматриваемого лишь как разного рода **нарушения** нормы языковой системы. В этой связи остановимся подробнее на исследовании В.И. Болотова, предпринявшего попытку создания теории эмоционального воздействия текста на базе теории семантических полей и понятий «норма/ненорма». Данное исследование ориентировано, прежде всего, на выяснение причин эмоционального воздействия текста на индивидов определенного социального поля, в нем также представлена классификация средств эмоционального воздействия текста. Методика исследования В.И. Болотовым эмоционального содержания художественных текстов основана на принципе нарушения языковой нормы.

По мнению В.И. Болотова, норма определяет все отношение человека и окружающего мира: между субъектами материального мира, между субъектом и объектом, между субъектами и языковыми знаками, между самими языковыми знаками, а также между элементами языкового знака. С этих позиций язык для участников коммуникации предстает как «совокупность норм» [Болотов, 1986, с. 9], только при таком условии речь может быть понята. Под нормой в работе понимается «совокупность установившихся в данном обществе и в данную эпоху языковых привычек и правил общественного пользования языком» [Там же, с. 9]. Однако автор отмечает, что «весь язык (как совокупность норм) может быть использован в тексте как средство эмоционального воздействия,

если единицы языка в тексте употреблены **ненормативно** (по сравнению с традиционными формами и значениями)» [Там же, с. 13]. Всякое нарушение нормальных отношений между компонентами текста в определенных условиях является источником эмоциональности текста.

Экспериментальное исследование, проведенное В.И. Болотовым, в ходе которого осуществлялся сплошной просмотр 6750000 знаков текстов, показало, что в случае эмоционального воздействия на адресата в тексте обнаруживаются «неязыковые (содержательные) или языковые отклонения» от норм. На основании полученных результатов автор делает вывод о том, что «норма» представляет собой (языковой-неязыковой) уровень, на котором «передается интеллектуальное содержание текста» [Болотов, 2001, с. 185], в то время как ненорма - уровень передачи эмоционального содержания текста. Таким образом, всякая ненормативность как в плане выражения, так и в плане содержания становится источником эмоционального воздействия на адресата. Необходимо отметить, что ненормативность и, следовательно, эмотивность исследуются автором лишь в отношении художественных текстов. «В художественных текстах практически никогда не существует абсолютно нормативных текстов, т.к. этот факт автоматически выводит текст из художественных, ибо художественный текст **обязан** быть ненормативным» (выделено мной. - Е.Р.) [Болотов, 2001, с. 205].

Эмотивность, как видим, здесь понимается лишь как различного рода нарушения нормы языковой системы, При отсутствии такого рода нарушений, следовательно, эмотивность отсутствует. Это приводит к отрицанию такого существенного признака, как эмотивность у большого количества речевых произведений научного, делового и отчасти газетно-публицистического стилей, что противоречит рассмотренным выше положениям психолингвистической науки. Ведущий мотив (а, следовательно, доминантная эмоция как его единственный представитель на уровне психического отражения) лежит в основе **любого речевого акта** как акта психической (речевой) деятельности. Регулируя процессы порождения речевого высказывания, эмоциональная доминанта ре-

презентируется всей совокупностью языковых средств, участвующих в языковом оформлении данного доминантного личностного смысла. В результате можно говорить об эмоциональности как **необходимой, обязательной, существенной** характеристике текста. При этом подчеркнем еще раз, что **под эмоциональностью текста мы понимаем репрезентацию в нем ведущего мотива, то есть доминантной эмоции.**

Интересным, на наш взгляд, представляется утверждение автора о **потенциальной** возможности любого языкового знака стать причиной эмоционального воздействия на адресата. Однако эмоциональная окрашенность представляет собой **факультативный** компонент лексического значения слова и способна реализовать себя лишь в тексте, где «нормативные отношения между элементами языкового знака ... часто нарушаются, и при сохранении инварианта значения он может приобрести эмоциональную окраску» [Болотов, 1986, с. 32]. Более того, каждый языковой знак потенциально является одновременно синонимом и омонимом, что в тексте может привести к двусмысленности, к нарушению норм лексической сочетаемости и, следовательно, к тому же результату - эмотивному воздействию текста. Данное положение точнее соотносится с представленным в концепции В.И. Шаховского утверждением об определяющей роли контекста в приобретении эмотивного значения языковыми единицами и было прокомментировано выше.

В рамках своей концепции в соответствии с дихотомией язык/речь В.И. Болотовым выделяется единица эмотивности эмотема - как единица языка, и ее реализация в тексте - эмотив. Т.е. исследователь, по справедливому замечанию А.В. Кинцель, пытается «встроить свою концепцию в рамки лингвистики текста, говоря о системе и ее функционировании» и тогда вполне закономерно возникает вопрос о том, почему «эмотема/эмотив- это **нарушение** языка/речи» [Кинцель, 2000, с. 38].

Мы полагаем, что более адекватно феномену не выделять эмоциональность как особую характеристику **языка** или **языковой единицы**, так как эмо-

ция – явление неязыковое, ментальное, представляющее мотивационную сферу психической деятельности и лишь репрезентирующееся в языковых единицах в зависимости от цели речевой деятельности. Обоснованнее говорить лишь об **эмоциональном компоненте** доминантного смысла (значения в системно-структурной концепции), который регулирует восприятие текста. Ведущая эмоция при этом, как уже отмечалось, может представляться в языковых единицах разных уровней, а не только так называемой эмоциональной лексикой [Пищальникова, 1991, с. 20].

Более того, экспериментальные психолингвистические исследования последних лет показали, что **нет принципиального различия между словами, относимыми лингвистами к эмоциональным и не эмоциональным с точки зрения системы языка:** как те, так и другие способны репрезентировать различные эмоции, эмоциональный личностный смысл, который, в свою очередь, есть отражение ведущего мотива данного речевого произведения (текста). Согласно этому любая лексема может стать репрезентантом определенной эмоции в конкретном тексте. **Те единицы языка, которые принято в лингвистике считать нейтральными, чаще всего представляют доминантные эмоции положительной модальности малой интенсивности.**

Подтверждается сказанное и некоторыми особенностями содержания концептуальных систем, выявленных логиками [Павиленис, 1983]. В содержание любого концепта, наряду с ассоциативным, понятийным и другими компонентами, входит и эмоциональный. Несмотря на индивидуальный характер концептуальных систем и концептов, их составляющих, существуют определенные закономерности формирования их содержания, связанные с общественным характером существования языка и осуществляемой им коммуникативной функцией. И, подобно тому, как существуют и выявляются вербальные и невербальные ассоциативные нормы, можно, по-видимому, выявить и **нормы эмоциональной характеристики того или иного концепта.** Исследования

подобного рода только начались в современной психолингвистике, но актуальность их очевидна [Мягкова, 1990].

Е.Ю. Мягкова экспериментальным путем выявила эмоциональную нагрузку слова (ЭНС), установив, что эмоциональный компонент есть в значениях не только слов, которые традиционно считались эмоциональными, но и в нейтральных с точки зрения эмоциональности лексемах. Исследователь исходит из понимания эмоциональной нагрузки слова как сложного психолингвистического феномена, принадлежности индивидуального сознания, который всегда связан с определенными видами коммуникативных ситуаций [Мягкова, 1990].

Разделение лексики на нейтральную и эмоциональную ориентировано, как правило, на формальные показатели (например, различные словообразовательные аффиксы). Разные исследователи выделяют неодинаковые группы слов, демонстрируя отсутствие единого основания для классификации. Трудности в определении круга эмоциональной лексики свидетельствуют и об отсутствии однозначного понимания эмоциональности как языковой лингвистической категории. Эмоция – понятие психологическое. Репрезентированная языковыми единицами разных уровней в конкретном тексте, она обуславливает такую текстовую характеристику, как эмоциональность, относящуюся, по нашему мнению, к психолингвистической категории. Конкретные лексические единицы лишь репрезентируют доминантную эмоцию в тексте.

Последовательно реализованный Е.Ю. Мягковой психолингвистический подход к исследованию эмоциональных процессов позволяет изменить традиционное представление об эмоциональных характеристиках слова. В качестве теоретической базы исследования автором была принята психолингвистическая трактовка слова как единицы речевой/языковой способности человека – его индивидуального лексикона [Залевская, 1999]. При такой трактовке значения представление об эмоциональных характеристиках слова значительно меняется: преломляясь через индивидуальный опыт человека, слово не может не окрашиваться многочисленными впечатлениями, переживаниями, отношениями и

пр. Таким образом, **каждое** слово, в независимости от того, к какой лексико-семантической группе оно принадлежит согласно лингвистической классификации, **характеризуется наличием эмоциональной нагрузки в зависимости от характера речевой деятельности**. Более того, результаты экспериментов Е.Ю. Мягковой поставили под сомнение критерии выделения эмоциональной лексики: лишь для незначительного количества реакций на слово-стимул в ассоциативном эксперименте были использованы суффиксы субъективной оценки.

Использование термина «эмоциональная нагрузка слова» [Мягкова, 1990], который в более поздних исследованиях был заменен на «эмоционально-чувственный компонент значения слова» [Мягкова, 2000], не только в очередной раз акцентирует отграничение разрабатываемой исследователем трактовки эмоциональности слова от традиционной лингвистической, но и дает возможность свести воедино составляющие этот аспект значения компоненты, соотношение которых в структуре значения слова рассматривается неоднозначно. По мнению исследователя, все более очевидной становится условность лингвистического разграничения таких компонентов значения, как эмотивность, оценка, экспрессивность и пр. Необходимо подчеркнуть, что экспериментальные данные Е.Ю. Мягковой подтвердили факт **неразрывности эмоции и оценки**. И это вполне объяснимо, поскольку эмоции выполняют роль внутренних сигналов, фиксирующих «оценочное личностное отношение субъекта к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности и к своим проявлениям в них» [Леонтьев А.Н., 1977, с. 37]. Точка зрения, согласно которой эмоциональность и оценочность взаимообусловлены и тесно связаны друг с другом, находит подтверждение в работах большинства современных исследователей [Рубинштейн, 1979; Вольф, 1985; Кинцель, 2000]. Связь эмоциональности и оценочности обусловлена единством аффективного и интеллектуального, т.к. «эмоциональность – категория психологическая, характеризующая явления аффективного порядка, а оценочность – содержательная, смысловая» [Кинцель,

2000, с. 48]. При перенесении данного положения в сферу функционирования текста отмечается, что хотя характер их соотношения может быть различным, в любом тексте они присутствуют в совокупности.

Особо важным, на наш взгляд, является представление о значении как о **процессе**, позволяющее допустить **возможность непрерывной динамики, а соответственно и варьирования эмоциональных характеристик** в процессе функционирования слова. Данное положение во многом объясняет трудность фиксации и интерпретации эмоционального значения слова.

Обнаружение регулирующей функции репрезентированной в тексте эмоции в процессе понимания речевого произведения привело к появлению значительного количества исследований, направленных на разработку методик коррекции психического состояния личности с помощью репрезентированных в тексте эмоций. Регулирующие свойства доминантной эмоции речевого произведения отмечены в работе В.П. Беянина, частично освещающей влияние художественного текста на состояние реципиента.

В исследовании В.П. Беянина, целью которого явилось описание существующих в художественной литературе моделей мира, предпринят принципиально новый подход к анализу литературного текста. Основу таких моделей составляет содержание индивидуального авторского сознания, вербализированного в тексте. Разнообразие психологических типов людей, типов сознания порождает разнообразие типов художественных текстов. В результате анализа художественных текстов современной зарубежной литературы и произведений на русском языке В.П. Беянин выявляет несколько типов текстов, условно названных так: «светлые», «веселые», «красивые», «темные» («простые»), «печальные», «сложные». Важно, что построение психолингвистической типологии текстов осуществлялось на основании выявления их эмоционально-смысловых доминант как проявления индивидуального сознания автора.

На наш взгляд, сам факт выделения эмоционально-смысловой доминанты в качестве основания для предложенной типологизации художественных

текстов в очередной раз акцентирует выполняемую ею **смыслообразующую роль** в тексте. Доминанта как главенствующий очаг возбуждения, по А.А. Ухтомскому, определяет **не только поведение** организма, но и **характер восприятия мира**. В.П. Белянин рассматривает художественный текст как «личностную **интерпретацию** действительности. Писатель описывает те фрагменты действительности, с которыми он знаком; развивает такие соображения, которые ему близки и понятны; использует языковые элементы и метафоры, которые наполнены для него личностным смыслом» [Белянин, 2000, с. 55].

По убеждению автора, доминанта представляет собой **организующий центр литературного текста**. Она определяет смысловую цельность текста на всех уровнях – лексическом, стилистическом, синтаксическом и структурном (морфологическом), определяет систему образных средств текста. Причем каждый тип текста характеризуется наличием своей собственной, отличной от текстов другого типа системности. В соответствии с этим эмоционально-смысловая доминанта определяется автором как «система когнитивных и эмоциональных эталонов, характерных для определенного типа личности, и служащих психической основой метафоризации и вербализации картины мира в тексте» [Там же, с. 57].

Нам важно отметить ряд положений исследования, затрагивающих проблему соответствия текста перевода оригиналу. Определяющим является ставшее в последнее время тривиальным положение о принципиальной **невозможности** построения перевода, идентичного оригиналу. Речь может идти только об их **относительной равноценности**, об «адекватности художественных образов» [Белянин, 1988, с. 49]. Это положение вполне соотносится с принятым в психолингвистической концепции перевода утверждением о том, что эквивалентность при переводе может быть установлена лишь в отношении **функции** элементов оригинального текста и текста перевода, тождественность же перевода и текста оригинала при **смысловой их эквивалентности исключается** в

силу специфичности содержаний концептуальных систем автора и переводчика [Герман, 1999].

Поднимая вопрос о критериях адекватности перевода оригиналу, В.П. Белянин отмечает, что «перевод художественного текста должен представлять собой переложение смысла текста с одного языка на другой при максимальной сохранности и содержания текста, и его **коннотативно-эмоциональных особенностей**» [Там же, с. 49], другими словами, эмоциональной доминанты текста. Необходимость сохранения эмоциональной доминанты текста при переводе акцентируется и результатами многочисленных экспериментальных исследований, указывающих на изменение некоторых семантических параметров текста при искажении их эмоциональной доминанты.

В.П. Беляниным было установлено, что «наиболее адекватно текст воспринимается теми читателями, тезаурус и эмоциональные структуры личности которых совпадают с авторскими, что соответствует приведенному выше положению В.А. Пищальниковой о необходимости некоторого сходства концептуальных систем автора и реципиента художественного текста для его адекватного понимания. Существующие несовпадения в интерпретации мира в художественном тексте и у читателя влекут за собой **непонимание текста** или понимание его по своему. Помимо наличия у автора и читателя сходного тезауруса, то есть некоторой системы знаний о мире (об описываемом объекте), отмечается необходимость существования некоторого родства мотивационных структур личности автора и читателя. Таким образом, **присутствие сходных эмоционально-смысловых структур** в сознании порождающего и воспринимающего текст повышает адекватность восприятия текста реципиентом. В художественных текстах, где эмоции являются одним из важнейших компонентов смысловой структуры, адекватное понимание в значительной степени зависит от степени сходства эмоционально-смысловой доминанты личности автора и читателя. Полагаем, что перенесение данного положения в сферу переводческой деятельности может существенно повлиять на характер моделирования

перевода. Именно отсутствием подобного сходства у переводчика и автора текста можно объяснить зачастую возникающее в тексте перевода некоторое изменение эмоциональных смыслов исходного текста, недопустимое в тех случаях, когда оно приводит к искажению исходной эмоционально-смысловой доминанты. Такое изменение объясняется общими закономерностями психической деятельности индивида, в соответствии с которыми реципиент (**в особенности это касается непрофессиональных переводчиков**) «видит в тексте в первую очередь то, что **он ожидает** или **хочет видеть**, на что его нацеливают мотивы, ... личностные ориентиры и многое другое» [Залевская, 1999, с. 249].

Данное положение является особо значимым для нашей работы, поскольку результаты проведенного экспериментального исследования выявили наличие указанных несоответствий при выполнении переводов реципиентами, **не занимающимися профессионально переводческой деятельностью**. (Однако подобные расхождения были зарегистрированы лишь в **незначительном количестве случаев**). Профессиональный же переводчик, пытаясь абстрагироваться от личностно значимых моментов, стремится к максимально адекватному отображению авторского смысла.

В большинстве случаев намеренная акцентуация актуальных для автора личностных смыслов системой языковых единиц различных уровней способствует адекватному восприятию, а соответственно и передаче в тексте перевода **исходного эмоционально-смыслового содержания**, что и подтвердили результаты проведенных нами экспериментов.

1.2. Место, роль, функции эмоциональной доминанты в исследовании понимания речи

В современной лингвистике текст является основным объектом изучения. Как показал анализ рассмотренных выше концепций, исследования, ориентированные на выявление значимости эмоциональных явлений в процессах понимания речи, в первую очередь обращаются к тексту (речевому произведению). В

связи с этим возникла необходимость рассмотрения того, что стоит за термином «текст» в рамках нашего исследования. Многочисленные и разноаспектные психолингвистические исследования текста в последние 10-15 лет позволили осознать, как отмечает В.А. Пищальникова [Пищальникова, 1999], что текст – это отнюдь не линейная последовательность языковых элементов, а сложный, **иерархически организованный репрезентант некой смысловой нелинейной целостности**. Многочисленные попытки обнаружения «смысловой единицы» текста показали, что вычленение в тексте смылосодержащих компонентов любого качества и количества (как языковых единиц, так и смысловых блоков) оставляет вопрос о принципах возникновения текста как смыслового целого открытым. Именно поэтому в последнее время стало актуальным исследование текста как функциональной системы, а не статической иерархии смыслов различной степени сложности. Речевое произведение рассматривается как некий конструкт, определяющийся структурными особенностями его существования и функционирования и эволюционирующий по физическим законам. Поиск новых способов исследования объекта лингвистики привел к существенному сдвигу в проблеме понимания речевого сообщения – одной из центральных проблем в языковедческих исследованиях XXI в. – и роли отдельных его компонентов, в нашем случае эмоциональных процессов, в едином процессе понимания. Ряд концепций исследователей прошлых лет, анализ которых представлен во введении нашей работы, послужили теоретической базой для определения современной ситуации изученности текста и вопросов, связанных с его пониманием в современной психолингвистике. Задачей данного параграфа является расширение выявленной теоретической базы за счет рассмотрения вопросов, связанных с пониманием речевого произведения в концепции А.А. Потебни, а также акцентуация роли репрезентированной в тексте эмоции в процессе его понимания на основе всех отмеченных ранее исследований.

Проблема понимания речевого произведения в свое время была рассмотрена в работах А.А. Потебни. Творческая активность этого выдающегося лин-

гвиста, как известно, была стимулирована трудами великого философа языка В. фон Гумбольдта. В своих исследованиях А.А. Потебня отмечал, что *реальная жизнь слова осуществляется только в речи* [Потебня, 1976, 1989, 1990, 1999]. Мы рассматриваем ряд положений Потебни, чтобы показать, что они не противоречат новой психологической парадигме и соответствуют новому аппарату психолингвистического исследования. Слово, по мнению А.А. Потебни, представляет собой взаимосвязь внутренней формы, содержания и внешней формы, представляющих нерасторжимое единство. По словам ученого, такое единство представляет собой *пульсирующее образование*. В *сдвиге отношений* между этими тремя компонентами наглядно представлена *динамика языка*. Только сейчас появилась возможность соответствующей интерпретации отмеченного положения, только сейчас лингвистика начала обращать внимание на исследование динамики *собственно языковой*, а не просто на изменение отношений между словом-знаком и обозначаемыми ими реалиями. Динамика языка понималась односторонне, и только в последнее время она стала рассматриваться как онтологическое свойство языка-феномена. Особую значимость для нашего исследования представляет учение А.А. Потебни о внутренней форме слова, которое, по мнению ученого, *рождается вместе с пониманием*. Обратим внимание на то, что внутренняя форма не понимается при восприятии слова, а *рождается* в процессе понимания. Объективное содержание слова А.А. Потебня называет его «ближайшим этимологическим значением», которое «всегда включает в себе только один признак; другое – субъективное содержание, в котором признаков может быть множество. Первое есть знак, символ, заменяющий для нас второе» [Потебня, 1976, с. 114]. Именно первое содержание представляет собой, по мнению А.А. Потебни, внутреннюю форму. То есть, внутренняя форма – это конвенция, все остальное в слове – субъективно. Внутренняя форма слова, как отмечает ученый, обладает несколькими функциями: 1) она есть отношение содержания мысли к знанию; она показывает, *как представляется человеку его собственная мысль*; 2) внутренняя форма слова «дает

направление мысли слушающего, но она ... дает только *способ развития в нем значений, не назначая пределов его пониманию* слова. Слово одинаково принадлежит и говорящему, и слушающему, а потому *значение его состоит не в том, что оно имеет определенный смысл для говорящего, а в том, что оно способно иметь смысл вообще*. Только в силу того, что содержание слова способно расти, слово может быть средством понимать другого» [Там же, с. 180] (выделено мной. – Е.Р.). Следовательно, *слово лишь направляет деятельность реципиента, нацеленную на понимание речевого произведения*, задает это направление. **Динамический потенциал внутренней формы слова заключается в порождении гибкости образа, в возбуждении самого разного содержания, в том числе и отличного от авторского.** То есть, внутренняя форма является не этимологическим признаком, а *способом представления мысли*. В процессе восприятия текста реципиентом происходит встречное порождение высказывания. Представленное в тексте слово, порождая мыслительную деятельность реципиента при его восприятии, *не может быть тождественно авторскому содержанию*. В соответствии с этим А.А. Потебня справедливо утверждает, что *«каждый мыслит своей собственной мыслью ... новый образ в каждой душе застаёт другое содержание прежних восприятий, другие чувства и в каждой образует другие комбинации»* [Там же, с. 140] (курсив мой. – Е.Р.). Репрезентированное конвенциональными средствами, определенной совокупностью лексем, авторское содержание становится доступным восприятию и пониманию реципиента. Происходит соотношение концептуальных систем продуцента и реципиента. Однако адекватное (но не тождественное) понимание речевого произведения возможно. Таким образом, отмеченные положения А.А. Потебни позволяют сделать ряд существенных для нашего исследования выводов: 1) исследовать реальное значение слова можно только в речевой деятельности; 2) внутренняя форма как способ представления мысли задает характер восприятия и понимания слова, но не задает границ его понимания. Эти положения чрезвычайны

чайно важны при изучении процесса *переводческой деятельности – вторичной смыслопорождающей деятельности и ее компонентов.*

Для понимания сущности эмоциональной доминанты как структурообразующего компонента переводческой деятельности особую важность представляет введенное исследователем понятие «сгущение мысли», связанное с отмеченной ранее внутренней формой. А.А. Потебня акцентирует два свойства сгущения мысли: 1) особенность его воздействия *достаточно обычным словом*; 2) *синергетичное существование в художественном тексте определенности и бесконечности очертаний.* Эти свойства приобретают особую актуальность и значимость при их проецировании на изучение системы авторских смыслов, репрезентированных в художественном произведении. Исследователь также отмечает *установление внутренней связи восприятий, отличной от их механического сцепления*, что также соотносится с исследованием функционирования компонентов авторского смысла в деятельности по его порождению. Отметим еще одно положение А.А. Потебни, являющееся по сути синергетическим: *«Преобразования чувственных впечатлений могут быть выведены из сил, которые не таятся в этих восприятиях до времени, а действительно возникают при известных условиях, подобно тому, как физические силы не пробуждаются в веществе, а рождаются в нем при его взаимодействии с другими»* [Потебня, 1999, с. 49] (выделено мной. – Е.Р.). Для реципиента таким определенным условием является процесс восприятия речевого произведения: смысл текста не существует сам по себе, вне его восприятия реципиентом. Деятельность реципиента в этом случае направлена *на понимание фрагмента реальности автора, фрагмента, представленного вербально.* Эмоциональная доминанта возбуждает поток образов восприятия действительности реципиента и объединяет их на базе актуального для ее продуцента интегративного признака. Смысл для реципиента рождается как взаимодействие авторских смыслов и его концептуальной системы. Приведем еще одно положение А.А. Потебни: **«Представления восстают из глубины души, сцепляются и тянутся вереницами, слагаются в**

причудливые образы или в отвлеченные понятия, *и все это совершается само собою*, как восхождение и захождение светил» [Там же, с. 50] (выделено мной. – Е.Р.). Это положение приобретает особую значимость при его проецировании на изучение системы авторских эмоциональных смыслов, репрезентированных в художественном произведении. Доминантная эмоция способствует *бессознательному единению, сопоставлению, связи* казалось бы логически несовместимых реалий окружающей действительности благодаря актуальному для продуцента интегративному признаку.

Ряд положений А.А. Потебни о внутренней форме слова представляют теоретическую базу для изучения эмоциональной доминанты как смыслообразующего компонента переводческой деятельности с лингвосинергетических позиций. По А.А. Потебне, внутренняя форма слова – *стабильный* компонент содержания. Однако это не отрицает возможность развития, динамики содержания слова, а, напротив, *предполагает ее*. Для реципиента-переводчика, имеющего дело с иноязычным фрагментом текста, представляющим определенное содержание авторской картины мира, внутренняя форма слова/значение лексемы является *стабилизирующим началом поиска* и средством адекватного понимания смысла продуцента текста. Стабильный компонент – значение лексемы, входящей в систему языковых репрезентантов авторского смысла, является неизменным условием понимания последнего. *Стабильное и нестабильное* в значении начинают функционировать в *единой системе*, назначение которой заключается в *порождении встречного высказывания, адекватного исходному*.

Компоненты авторского смысла как функциональной синергетической системы объединяются актуальным для продуцента интегративным признаком, который реципиентом, как правило, понимается, хотя и не осознается. В случае обнаружения реципиентом интегративного признака возможно встречное порождение текста (перевода), который адекватно передает авторский смысл оригинала. Важно отметить, что обнаружение интегративного признака авторского смысла происходит под действием регулятивной функции эмоций, направляю-

щих разнообразны ассоциации реципиента, возникающие при восприятии текста. *Эмоциональная доминанта текста регулирует характер восприятия, способствуя адекватному пониманию авторского личностного смысла. Доминанта направляет* креативную деятельность реципиента, направленную на достижение понимания авторского смысла, заключенного в художественном тексте. Доминантная эмоция «запускает» процессы самоорганизации в концептуальной системе реципиента, снижая энтропию смысла, привнесенного автором.

Отмеченные выше концепции легли в основу положения о смыслообразующей роли доминантной эмоции, ставшего общепризнанным в современной психолингвистике. **Доминантная эмоция инициирует порождение встречной/вторичной модели фрагмента познания мира, инвариантной исходной авторской модели.**

Активный субъект/реципиент текста в процессе его восприятия включен в процесс познания фрагмента окружающей действительности, представленного автором текста. Реципиент способен интерпретировать авторское содержание, а значит – способен установить связующие интегративные признаки, отношения, связи между компонентами авторского смысла, в конечном счете, вторично сопрягая компоненты, составляющие авторский фрагмент познания мира, а потому порождая встречный смысл. Установление необходимых связей происходит благодаря репрезентации авторского содержания конвенциональными единицами языка. Авторские смыслы являются разрушителями относительной стабильности концептуальной системы реципиента. В результате их восприятия концептуальная система реципиента приходит в неравновесное состояние. «Хаос ... играет конструктивную роль не только в процессах выбора пути эволюции, но и в процессах построения сложного эволюционного целого. Фигурально выражаясь, хаос выступает в качестве «клея», который связывает части в единое целое» [Князева, Курдюмов, 1997, с. 69]. В результате осмысления и интерпретации авторского смысла восстанавливается стабильность концептуальной системы реципиента, наступает состояние относительной устой-

чивости, происходит ее структуризация. Реципиент поднимается на качественно новый уровень понимания после интерпретации авторского содержания. **В этом и проявляется динамический характер встречного смыслопорождения, обусловленный этапом перехода от интерпретирования авторской модели фрагмента познания мира к порождению встречной структуры смыслов, коррелирующей с исходной, в собственной среде обитания.**

Особо отметим, что реципиент формирует только те смыслы, которые создают оптимальное соотношение в его среде обитания/концептуальной системе. Только в такой системе смыслов ему комфортно. Континуальный смысловой поток значим для индивида, а, следовательно, переживается им. «Все смыслы взаимодействуют и образуют сеть, генетически (но не логически!) восходящую (но не сводящуюся!) к ассоциативной сети» (цит. по [Богин, 2001, с. 7]). В силу ассоциативности мышления оно способно интегрировать разнородные элементы. Доминантный эмоциональный смысл – это концептуальная, языковая и ассоциативно-апперцепционная обработка представленной информации реципиентом. Интеграция происходит *непосредственно*. Доминантный смысл стабилен лишь как *вербальный указатель на личностный смысл автора*. В своей сущности доминантный смысл – динамичное смысловое образование, способное переструктурировать концептуальную систему реципиента. Доминантный личностный смысл мы воспринимаем как *креативную динамическую модель познания*. В структуру этой модели включены отношения между входящими в нее компонентами, которые воспринимаемы, но не вполне осознаваемы. Для реципиента доминантная эмоция является оязыковленной *формой репрезентации авторского видения мира*. Внешняя форма фиксации значения выступает в качестве стабилизирующего начала поиска по установлению специфики авторского смысла. Реципиент, рефлекслируя над значением как устойчивой структурой, постигает авторский смысл, т.е. **постигает внутренне динамичное значимое смысловое содержание, стоящее за внешней формой**. Таким образом, реципиент, осмысливая вербальные репрезентанты авторского

смысла, выходит на значимое переживание автора, фрагмент его картины мира, его личностный смысл. Репрезентированная вербально, авторская модель познания становится доступной для реципиента, для адекватного понимания другого. Итак, мы полагаем, что именно внешняя форма является средством «пробуждения рефлексии над чем-то значительно отстоящим» [Богин, 2001, с. 14]. Внешняя форма (вещественная оболочка) задает путь к выходу на смысл, на значащее авторское переживание. Если реципиент втянут в рефлексивный процесс, то он на основе внешней формы начинает осознавать, переживать смысл, стоящий за ней. Г.И. Богин отмечает: «Формальное *описывает* переживаемое, переживается же формальное лишь в той мере, в которой оно оказывается «зараженным смыслом», то есть втянутым в рефлексивные процессы» [Там же, с. 20]. На основе вербального репрезентанта реципиент выстраивает *интерпретационную схему*, которая принципиально открыта и динамична. Интерпретационная схема – это индивидуальный процесс вхождения реципиента в авторскую модель познания. Реципиент, постигая авторскую модель, постигает, главным образом, связи между ее компонентами. Эти связи носят ассоциативный характер. Поскольку интерпретационные схемы у разных воспринимающих индивидуальные, разные, поэтому существуют разные стратегии понимания. Однако некое общее адекватное, (но не тождественное!) понимание реально возможно в силу общности стратегий понимания, общности ассоциативно-апперцепционной базы как поля интерпретации авторского смысла.

Процесс чтения является активным фактором динамики смысла. Однако интерпретация авторского смысла не является бесконечным процессом, хотя языковое выражение может и получить более одного истолкования. Доминантный авторский смысл задает определенный путь осмысления, возможные направления динамики смысловой структуры, инициируя собственный путь понимания. Хотим особо акцентировать, что понимание авторского смысла возможно в силу общности стратегий понимания индивидов, общности ассоциативно-апперцепционной базы как поля интерпретации информации.

Мышление способно связывать в единую систему разнородные результаты отражения окружающей действительности. Интегративная функция мышления соединяет то, что кажется несовместимым. Такой механизм деятельности мышления находит свое выражение в авторском смысле, который фиксирует отношения гетерогенных объектов, связанных ассоциативными полями. **Авторская эмоциональная доминанта выделяет нестабильные, но существующие признаки-соединители.** Доминантный авторский смысл представляет собой *динамичное единство смысловых характеристик соотносимых объектов*. Реципиент, интерпретируя авторский смысл, открывает для себя новый смысл, ранее не выводимый из отдельных характеристик сопологаемых объектов.

Определив круг дискуссионных вопросов, касающихся места, роли и функции эмоционально-смысловой доминанты в процессе понимания речевого произведения, необходимо провести дальнейшее ее изучение в психолингвистическом аспекте. В основе психолингвистического подхода к изучению структур обработки, хранения и представления знаний в сознании индивида лежит *примат поиска объяснения*, а не констатирования. В соответствии с этим, становится логичной постановка вопроса о том, *как* извлекается, перерабатывается, интерпретируется информация, поступившая в концептуальную систему реципиента-переводчика извне в виде системы авторских смыслов, репрезентированных в определенном фрагменте художественного текста, а также *какие* нейрофизиологические, психофизиологические и психолингвистические процессы предопределяют переводческий успех в восприятии и порождении встречного построения системы смыслов, инвариантной/адекватной исходной. Следующий параграф диссертационного исследования посвящен поиску ответов на поставленные и некоторые дополнительные вопросы.

1.3. Нейрофизиологическое обоснование проблемы

Эмоциональные характеристики речевого произведения в известной степени определяются универсальными, нейрофизиологическими процессами, которые «лежат в основе всех других процессов, так или иначе их определяя», а потому могут способствовать объяснению специфики и психолингвистических процессов [Пищальникова, 1999, с. 14]. Кроме того, в последнее время многими исследователями акцентируется необходимость **комплексного подхода** к анализу изучаемых явлений. Использование достижений других наук для объяснения еще не объясненных лингвистических явлений, как правило, рассматривается в качестве одного из условий успешности того или иного исследования. Все чаще ставится вопрос о необходимости выявления универсалий, «принципиально обладающих генетической и функциональной самостоятельностью, но в норме функционирующих в единстве» [Герман, Пищальникова, 1999, с. 15].

Известно, что в основе психолингвистических процессов регуляции эмоциональной доминантой восприятия и порождения смыслов художественного текста лежат выделенные А.А. Ухтомским нейрофизиологические закономерности [Пищальникова, 1999]. Представление о возможности регуляции деятельности вообще с помощью какого-либо стимула появляется еще в первые десятилетия нашего столетия: в трудах А.А. Ухтомского возникает учение о физиологической доминанте, объясняющее регуляцию высшей нервной деятельности человека.

Доминанта определяется как «более или менее устойчивый очаг повышенной возбудимости центров, чем бы он ни был вызван, причем вновь приходящие в центры возбуждения служат усилению (подтверждению) возбуждения в очаге, тогда как в прочей центральной нервной системе широко разлиты явления торможения» [Ухтомский, 1966, с. 7]. Более того, другие компоненты текста служат не только подтверждению, но и *усилению возбуждения, привнесенного в текст доминантным эмоциональным смыслом*. В результате **порож-**

дается динамизм смысловой структуры текста, рождается смысловая динамика.

В соответствии с теорией доминанты, всю последовательность процессов в нервной системе, от возникновения потребности и до осуществления действия, направленного на ее удовлетворение, можно разделить на три стадии:

1. Формирование достаточно устойчивой доминанты, обладающей высокой реактивностью к разнообразным воздействиям и способной усиливаться при возбуждении любых рецепторных приборов.

2. Стадия «выработки адекватного раздражителя для данной доминанты и вместе стадия предметного выделения данного комплекса раздражителей из среды» [Там же, с. 13].

3. Установление прочной и адекватной связи между доминантой (внутренним состоянием) и выделенным комплексом раздражителей, «причем каждый из контрагентов (внутреннее состояние и внешний образ) будет вызывать и подкреплять исключительно друг друга» [Там же, с. 17].

Процесс регуляции высшей нервной деятельности посредством доминирования характеризуется значительной устойчивостью в силу того, что доминанта обладает «инертностью, т.е. склонностью поддерживаться и повторяться по возможности во всей своей цельности при всем том, что внешняя среда изменилась, и та оставляет за собой в центральной нервной системе прочный, иногда неизгладимый след» [Там же, с. 44]. Доминанта, по мнению А.А. Ухтомского, является не просто главенствующим очагом возбуждения; определяя совокупную работу нервных центров во всем организме, она представляет собой организующий **принцип поведения.**

Тот факт, что речевая деятельность человека является одним из проявлений его сущности, позволяет говорить о наличии коррелирующих элементов нейрофизиологических и речемыслительных процессов, точнее, о **существовании нейрофизиологической основы языковой способности.** То есть можно говорить о доминанте и речевого произведения, доминанте текстовой деятель-

ности. Однако следует отметить, что если при анализе поведения человека рассматривается доминанта физиологического и психологического (в том числе поведенческого) характера, то при анализе художественного текста следует иметь в виду лишь один из ее аспектов, а именно **эмоционально-смысловой** характер доминанты. Регулируя процесс речемыслительной деятельности, эмоционально-смысловая доминанта художественного текста функционирует по принципу физиологической доминанты, сохраняя ряд присущих ей основных черт. Остановимся на некоторых из них.

1. Господствующее возбуждение образуется в результате суммарного действия различных раздражителей организма. Аналогично этому доминантный эмоциональный смысл в художественном тексте представлен совокупностью образующих его личностных эмоциональных смыслов.

2. Господствующее возбуждение способно подкрепляться весьма **разнообразными и отдаленными раздражениями** организма, в соответствии с этим в художественном тексте на основе эмоциональной аттракции, одинакового субъективно-эмоционального отношения происходит зачастую объединение в единое эмоционально-смысловое поле текста **объективно несопоставимых реалий**. Более того, репрезентированная в тексте доминантная эмоция поддерживается взаимодействием **разнообразных языковых единиц**, единиц разных поэтических уровней.

3. Ведущее возбуждение представляет собой лишь **временное** состояние центра. «Приписывание определенному нервному центру всегда одной и той же неизменной функции (функции главенствующего возбуждения) есть лишь допущение, делаемое ради простоты рассуждения» [Ухтомский, 1966, с. 6]. Подобно этому, в художественном тексте какого-либо автора разграничение доминантных и производных эмоций не абсолютно, оно **функционально**, эмоция, выполняющая роль доминантной в одном тексте, может стать производной в другом.

А. А. Ухтомский доказал, что в процессе отражения мозгом окружающей действительности образуется *резонансное взаимодействие между нервными центрами*. Такое взаимодействие приводит к образованию *устойчивого физиологического состояния (доминанты)*. Доминанта по А.А. Ухтомскому подчиняет себе любую деятельность индивида в определенный промежуток времени. Репрезентированная в тексте эмоционально-смысловая доминанта *подчиняет* себе деятельность реципиента, направленную на постижение авторского смысла. Эмоциональная доминанта речевого произведения *направляет* креативную деятельность реципиента. Представленная в определенном текстовом фрагменте, эмоциональная доминанта структурирует его. Компоненты исходного авторского смысла представляют единое целое, связь между ними инертна, трудно поддается распадению. Объединение и выявление соотношения компонентов авторского смысла происходит благодаря эстетизированной эмоции, входящей в их структуру. В процессе переводческой рефлексии над текстовым фрагментом, представляющим определенное авторское содержание, установленные связи между компонентами авторского смысла закрепляются в памяти и становятся элементами концептуальной системы реципиента, *встраиваются в нее*. При осмыслении связей между компонентами авторского содержания постигается доминантный смысл, и концептуальная система реципиента вновь достигает состояния относительной стабильности, устраняя нестабильность, привнесенную эмоционально-смысловой доминантой автора. Итак, образование доминанты ведет к переструктуриации мышления реципиента. Реципиент поднимается на качественно новый уровень осмысления окружающей действительности. В.А. Пищальникова, исследуя принцип доминанты А.А. Ухтомского пишет: «... временно доминирующий рефлекс в определенный момент (момент зарождения диссипативных структур, момент неустойчивости нейронной системы) трансформирует и направляет *другие рефлексy и работу рефлекторного аппарата в целом*» [Пищальникова, 2001, с. 39] (выделено мной. – Е.Р.). При этом рефлексy, направленные на подкрепление временно доминирующего реф-

лекса, как уже отмечалось ранее, способствуют его усилению. По аналогии с этим, *другие* компоненты текста служат не только подтверждению, но и *усилению возбуждения, привнесенного в текст авторской доминантой*. Важным для нас является то, что это способствует порождению *динамизма смысловой структуры текста, рождению смысловой динамики*. При первой встрече с авторской доминантой, несущей с собой принципиально новую для реципиента информацию, его концептуальная система приходит в состояние неустойчивости. Именно состояние неустойчивости, доминирующее первоначально, направляет/мотивирует поисковую деятельность реципиента, нацеленную на постижение специфики авторского смысла, репрезентированного конвенционально в языковых единицах. *Состояние неустойчивости приводит к возбуждению концептуальной системы, ее мобилизации, чтобы достигнуть состояния относительной стабильности, причиной которого становится постижение/интерпретация авторского смысла*. Более того, другие компоненты текста служат не только подтверждению, но и *усилению возбуждения, привнесенного в текст доминантным эмоциональным смыслом*. В результате **порождается динамизм смысловой структуры текста, рождается смысловая динамика**.

В 70-е годы, развивая позицию А.А. Ухтомского, П.К. Анохин исследует качественно новую модель деятельности человека, в которой регуляция деятельности представлена как процесс саморегуляции. Способность организма к саморегуляции деятельности (в том числе психической деятельности человека) рассматривается П.К. Анохиным как свойство функциональной системы. Функциональная система при этом понимается как «единица интеграции целого организма, складывающаяся динамически для достижения любой его приспособительной деятельности» [Анохин, 1980, с. 53], в которой отдаленные разнообразные импульсы нервной системы объединяются на основе одновременного и соподчиненного функционирования». Согласно концепции П.К. Анохина, центральная архитектура функциональной системы включает следующие звенья:

- а) афферентный синтез, возбуждаемый как действием на организм внешних раздражителей, так и внутренними мотивами и потребностями;
- б) принятие решения, т.е. выбор адекватной стратегии и тактики поведения;
- в) формирование акцептора результата действия, т.е. постановка цели к действию, опирающаяся на генетический и индивидуальный опыт человека;
- г) эфферентный синтез;
- д) целенаправленное действие;
- е) обратная афферентация, вызываемая раздражителем, удовлетворяющим ведущую потребность.

Саморегуляция деятельности осуществляется благодаря обратной афферентации, поскольку «в любом физиологическом процессе или в поведенческом акте животного, который направлен на получение какого-то приспособительного эффекта, обратная афферентация информирует о результатах совершенного действия, давая возможность организму оценить успех выполняемого им действия» [Анохин, 1980, с. 174]. Если при этом характер обратной афферентации соответствует качествам нового раздражителя, заранее запрограммированным в акцепторе результата действия, то с удовлетворением ведущей потребности поведенческий акт заканчивается. Коррекция деятельности функциональной системой осуществляется, таким образом, в состоянии «повышенной возбудимости и готовности к действию какой-либо деятельности организма. Эта готовность к действию создается большей частью притоком афферентных возбуждений с периферии или автоматическим действием гуморальных веществ на специфические субстраты мозга» [Там же, с. 24], что соотносится с явлением доминирования «центров» в концепции А.А. Ухтомского. Особую значимость для нашего исследования приобретает более позднее определение функциональной системы как такой, «все части которой вступают в **динамическое**, экстренно складывающееся **функциональное объединение** на основе непрерывной обратной информации о приспособительном результате» [Там же, с. 154] (выделено

мной. – Е.Р.). Таким образом, вторично подчеркивается, что работа функциональных систем *направлена на достижение* полезного приспособительного результата. Эмоциональная доминанта «приспосабливает» знаки языка, производит своего рода манипуляцию с языковыми репрезентантами, оптимально фиксируя с помощью них и благодаря им авторский смысл. В то же самое время, языковые репрезентанты, выполняя свое назначение в означивании, оязыковлении мыслительного содержания, *вступают в деятельность по порождению авторского смысла*, на основании чего можно сделать вывод об их определенной *активности*.

П.К. Анохин установил также, что механизмы регуляции могут быть наделены эмоциональным компонентом удовлетворенности или неудовлетворенности, который является дополнительным стимулом к поиску новых программ достижения поставленной цели, поскольку обуславливает «высокий уровень возбудимости во всех эмоциональных проявлениях, особенно тех, которые становятся длительными, «застойными» [Анохин, 1980, с. 477]. Данное положение приобретает особую значимость при его проецировании на процесс понимания художественного текста. Репрезентированные в тексте эстетизированные эмоции не только стимулируют, но и способствуют *убыстрению процесса понимания авторских смыслов*, более того, как отмечает Ю.Е. Виноградов, «эмоциональное решение» (понимание) предшествует интеллектуальному. Во многом благодаря этому эстетическая эмоция у реципиента при восприятии художественного текста возникает еще до анализа компонентов авторского смысла (цит. по [Пищальникова, 1999, с. 67]). Таким образом, частичная реализация понимания авторского смысла иноязычного художественного текста достигается, вероятно, сразу, мгновенно, благодаря эмоциональной заряженности комбинации языковых репрезентантов. Эстетизированная эмоция, являющаяся неотъемлемым компонентом авторского смысла, воспринимается, а, следовательно, доступна для понимания реципиенту до стадии «запуска» рефлексивного процесса. Интерпретация же авторского содержания, реконструкция авторского смысла,

репрезентированного в конвенциональных знаках, без рефлексивной основы невозможна.

На наш взгляд, принцип функционирования концептуальной системы индивида является аналогичным принципу работы функциональной системы. Концептуальная система – динамичное, функциональное образование, стремящееся находиться в состоянии относительного равновесия. В такой среде обитания индивиду комфортно. Но **эмоциональная доминанта исходного текста вносит момент дестабилизации** в концептуальную систему реципиента, для избавления от которого части этой системы *вступают в динамичное объединение*. Целью такого объединения является постижение связей между компонентами авторского доминантного смысла, приводящее к *осмыслению авторского содержания*. В конечном итоге при интерпретации авторского смысла, при использовании переводческих стратегий понимания концептуальная система реципиента вновь приходит в состояние относительной стабильности, саморегулируется.

П.К. Анохин подчеркивает: «Процесс саморегуляции ... осуществляется на основе «золотого правила» саморегуляции: всякое *отклонение от константного уровня* какого-либо жизненного фактора *служит толчком к немедленной мобилизации аппаратов, вновь восстанавливающих этот постоянный уровень*» [Анохин, 1980, с. 119-120] (курсив мой. – Е.Р.). Авторская доминантный смысл для реципиента – это отклонение, флуктуация от стереотипного знания, поэтому для понимания авторского доминантного смысла концептуальная система реципиента прибегает к принципу саморегуляции/самоорганизации ассоциативных уровней. Благодаря действию данного принципа возможна интерпретация принципиально нового для реципиента знания, представленного системой авторских смыслов. П.К. Анохин формулирует правило саморегуляции следующим образом: «... **само отклонение** от конечного приспособительного эффекта **служит стимулом возвращения системы к этому эффекту**» [Там же, с. 134] (выделено мной. – Е.Р.). Мы полагаем, что доминантная эмоция как

компонент авторского доминантного смысла, будучи отклонением от стереотипного знания, является стимулом к рефлексивному процессу.

Положение о том, что мозг - сложная динамическая система, элементы которой подчиняются наиболее неустойчивому элементу (параметру порядка), является в современной нейрофизиологии доказанным и неопровержимым. Н.П. Бехтерева отмечает, что «в мозгу ... есть *механизм, обеспечивающий избыточные возможности при встрече с каждой новизной*. Те, кому удалось «подсмотреть», что происходит в мозгу в момент, когда обстановка оказывается новой, когда неожиданно совершается переход к старой обстановке, когда есть хоть какие-нибудь основания для того, чтобы «удивиться», могут сказать, что мозг в этих ситуациях как бы «проигрывает» массу готовностей к новой ситуации. В это время *активизируется* огромное количество нервных элементов, *включается масса связей между различными участками и элементами мозга*» [Бехтерева, 1974, с. 17] (курсив мой. – Е.Р.). Если спроецировать данное утверждение на механизм восприятия системы авторских смыслов, то можно отметить, что, во-первых, авторский смысл – это новая информация для реципиента. Реципиент, сталкиваясь с новой обстановкой (авторским смыслом) и пытаясь осмыслить ее, интерпретирует авторское содержание на основе прошлого опыта, **в процессе индивидуальной рефлексии, которая фиксируется в виде смысла**. Во-вторых, система авторских смыслов вызывает смысловые флуктуации в концептуальной системе реципиента, и, следовательно, происходит подключение континуума ассоциативных связей для ее осмысления (начинается процесс самоорганизации).

Главным принципом работы мозга, согласно Н.П. Бехтеревой, является динамичность, определяющая экономичность и гибкость мозга. Стереотипные пути познания, стереотипная информация об окружающей действительности вызывают «монотонную» деятельность мозга, а динамизм мозгового обеспечения мыслительной деятельности, по мнению исследователя, проявляется в «форме *динамической реорганизации* системы на протяжении «монотонной»

деятельности ... создается впечатление, что мозг как бы «борется» против монотонности» [Там же, с. 185] (курсив мой. – Е.Р.). Динамическую реорганизацию системы вызывает, в частности, доминантная эмоция как неотъемлемый компонент доминантного авторского смысла, которая содержит нестереотипную, т.е. принципиально новую для реципиента информацию. Мозгу необходима встреча с новизной (авторским смыслом), что является «чем-то вроде естественной тренировки мозга, вроде механизма, который, обеспечивая избыточную готовность к каждой конкретной, даже маленькой новизне данной минуты, на долгие века сохранил бесконечно большие возможности» [Там же, с. 17]. Мозг обеспечивает индивидууму возможность обучения на протяжении большей части жизни. Нам думается, речемыслительная деятельность обладают наибольшим количеством элементов, ответственных за обработку нестереотипной/новой информации.

На основании вышеизложенного мы полагаем, что принцип действия механизма речевой деятельности может быть соотнесен с принципом работы динамической функциональной системы, при этом знаки языка способны порождать **функциональное поле смысла**. Эмоциональная доминанта как компонент доминантного авторского смысла, обладает регулятивной функцией. Структурируя поток разнообразных авторских ассоциаций, она объединяет, «гомоморфирует» знаки языка. И тогда из отдельных разрозненных/гетерогенных языковых репрезентантов необходимо создается авторская модель фрагмента познания мира. За восприятием текста реципиентом-переводчиком следует воссоздание авторской модели, но уже на базе концептуальной системы реципиента. Адекватное понимание авторского смысла становится возможным благодаря доминантной эстетизированной эмоции, регулирующей характер восприятия. С первого взгляда может показаться, что языковые знаки лишь соположены, следуют друг за другом. На самом же деле они **образуют единую функциональную систему, назначение которой – речесмыслопорождение**.

На основании вышеизложенного с психофизиологических позиций эмоциональная доминанта представляет собой смысловое образование, способствующее **регуляции и саморегуляции концептуальной системы индивида**. В основе такого предположения лежит возможность соотнесения психофизиологических, нейрофизиологических и психолингвистических процессов, требующая самой серьезной аргументации, доказательству которой отчасти посвящена теория самоорганизующихся систем В.А. Пищальниковой и И.А. Герман.

1.4. Эмоциональная доминанта как детерминанта синергетического процесса речевой деятельности

На основании выдвинутого психолингвистикой положения об изоморфизме речевой деятельности любому другому виду деятельности, который речевая сопровождает, стало возможным исследование речевой деятельности с позиций теории самоорганизующихся систем (синергетики). Обоснование существования саморегулирующегося механизма речевой деятельности представлено в концепциях многих авторов (подробнее смотри: И.А. Герман, В.А. Пищальникова, Н.И. Жинкин, А.А. Залевская). Так, А.А. Залевская, уточняя и расширяя толкование специфики речевого механизма человека, данное Л.В. Щербой [Щерба, 1974], приводит ряд положений, создающих базу для трактовки речевой организации человека как самоорганизующейся системы: 1) речевая организация человека представляет собой «не пассивное хранилище сведений о языке», а динамическую функциональную систему; 2) «подчеркивается *постоянное взаимодействие между процессом* переработки и упорядочения речевого опыта и *его продуктом* (т.е. новое в речевом опыте, не вписывающееся в рамки системы, ведет к ее перестройке, а каждое очередное состояние системы служит основанием для сравнения при последующей переработке речевого опыта» [Залевская, 1999, с. 30].

Применение синергетической парадигмы к исследованию речевой деятельности (текста) отмечается в исследовании И.А. Герман и В.А. Пищальни-

ковой [Герман, Пищальникова, 1999]. Важно отметить, что рассмотрение речевой деятельности (текста) как синергетической системы стало возможным благодаря исследованию текста в психолингвистическом аспекте, в рамках которого, как отмечалось ранее, текст рассматривается как **самоорганизующаяся функциональная система**, а не статическая иерархия смыслов различной степени сложности. В процессе своего функционирования речевая деятельность сохраняет ряд свойств, присущих физиологическим самоорганизующимся системам. Рассмотрим некоторые из них.

1. Функциональная система представляет собой **нелинейную** центрально-периферическую организацию. Данному положению соответствует отмеченное выше представление о тексте как иерархически организованном репрезентанте некой смысловой нелинейной целостности, представленной структурой доминантных и производных личностных смыслов, восприятие и производство которых регулируется доминантной эстетизированной эмоцией текста.

2. Под **открытостью** функциональной системы понимается ее способность обмениваться с окружающей средой энергией, веществом и информацией. Открытость речевой деятельности проявляется в ее мыслеформирующей и коммуникативной функции.

3. **Диссипативность** систем предполагает постоянное изменение некоторых ее величин, в речевой деятельности это находит отражение в существовании разно - и противоположно направленных изменений элементов системы под воздействием одних и тех же факторов.

4. Речевой деятельности присуще и специфическое свойство функциональной системы приобретать новые, не свойственные ее частям свойства и качества, которые ей присущи только как целостному образованию. Подобно этому, смысл речевого произведения не складывается из значений единиц языка, а соотношения между ними бесконечно изменчивы. Авторский смысл – некое *смысловое единство* входящих в него компонентов, выводимое интегративной функцией мышления из постижения связей, отношений между репре-

зентирующими его лексемами, поскольку свойства порождаются в результате интеракции, взаимодействия частей целого. Данное утверждение согласуется с принципиальным тезисом теории интеграции, возникшей в американском когнитивном направлении, который гласит: «The blend is not constructed by union or intersaction of the inputs; it is not a skeletal or fixed mock-up of a few elements from the inputs, but it has a life of its own in the sense that it contains structure that is not calculable from the inputs and that it can be developed, once it is set up, on its own terms» [Turner, Fauconnier, 1995. p. 201]. Здесь важно отметить, что качественно новая структура, смысловая структура является *динамическим образованием*.

Специфическое свойство синергетической системы заключается в подчинении всех ее элементов наиболее неустойчивому элементу (аттрактору), приводящему систему в состояние самоорганизации. Это в полной мере соотносится с принципом доминанты А.А. Ухтомского, когда временно доминирующий рефлекс в определенный момент (момент неустойчивого состояния нейронной системы) трансформирует и направляет работу других рефлексов и рефлекторного аппарата в целом. В роли аттрактора текста выступает доминантный личностный смысл текста. Креативный аттрактор – доминантный смысл **представляет собой одновременно зону организации и самоорганизации текста.**

До момента восприятия текста реципиентом он (текст) находится в состоянии неустойчивого равновесия. В концептуальной системе воспринимающего текст интериоризируется, проходит ряд модификаций, задаваемых материальной его структурой, отражающей направление формирования авторского смысла, репрезентированного телами знаков, т.е. самоорганизуется. Такая модель коммуникации вполне согласуется с психолингвистическими и нейролингвистическими основами возникновения смысла (концепта), и в частности с теорией функциональных систем П.К. Анохина и теорией доминанты А.А. Ухтомского, экстраполированных на психические процессы [Пищальникова, 1999; Староселец, 1997; Утробина, 1997; Сонин, 1999 и др.].

Проанализированные концепции представляют особую важность для нашего исследования, поскольку образуют теоретическую базу для рассмотрения доминантной эстетизированной эмоции текста в качестве фактора самоорганизации концептуальной системы автора текста при его порождении и концептуальной системы реципиента в процессе его восприятия. На основании выдвинутого В.А. Пищальниковой положения о регулятивной функции доминантной эстетизированной эмоции текста становится возможным заключить, что принципы (закономерности) перехода концептуальной системы из одного состояния в другое предзадаются эмоциональным компонентом доминантного личностного смысла. Из этого следует, что репрезентированная в тексте эстетизированная эмоция обеспечивает саму возможность структурирования и восприятия системы личностных смыслов текста.

Как нам представляется, исследование эмоционального содержания текста наиболее перспективно в рамках психолингвистики, нейрофизиологии и синергетики. Данные этих наук позволяют выявить, что **эстетизированная эмоция до определенного момента является единственной смыслообразующей основой текста, направляющей, регулирующей речемышлительные процессы реципиента и включающей их в процесс самоорганизации.** Представление об аналогии структур различной природы, а также отмеченные свойства самоорганизующихся систем представляют особую важность для нашего исследования, поскольку представляют теоретическое основание для рассмотрения перевода с позиций синергетики. Концепция И.А. Герман и В.А. Пищальниковой является для нас особо важной еще и потому, что представленные в ней универсальные характеристики речевой деятельности присущи и переводу как синергетическому речемышлительному процессу.

Указанные данные будут использованы нами для создания концептуальной базы и экспериментального исследования эмоциональной составляющей речевого произведения/эмоционального содержания текста в процессе перевода.

1.5. Деятельностный подход к исследованию эмоциональной доминанты

Деятельностный подход к изучению эстетизированной эмоции как значимого компонента смысловой структуры текста вносит свой вклад в исследование эмоциональных процессов. Теория деятельности, основы которой были заложены в работах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии и некоторых других исследователей, вступила в новую фазу своего развития. Мы отталкиваемся от теории деятельности А.Н. Леонтьева, суть которой заключается в обязательной предметной направленности сознания человека. Деятельность – промежуточное звено между предметом и окружающей действительностью. Общеизвестно, что познающий субъект, активно взаимодействуя с окружающей действительностью, отражает ее в концептуальной системе в измененном виде, полученная при этом «языковая картина ... отличается от мира действительности» [Рахилина, 2000, с. 347].

А.Н. Леонтьев подчеркивал, что он понимает предмет не как сам по себе существующий объект природы, а как «то, на что направлен акт, ... т.е. как нечто, к чему относится живое существо, как предмет его деятельности – безразлично, деятельности внешней или внутренней» [Леонтьев, 1981, с. 49]. Позднее он продолжает: «... предмет выступает двояко: первично – в своем независимом существовании, как подчиняющий себе и преобразующий деятельность субъекта, вторично – как образ предмета, как продукт психического отражения его свойства, которое осуществляется в результате деятельности субъекта и иначе осуществиться не может» [Леонтьев, 1977, с. 84]. Принципиальную важность для нашего исследования представляет предмет как продукт психического отражения. Термин «образ предмета» вполне коррелирует с термином «образ восприятия», принятым в современной психологии. Образ восприятия реальности, идеальное образование в психике человека, полученное в результате отражения объективной действительности, включает логический и апперцепционный моменты. Образ действительности представляет собой комплексное явление

ние, т.к. создается на основе комплексного восприятия окружающей действительности. Образ – результат моделирования реалии (репрезентированная в тексте система авторских смыслов – результат моделирования фрагмента познания). Образ восприятия, интегрируясь с другими идеальными образованиями в психике человека, образует с ними устойчивые ассоциативные связи. Отметим, что существует континуум ассоциативных связей. При отражении объекта окружающей действительности отражаются некоторые его свойства, а также комплекс впечатлений от этого объекта. Таким образом, в процессе познания человеком окружающего мира создаются идеальные образования в психике, выступающие в роли посредников между человеком и объективной действительностью (эмоциональная доминанта как компонент доминантного авторского смысла – связующее звено между автором и реципиентом). Психическое характеризуется непрерывностью, динамичностью. Следовательно, идеальные образования в психике человека континуальны и динамичны (соответственно, смысл – динамичен и процессуален).

В когнитивной лингвистике установлено, что мышление, речь, память, восприятие и другие *виды психической деятельности функционируют в единстве*. Различные уровни психической деятельности **взаимосвязаны**. А.А. Залевская отмечает **«непрерывность осознанного и неосознанного»** [Залевская, 1999, с. 33]. Компоненты авторского смысла связаны неким определенным когнитивным интегративным признаком, неосознаваемым, но всегда воспринимаемым. В связи с этим особую важность для нашего исследования представляет следующий вывод А.А. Залевской: «... отображение реальности не только в сознании, но и в подсознании индивида при постоянном взаимодействии перцептивной, когнитивной и аффективной сфер психики человека. ... в процессах речемыслительной деятельности человек оказывается способным опираться на **многосторонне функционально достаточное отображение действительности** как базу для понимания и взаимопонимания в ходе познания и общения» [Там же, с. 35].

Языковые выражения являются репрезентантами психических образований. Мы должны осознавать, что вербальные знаки, так же как и образ, моделируют реалию окружающей действительности с ее определенными свойствами. Соответственно, представленная в тексте система авторских смыслов – это авторская модель познания мира. Комбинация конвенциональных семиотических единиц (языковых репрезентантов авторских смыслов) превращается в деятельностьную систему, назначение которой заключается в порождении авторского смысла. И.А. Герман и В.А. Пищальникова утверждают, что «... сущность слова позволяет использовать накопленную им энергию и информативность ассоциативных связей для включения их в данный процесс смыслопорождения» [Герман, Пищальникова, 1999, с. 81]. Перевод – это тоже модель, но только производная, вторичная от исходной, авторской, инвариантная от первоначальной.

В современных психологических исследованиях деятельность определяется как «относительно устойчивая сложная (иерархизованная) система, способная принимать информацию из внешней среды, под влиянием которой она переструктурируется так, что возникшие свойства системы невыводимы из первоначальных характеристик ее элементов» [Там же, с. 39]. В результате переводческой деятельности реципиент принимает информацию из внешней среды, и под влиянием деятельности переструктурируется его концептуальная система. Вновь возникшее свойство системы невыводимо из входящих в нее элементов. Эмоциональная доминанта представляет собой внешнее воздействие на реципиента, вызывая в его концептуальной системе неустойчивость, дестабилизацию. Деятельность субъекта направлена «на устранение неустойчивости своего состояния – физиологического, психического, интеллектуального, поэтому его организм в целом (в том числе ментальные процессы) функционально устраняет нестабильные состояния, возникающие под воздействием внешней среды – самоорганизуется» [Там же, с. 56]. В процессе рецепции речевого произведения переводчик является *активным* субъектом деятельности, связанной с

интерпретацией текста оригинала и воссозданием понятого, осмысленного в иной концептуальной системе. Процесс чтения, переводческий процесс являются диалогичными, т.е. в процессе деятельности, связанной с интерпретацией речевого произведения, происходит встречное порождение смысла, нового смысла для реципиента на базе исходного. Поэтому мы и утверждаем, что перевод как результат переводческой деятельности является встречно порожденным высказыванием. Действия реципиента-переводчика с емким содержанием авторского смысла *направлены на понимание чужого, иного, инакового* с целью преобразования себя. Такой вид деятельности носит креативный характер. Реципиент-переводчик, вовлеченный в рефлексивный процесс, стимулируемый эмоциональной доминантой, активно взаимодействует с ней, пытаясь уменьшить энтропийность, поскольку желает достичь комфортного, равновесного, относительно стабильного для себя состояния. *Мотив деятельности переводчика по распрямлению авторского содержания смысла* *наделен изначально*, поскольку переводческая рефлексия необходимо опредмечивается, овееществляется в структурировании смысла.

Трактовка перевода как деятельностного процесса предполагает возникновение его из потребности мотивационного образа результата (текста перевода), который создается при восприятии авторского смысла и рефлексии над ним, в том числе и целенаправленно. Благодаря доминантной эмоции достигается намеченная в начале переводческой деятельности цель по реконструкции авторского смысла. Эмоциональная доминанта как динамический компонент переводческой деятельности направляет деятельностный процесс перевода оригинального текста.

1.6. Эмоциональная доминанта текста как структурообразующий компонент перевода

Хотя в последние десятилетия присутствует заметный интерес к исследованию эмоциональных процессов, и многочисленные аспекты данной пробле-

матики активно разрабатываются исследователями, необходимо еще раз отметить, что до сих пор не предпринималось попыток создания аргументированной концепции, рассматривающей эмоциональную составляющую речевого произведения как конструктивно-содержательно значимый компонент перевода. Но в современной ситуации межкультурной коммуникации, налаживания контактов и взаимодействия культур создание непротиворечивой теории перевода, включающей эмоциональный аспект речевой деятельности, представляется чрезвычайно важным. Это становится особенно актуальным в связи с выявлением того, что представленные в тексте эстетизированные эмоции до определенного момента являются единственным смыслообразующим центром, регулирующим и направляющим континуум сознания реципиента. Поскольку, как было неоднократно доказано, эмоциональное содержание речевого произведения осознанно или неосознанно структурируется автором и адекватно воспринимается реципиентом [Пищальникова, 1999], представляется необходимым учитывать характер воздействия эмоций при переводе.

В связи с этим требуется определить сущность самого процесса перевода, т.к. отношение к нему до сих пор остается неоднозначным, о чем свидетельствует существование множества разрозненных **моделей перевода**. Так, перевод может сводиться к языковому перекодированию, в процессе которого переводчик сначала выступает в функции получателя исходного текста, после чего им осуществляется функция смены вербального кода с последующим вторичным отправлением переведенного текста получателю (примерами могут послужить лингвистические, текст-лингвистические и вычислительные модели) [Алексеева, 2001; Гак, 1999; Комиссаров, 1999; Крюков, 1983; Латышев, 2001; Миньяр-Белоручев, 1996; Швейцер, 1985 и др.].

Перевод может быть представлен как мыслительный процесс, т.е. набор определенных стратегий, осуществляемых в голове переводчика. Конкретными примерами данного подхода являются игровые, когнитивные и психолингвистические модели [Галеева, 1997, 1999; Караулов, 1983; Колесникова, 2001;

Красильникова, 1998; Сорокин, 1984; Lambert, 1997; Nord, 1994]. Возможно акцентирование **цели текста перевода**, тех психологических причин, которые вызвали к жизни той или иной перевод. С подобной точки зрения перевод приравнивается к **межкультурному действию**, а основная цель перевода рассматривается в рамках культуры-реципиента. Такой подход находит отражение в социалингвистической модели [Дридзе, 1983; Клюканов, 1999; Rinsche, 1994]. Несмотря на существенную разницу в подходах к проблеме перевода, практически все исследователи отмечают, что перевод является, прежде всего, продуктом культуры, поскольку возникает не столько из языка, сколько из требований культуры и воспринимается в контексте норм культуры.

Исследования в области межкультурного общения приобретают в настоящее время особую значимость, что объясняется не только поисками новых путей развития и взаимодействия культур, но и непреходящим стремлением обнаружить законы соотношения речи и мышления. К анализу динамики межкультурного общения привлекаются идеи психолингвистики, социалингвистики, теории речевых актов, психоанализа.

Так, И.Э. Клюканов разрабатывает концептуальный аппарат динамики межкультурного общения на основе **культурфилософских** представлений. Культура отождествляется им с «коммуникативным универсумом, который сохраняет свою самотождественность и границы которого заканчиваются там, где начинается перевод» [Клюканов, 1999, с. 3]. И.Э. Клюканов считает, что в науке о переводе на данный момент четко выделились **две основные парадигмы** – **лингвистическая и культурная**.

Исследователи, которые придерживаются первого взгляда [Швейцер, 1973, 1988; Комиссаров, 1999; Латышев, 2001], основное внимание сосредотачивают на поиске **объективных переводческих законов**, в которых могут быть зафиксированы эквивалентные отношения между оригиналом и переводом.

В рамках второй парадигмы [Сорокин, 2001; Дридзе, 1983; Красильникова, 1998] исследуются «социокультурные факторы, которые заставляют реальность оригинальных знаков переводиться в другие, отличные от них знаки, т.е. как бы переписываться согласно новым запросам и условиям функционирования» [Клюканов, 1999, с. 13].

Концепцию И.Э. Клюканова можно определить как интегральную, поскольку она объясняет динамику взаимодействия культур с общесистемных позиций. Концептуальный аппарат динамики межкультурного общения разрабатывается в ней на основе лингвистических, семиотических, этнологических и культурфилософских представлений. Язык трактуется исследователем **синергетически - как универсальная динамическая структура**, суть которой заключается в том, что коммуникативное действие стимулируется объектом, воздействует на знак, достигает интерпретанты и затем возвращается к объекту. При этом **динамическое единство** объекта, знака и интерпретанты является ядром механизма межкультурного общения, где «семиоперевод не столько выступает явлением культуры, сколько являет культуру, при этом культура выступает как объект, создающий (генерирующий) знаки и раскрывающийся другому в виде динамической системы интерпретант» [Клюканов, 1999, с. 5]. Межкультурное общение осуществляется в рамках **коммуникативного универсума**, представляющего собой континуум знаков (совокупность коммуникативных норм, отношений и т.д.). Автор предлагает анализировать межкультурное общение через перевод знаков, а перевод – через межкультурное общение, поскольку «взаимодействие **культуры как личности** с другими культурами **основано не на эквивалентно-репрезентативных отношениях**, оно приводится в движение постоянным напряжением (различиями) между ними, которое требует разрядки, т.е. перевода» [Там же, с. 17] (курсив мой. – Е.Р.).

Динамика межкультурного общения сводится к поискам «следов» (термин Клюканова – Е.Р.), которые оставляют за собой знаки. Маркирование позволяет культурам устанавливать и переоценивать свое отношение к знакам,

давая, тем самым, возможность культурам успешно взаимодействовать друг с другом.

Наука о переводе и теория межкультурного общения развивались на протяжении ряда лет в едином направлении. Основной задачей было установление универсальных законов, на основании которых можно осуществлять успешное взаимодействие культур. В настоящее время в работах по теории перевода предпринимаются многочисленные попытки отыскать «универсальную культурную методологическую основу» [Герман, 1999, с. 74], тем более, что логика прогресса общечеловеческой культуры дает для этого основания.

Так, наряду с выделением в каждой культуре уникального и специфического, в них возможно выделение не только «универсальных общечеловеческих структур, но и **универсальных психологических зон**» (цит. по [Герман, 1999, с. 74]). Универсальные образования, преломляясь сквозь призму определенной культуры, получают ряд культурно-специфических характеристик, «но, тем не менее, сами эти образования и законы их преломления, видимо, все же имеют общую природу» [Там же, с. 74]. Принимая во внимание все отмеченные положения, не стоит исключать из поля зрения и культурно-специфические характеристики. Как отмечается в исследовании И.А. Герман и В.А. Пищальниковой, семантика языков детерминирована «а) селективной направленностью сознания в отражательной деятельности, б) географическими, климатическими условиями, в) особенностями социального, культурного и эстетического развития народов» [Герман, 1999, с. 75], что делает необходимым приобретение широких знаний о культуре народа-носителя языка. Это утверждение справедливо и для переводческой деятельности [Клюканов, 1987; Залевская, 1999 и др.], при этом акцентируется, что адекватность перевода является психолингвистической проблемой; в указанных исследованиях предлагается модель перевода в терминах теории графов, когда снимается абсолютизация противопоставлений языка и речи. Попытка исследования отмеченных универсальных образований предпринимается в работе Ю.Н. Караулова, согласно которой они отражаются в

языке и получают название психоглоссов – единиц языкового сознания, обладающих высокой устойчивостью к вариации и стабильностью во времени с когнитивной и вербальной сферами, причем они могут описываться как ядерные, так и маргинальные элементы культуры социума [Караулов, 1987]. При всей важности названных исследований необходимо отметить, что поиску универсальных законов, на основании которых станет возможным осуществление успешного взаимодействия культур, посвящены и более ранние лингвистические исследования.

Еще В. фон Гумбольдт писал, что «духовное своеобразие и строение языка народа пребывают в... тесном слиянии друг с другом ... Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух. И дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт, 1984, с. 68]. Факт взаимовлияния этих двух явлений представляется важным еще и потому, что позволяет рассматривать язык не как мертвый продукт, а как созидательный процесс. По словам В.А. Пищальниковой, «именно процесс постоянного взаимодействия с духовной деятельностью и есть истинное бытие языка, его **феноменальная эволюция**» [Пищальникова, 2001, с. 72]. Тождественность языка и духа является функциональной, хотя основания такого слияния двух разных феноменов остаются неясными. На взаимное влияние языка и культуры указывали многие исследователи, в частности, Д. Хаймс отмечал следующее: «Языковые навыки отчасти создают культурную реальность. Мое утверждение состоит в том, что люди, принадлежащие к разным культурам, действительно обладают до некоторой степени особыми коммуникативными системами, а не одними и теми же естественными коммуникативными возможностями лишь при различных обычаях. Культурные ценности и верования отчасти создают языковую реальность» (цит. по [Пшенкина, 2001, с. 58]). Аналогичные выводы представлены в исследовании Н.Д. Дмитриевой: «1) каждый конкретный язык, усваиваемый индивидом в процессе социализации как нечто постороннее, содержит в концентрированном виде в своей структуре присущую об-

ществу и культуре концепцию действительности; 2) заложенные в языке концепции действительности воздействуют на индивида в процессе познания им мира столь сильно, что носители разных языков по-разному познают мир, приобретают разные о нем представления [Дмитриева, 1996, с. 22].

Язык способен выразить самые своеобразные черты культуры народа. Это положение стало уже аксиомой. Гораздо важнее, что в современной науке эта аксиома включена в ряд принципиально новых проблем или таких традиционных, которые рассматриваются в новых ракурсах. В настоящее время акцентируется, что **в процессе межкультурного общения каждая культура выступает, прежде всего, как объект, который интерпретируется другими культурами, репрезентированными динамическими системами разноприродных знаков.** Тогда взаимодействие между культурами не может носить характера эквивалентно-тождественных отношений. В то же время культуры являются **принципиально взаимопроницаемыми,** и отношения между ними имеют динамический характер. Поэтому процесс перевода не может основываться на абсолютной или даже относительной одинаковости знаков. **Эквивалентность** при переводе может быть установлена лишь в отношении **функции** элементов оригинального текста и текста перевода, потому что **смысловое их содержание возникает как функциональное образование** в рамках конкретного речемыслительного процесса. Акцентируется необходимость рассмотрения языка как созидającego процесса. Такой подход вытекает и из представлений о языке как континуальном процессе смыслопорождения, о чем говорил еще В. фон Гумбольдт: «в подлинном и действительном смысле под языком можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности ... В беспорядочном хаосе слов и правил ... необходима все повторяющаяся деятельность. Чтобы можно было познать сущность живой речи и составить верную картину живого языка» [Гумбольдт, 1984, с. 70].

Серьезные герменевтические исследования последних лет позволяют предположить, что **наборы смыслов, бытующих в мыследеятельности чело-**

века, по большей части, **очевидно, являются общечеловеческими**, в силу чего и представляется возможность перевода и общения вообще. Некоторый же лакунизированный объем значений, типичных для определенной культуры и находящихся выражение в конкретных значениях данного языка, не может препятствовать переводческой деятельности. Подтверждение этому мы находим еще у А.А. Потебни, говорившего о внутренней форме слова, дающей направление мысли слушающего: «Слово одинаково принадлежит и говорящему, и слушающему, а потому значение его состоит не в том, что оно имеет определенный смысл для говорящего, а в том, что **оно способно иметь смысл вообще**. Только в силу того, что **содержание слова способно расти, слово может быть средством понимать другого**» (курсив мой. – Е.Р.) [Потебня, 1989, с. 167].

В целом, совокупность общечеловеческих смыслов, присутствующих в речемыслительной деятельности индивида, можно представить как **межкультурное поле смыслов**, репрезентированных в каждом конкретном языке специфически. Об этом говорил еще В. фон Гумбольдт в статье «Форма языков»: «В языке таким чудесным образом сочетается индивидуальное с всеобщим, что одинаково правильно сказать, что **весь род человеческий говорит на одном языке**, а каждый человек обладает своим языком» (курсив мой – Е.Р.) [Гумбольдт, 1984, с. 74]. Языковую общность, идею межкультурного поля смыслов актуализирует в исследованиях внутренней формы языковых единиц В.Г. Варина: «Можно говорить о **едином принципе семантических различий** при сопоставлении **слов как разных языков, так и одного языка**, что позволяет ставить проблему **межъязыковой лексической синонимии** аналогично проблеме лексической синонимии в пределах одного языка» (курсив мой. – Е.Р.) [Варина, 1976, с. 239].

Смысл как структура актуального содержания в процессе речепорождения определяется связью акустической оболочки, **эмоции**, актуализированного когнитивного признака (смысла) и вербальных ассоциаций. На основании того,

что эмоция является структурообразующим компонентом когнитивной модели смысла, представляется возможным предположить наличие **межъязыкового эмоционального пространства как совокупности универсальных эмоциональных смыслов**. Эти смыслы, преломляясь сквозь призму каждой культуры, становятся культурно-детерминированными, но, тем не менее, при этом соблюдаются универсальные законы их преломления.

Принимая во внимание отмеченные положения теорий перевода, из множества переводческих концепций в качестве наиболее приемлемой для нашего исследования была выбрана психолингвистическая модель перевода, **основывающаяся на теории функциональных (синергетических) систем и структурировании порождаемого реципиентом текста на основе выявленного доминантного личностного смысла и адекватного его понимания**.

Понимание перевода как **синергетического речемыслительного процесса** представляет особую важность для нашей работы. Такой подход в большей степени базируется на выявлении универсального, нежели культурно специфического, что позволяет перенести рассмотренные выше универсальные характеристики речевой деятельности как синергетической системы на структуру перевода, а также актуализирует эмоциональные характеристики текста, что способствует выявлению места и функций эмоций в процессе переводческой деятельности. С точки зрения теории самоорганизующихся систем, понимание текста есть интерпретация соотношения сферы бытования текста – концептуальной системы реципиента – и самого текста» [Герман, 1999, с. 81]. Как отмечает И.А. Герман, « в переводе, когда слово инокультурного текста указывает на реалию, актуализируется **концептуальная схема этой реалии и ее гештальт**, и именно совпадение концептуальных схем, представленных в инокультурном тексте и в речемыслительной деятельности реципиента (переводящего), ведет к пониманию. Если же концептуальная схема, представленная в тексте, не известна реципиенту, то понимание не осуществляется, текст лакунизируется» (курсив мой. – Е.Р.) [Герман, 1999, с. 78].

Переводческая деятельность рассматривается как встречно порожденное речевое произведение в процессе рецепции исходного текста. Акцентуация тех или иных характеристик текста зависит от **цели автора текста**. Реципиент направляется этой целью при восприятии, но, тем не менее, он способен в процессе перевода выделять компоненты, которые оказываются важными прежде всего для его **концептуальной системы**: в этом обнаруживается субъективность восприятия, являющаяся законом перцепции. «В соответствии с **общими закономерностями психической деятельности** индивид видит в тексте в первую очередь то, что **он ожидает** или **хочет видеть**, на что его нацеливают **мотивы**, ситуация, акцентирование внимания, личностные ориентиры и многое другое» [Залевская, 1999, с. 249]. Активный субъект, реципиент преобразует поступающую информацию в собственной концептуальной системе, в своем смысловом континууме в соответствии с тем, что значимо для него. Активная интериоризация новой информации (а значит, и понимание/интерпретация текста) в концептуальной системе реципиента происходит в том случае, если его система *готова* принять эту информацию. Поступившая извне информация в концептуальную систему реципиента ассимилируется и преобразует ее. Реципиент переживает новую информацию, а значит, происходит процесс осмысления. В подтверждение вышеизложенного приведем изречение Г.И. Богина : «... все осмысленное есть переживаемое» [Богин, 2001, с. 20]. Для реципиента авторское содержание имеет смысл, если оно переживаемо им. В этом случае целесообразно учитывать высказывание Ж Деррида о том, что «всякое переживание есть переживание смысла (Sinn). Все, что является сознанию, все, что существует для сознания, есть смысл» (цит. по [Богин, 2001, с. 19]). Однако профессиональному переводчику необходимо стремиться «к адекватному отображению авторского смысла, а потому актуализировать структурно-смысловые связи текста и соотносимые с ними ментальные содержания» [Пищальникова, 1999, с. 152], пытаясь абстрагироваться от личностно значимых моментов. «Перевод с одного языка на другой не создает принципиально новой информации.

Напротив, его задача состоит в максимально полной и точной передаче содержания текста оригинала. А для этого нужно ... перейти к системе значений и смыслов. Здесь мы имеем не непосредственный переход от одного вида информации к другому (т.е. собственно перекодирование), а опосредованный многообразными действиями переход от информации к значениям и смыслам, а от них – снова к информации, но уже в ином виде» [Зинченко, 1996, с. 18].

Переводчик имеет дело с объектом семантико-психологическим, существующим для реципиента как совокупность знаков, которые принадлежат разным языковым уровням, но в перцептивном отношении представляют знаковое единство для реципиента. Одновременно это единство есть совокупность дискретных психических состояний, стимулирующих, в свою очередь, возникновение психических состояний у реципиента.

Поэтому В.А. Пищальникова, например, считает возможным разработку теории перевода на основе концептуального анализа, при котором «содержание текста представляется как **функциональное поле смысла, а не речевая актуализация семантического поля какой-либо лексемы**, т.е. следует изучать взаимоотношение компонентов доминантного смысла текста как синергетического процесса смыслопорождения, представленного в разных лексемах, как правило, не реализующих некоего абстрактного системного значения, а фиксирующих актуальные субъективные авторские смыслы с помощью конвенциональных единиц» (курсив мой. – Е.Р.) [Пищальникова, 1999, с. 150].

Текст интерпретируется на основе информации, которой человек обладает о мире, т.е. на основе того, что мы называем концептуальной системой. Введение концептов в систему происходит последовательно и непрерывно, осмысление производится путем задействования концептуальной системы в целом. Насколько обширны и глубоки фоновые знания индивида, его представления об окружающей действительности, настолько эффективно происходит усвоение новых концептов. Что касается художественного текста, то особую значимость

в процессе адекватного его восприятия представляет наличие эмоционально-смысловой общности концептуальных систем автора и реципиента.

Очевидно, что чем больше степень совпадения концептуальных систем, тем адекватнее воспринимается содержание текста. При отсутствии какой-либо общности между концептуальными системами автора и воспринимающего интерпретация художественного текста реципиентом тоже производится, однако адекватное понимание не осуществляется. По словам Т.А. Фесенко, «условием оптимальной реализации процесса перевода ... служит ... соотнесение личностных картин мира, презентуемое в соотнесении концептуальных систем представителей различных лингвокультурных миров» [Фесенко, 1999, с. 39-40]. Следует подчеркнуть, что полного совпадения концептуальных систем в силу их уникальности принципиально не происходит, поэтому, в силу специфичности содержаний концептуальных систем автора и переводчика, тождественность перевода и текста оригинала при смысловой их эквивалентности исключается [Герман, 1999]. Отмеченные положения находят поддержку у авторов большого числа переводческих концепций. Так, принципиальная возможность создания перевода, тождественного оригиналу, исключается положением теории синергетических систем об универсальности принципов построения смысловых структур и их зависимости в большей степени от принципов самоорганизации речемыслительной деятельности. По словам И.Э. Клюканова, **«эквивалентность в принципе предполагает неравенство (асимметричность), поскольку один и тот же семиотический объект оценивается по-разному в различных системах-культурах. Эквивалентные отношения поэтому все чаще рассматриваются не как аналогичные, а как гомологичные отношения, т.е. как сходство, проявляющееся в фундаментальном различии»** (курсив мой.- Е.Р.) [Клюканов, 1998, с. 68]. В.А. Пищальникова акцентирует характерный для значительного количества работ по теории перевода отказ от понятия эквивалентности. При указании на «переводческий эквивалент» в его понятие вкладывается иное, нежели ранее содержание. При определении переводческого эквива-

лента отмечается, что «за словом в разных языках стоят **неождаственные** когнитивные модели, а именно эти модели и надо переводить» (курсив мой. –Е.Р.) [Пищальникова, 2002, с. 138]. В ряде исследований акцентируется противоположная отмеченной выше идея о невозможности точной передачи содержания исходного текста в переводе, и вследствие этого идея **непереводимости** какого бы то ни было текста по причине индивидуального своеобразия языков, связанного с духовной неповторимостью народа, его социокультурной специфичностью [Гумбольдт, 1984].

Построение эквивалентной системы смыслов реципиентом осуществляется в случае обнаружения им доминантного личностного смысла, репрезентированного и намеренно актуализированного в тексте. По мнению В.А. Пищальниковой, в определении доминантного смысла необходимо исходить из структуры соотношений языковых единиц, фиксирующих личностные смыслы. При этом следует учитывать, что актуальность личностного смысла отражается в мотивированной акцентуации его репрезентанта. Доминантный смысл выявляется не из интегративного значения фиксирующих его лексем, а из ассоциативно и логически связанного ряда концептов, представленных совокупностью лексем, репрезентирующих доминантный личностный смысл [Пищальникова, 1999, с. 37-47].

Переводчик реконструирует доминантный смысл исходного текста на базе своей концептуальной системы. Смысловая доминанта существует в виде определенного соотношения компонентов доминантного смысла, которое направлено на акцентуацию, вычленение актуального смысла. Доминантный смысл производит, структурирует систему дериватов, которая порождает новый смысловой инвариант. Данный смысловой инвариант при восприятии текста извлекается реципиентом из континуума ассоциативных связей. Понимание текста обязательно затрагивает концептуальные системы, лингвистический, культурный, коммуникативный опыт, актуализируя иерархические системы ассоциаций в мышлении.

Важную роль в структурировании и понимании доминантного личностного смысла играет доминантная эстетизированная эмоция, являющаяся его обязательным компонентом. Представляя до определенного момента единственный смыслообразующий центр художественного произведения и выполняя регулирующую функцию в процессе порождения и понимания личностных смыслов, она обеспечивает саму возможность перевода. **Доминантная эмоция – субъективно значимое авторское переживание познанного, осмысленного, заструктурированного в его концептуальной системе и вербализованного во внешней форме знака, нацеленное на встречное адекватное понимание реципиентом/встречное смыслопостроение.** Разработка теории перевода на основе концептуального анализа, при котором содержание текста представляется как функциональное поле смысла, а переводческая деятельность представляет собой **«реконструкцию переводчиком на базе его концептуальной системы доминантного смысла исходного текста»** [Герман, 1999, с. 78], представляет теоретическую базу для определения эмоциональной доминанты как структурообразующего компонента перевода.

Для подтверждения выдвинутого положения нами была проведена серия экспериментальных исследований, заключавшихся в анализе оригинальных художественных текстов на английском языке и их переводов, выполненных русскоязычными испытуемыми с целью выявления сохранения/изменения их эмоциональных и смысловых доминант.

Выводы

Анализ изучения эмоциональной доминанты как структурообразующего компонента перевода, выявление доминирующих признаков этого феномена позволили очертить круг проблемных вопросов и определить направление изучения эмоциональной доминанты в аспекте актуальной для современной лингвистики проблемы изучения восприятия и порождения речи.

Изучение трудов прошлых лет на очередном витке эволюции и прочтение работ современности в области эмоциональных процессов обнаруживает настоятельную необходимость междисциплинарного подхода к их исследованию. Поэтому в первой главе была предпринята попытка синтезировать верифицированные данные нейрофизиологии и психофизиологии, деятельностный подход, разработанный в психологии и психолингвистике, положения лингвосинергетики.

В связи с этим, подводя итоги главы, акцентируем наиболее важные положения проанализированных нами концепций, ставшие актуальными для нашего исследования:

1. Анализ концепций авторов – представителей лингвоцентрического языковедения послужил теоретической базой для прочтения работ психолингвистического направления, выявления положений различных концепций, наиболее близких исследовательским. Обращение к рассмотрению эмоциональных явлений с позиций психолингвистического подхода позволяет определить эмоциональность текста как репрезентацию в нем ведущего мотива речевой деятельности, т.е. доминантную эмоцию.

2. Доминантная эстетизированная эмоция до определенного момента является единственным смыслообразующим центром художественного текста, выполняющим регулятивную функцию в процессе его структурирования и понимания.

3. В основе психолингвистических процессов регуляции эмоциональной доминантой речемыслительной деятельности индивида лежат универсаль-

ные нейрофизиологические и психофизиологические закономерности. Существует единая психофизиологическая основа регуляции речемыслительной деятельности независимо от языковой принадлежности.

4. Регулируя речемыслительные процессы реципиента, эмоциональная доминанта включает их в процесс самоорганизации. При восприятии системы эмоциональных авторских смыслов как кванта информации из внешней среды и под влиянием деятельности концептуальная система реципиента переструктурируется, т.е. пытается устранить неустойчивое состояние путем самоорганизации. Только в состоянии относительной устойчивости реципиенту комфортно. Для того, чтобы быть в состоянии относительной устойчивости, реципиенту необходимо найти связь, признак, отношение между компонентами авторского смысла, смысловое целое которого невыводимо из системных значений его компонентов. Успех такого поиска предопределен регулирующей функцией репрезентированной в тексте доминантной эмоции. Мотив деятельности переводчика по распрямлению авторского содержания смыслонаделен изначально. Переводческая рефлексия необходимо опредмечивается в виде смысла.

5. Понимание перевода как синергетического речемыслительного процесса базируется на структурировании порождаемого реципиентом (переводчиком) текста на основе выявленного доминантного личностного смысла. В процессе переводческой деятельности порождается функциональная система смысла. Адекватность встречно порожденного высказывания (перевод) исходному тексту достигается вследствие динамичного когерентного взаимодействия всех компонентов текста, постигающегося в процессе рецепции и рефлексии над смыслом речевого произведения. Эмоциональная доминанта рассматривается как компонент доминантного авторского смысла, подчиняющий себе функционирование всех элементов авторского смысла и всей системы становящегося смысла. Эмоциональная доминанта предопределяет открытый диалог, активный поиск пути встречного порождения смысла. Эмоциональная доми-

нанта представляет собой структурообразующий компонент переводческой деятельности.

6. В силу специфики содержания концептуальных систем автора и переводчика представляется допустимым говорить о возможной принципиальной смысловой эквивалентности, но не тождественности исходного текста и перевода.

7. Существует межъязыковое эмоциональное пространство, представленное совокупностью универсальных эмоциональных смыслов, обеспечивающих возможность понимания смысла текста и сам процесс перевода.

Изложенные положения явились теоретической базой нашего исследования.

Верификация гипотезы о том, что эмоционально-смысловая доминанта художественного текста адекватно понимается большинством реципиентов-переводчиков, возможна при обращении к эксперименту. При этом важно отметить, что наряду с активизацией внешней формы знака (вещественной оболочки иностранного слова) происходит активизация структурно-смысловых связей и отношений между гетерогенными компонентами авторского смысла, образующими единое целое. Благодаря регулятивной функции эмоциональной доминанты эта смысловая целостность нацелена не только на экспликацию доминантного личностного смысла автора, но и адекватное встречное понимание.

Все вышеизложенное с необходимостью предполагает проведение экспериментального исследования, которое позволит выявить специфику эмоциональной доминанты как компонента переводческой деятельности.

Глава 2. Экспериментальное исследование эмоциональной доминанты текста как структурообразующего компонента перевода

2.1. Цель, задачи и методика исследования

На основании выдвинутого предположения о том, что *эмоциональная доминанта является структурообразующим фактором перевода художественного текста*, **целью** экспериментального исследования явилось **установление регулятивной функции эмоциональной доминанты в процессе переводческой деятельности**. Цель определила необходимость решения следующих **задач**:

1. Выявить и сопоставить иерархическую смысловую структуру оригинального художественного текста и его перевода.

2. Исследовать характер репрезентаций выявленной смысловой структуры в переводческой деятельности;

3. Установить характер эмоционально-смыслового восприятия текста.

В процессе анализа художественных текстов и их переводов нами были использованы следующие методы и приемы:

-методика выявления доминантных личностных смыслов, разработанная В.А. Пищальниковой [Пищальникова, 1999];

-методика выделения в тексте ключевых слов [Борисова, 1976; Сахарный, 1989; Соколов, 1967];

-сравнительно-переводческий метод;

-метод компонентного анализа;

-метод контекстуального анализа;

-метод концептуального анализа.

2.2. Материал исследования

Материалом для исследования послужили художественные тексты на английском языке из произведений современных американских авторов Charles Frazier «Cold Mountain», John Grisham «The Chamber» и выполненные исследо-

вателем переводы указанных текстов на русский язык, а также экспериментальные варианты перевода фрагментов текстов (выполненные испытуемыми).

Выбор для исследования художественных текстов был обусловлен несколькими причинами. В современной психолингвистике художественный текст рассматривается в качестве **продукта эстетической речевой деятельности**, направленной на репрезентацию личностных смыслов автора текста, на представление определенного содержания его концептуальной системы. Личностный смысл не является, безусловно, привилегией эстетической коммуникации, но именно «в художественном тексте происходит намеренная, целенаправленная акцентуация «личностности», «субъективности» смысла, ... особую роль приобретает аспект представления личностного смысла» [Пищальникова, 1999, с. 13]. Значимость личностных смыслов художественного текста может не осознаваться автором, но он, тем не менее, ощущает эту значимость и неосознанно структурирует ее в соответствии с эмоциональной доминантой, что было неоднократно подтверждено в экспериментальных исследованиях В.А. Пищальниковой, И.А. Герман и других исследователей. Исходя из этого, в переводе именно художественного текста влияние эмоционального компонента личностного смысла должно проявляться и учитываться наиболее отчетливо.

Кроме того, выбор текстов был обусловлен следующими требованиями:

1. Высокий уровень языковой компетенции.
2. Объем использованных в эксперименте относительно законченных текстов не должен был превышать десяти предложений. Такой объем обусловлен психолингвистическими закономерностями восприятия знаковой информации: объем кратковременной памяти индивида составляет 7 ± 3 единицы. Достаточно длинный текст мог вызвать дополнительные трудности и отрицательно сказаться на результатах эксперимента.
3. Язык текстов, выбранных для проведения эксперимента, должен был соответствовать современному этапу развития.

Образцы оригинальных текстов и выполненных нами их переводов даны в приложении (Приложение 1).

2.3. Характеристика испытуемых

Общее количество реципиентов – 87. По социальному и возрастному составу информанты характеризуются относительной однородностью: это студенты старших курсов факультета иностранных языков Барнаульского государственного педагогического университета в возрасте от 19 до 25 лет. Выбор испытуемых объясняется необходимостью умения работать с текстом, и предполагает также достаточно высокий уровень владения английским языком и наличие навыков переводческой деятельности.

2.4. Алгоритм анализа смысловой структуры художественного текста

Предваряем описание результатов первого этапа эксперимента **алгоритмом анализа** смысловой структуры художественного текста.

Как нам кажется, успешность исследования эмоциональной доминанты как структурообразующего фактора переводческой деятельности определяется интеграцией достижений лингвистики текста, традиционной лингвистики, психолингвистики, создавшей предпосылки для появления исследований в лингвосинергетическом направлении языковедения, которое, на наш взгляд, является перспективным во многих отношениях. Мы совершенно намеренно не игнорируем достижения традиционного направления в языкознании. Напротив, именно такой сознательный синтез традиционного и нового, становящегося приоритетным, предпринятый в работе, является *методологически значимым*. Мы надеемся, что объединение достижений системоцентрической лингвистики и психолингвистических методов исследования станет продуктивным в выявлении специфики функционирования эмоциональной доминанты как смыслоемкого компонента художественного текста. Попытка такого объединения предопределила выбор методов исследования эмоционального компонента художест-

венного текста: метода компонентного, контекстуального и концептуального анализов.

В современной психолингвистике уже стало традиционным суммарное использование методов компонентного, контекстуального и концептуального анализов, являющихся составляющими комплексной методики выявления доминантных личностных смыслов. Иными словами, выявление доминантных личностных смыслов текста становится возможным благодаря последовательной реализации методов компонентного, контекстуального и концептуального анализов. Использование указанных методов осуществлялось нами в аспекте сопоставительного анализа на материале русского и английского языков. Аргументируем важность и необходимость проведения каждого из выделенных методов.

Метод компонентного анализа применяется при исследовании «содержательной стороны» языковых единиц, его целью является «разложение значения на минимальные лингвистические составляющие» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 233]. Он был разработан в рамках структурной семантики, в его основе лежит представление о семантической структуре слова как «совокупности связанных общностью внутренней формы, взаимной мотивированностью элементарных лексических единиц – лексико-семантических вариантов (ЛСВ), то есть лексических значений (семем), структура которых, в свою очередь, представлена иерархически организованной совокупностью сем (семантических признаков) (В.Г. Гак, Э.В. Кузнецова, Л.А. Новиков, Д.Н. Шмелев и др.) [Лукашевич, 2002, с. 74]. Семантическая структура слова репрезентирована в словарных дефинициях толковых словарей, представляющих собой, по мнению А.М. Кузнецова, ни что иное, как «синтез семантических компонентов лексического значения, иными словами, результат компонентного анализа» [Кузнецов, 1986, с. 77-86].

Используя метод **компонентного анализа**, переводчик становится способным различить модификации значений лексических единиц, определить

степень их совмещения и/или пересечения в двух языках. В этом случае переводчик становится «как бы над» разницей в модификации значений двух языков при выборе *оптимальной* лексемы на языке перевода. Он должен быть профессионально «гибким», *маневренным*. Кроме этого, переводчик при переводе нацелен не только на «расшифровку» емкого смыслового содержания, репрезентированного автором текста, но и на активный поиск порождения сходной когнитивной познавательной структуры, адекватной исходной. Компонентный анализ обладает прогностической функцией. В результате он способен *определить и детерминировать вектор переводческой рефлексии*.

Контекстуальный анализ является следующим этапом работы над смысловой структурой художественного текста. Он позволяет выявить мультидетерминированные отношения между компонентами текста, которые эксплицируют авторский смысл. Контекстуальный анализ способствует более глубокому внедрению в авторскую модель познания благодаря рефлексии над более широким контекстом целого/законченного речевого произведения. Анализ раздвинутого, широкого контекста целого произведения очень важен, поскольку именно он позволяет расширить поле интерпретации отдельного фрагмента авторской картины мира, что является необходимым условием повышения качества перевода. Что касается **концептуального анализа**, то именно тщательность его проведения определяет степень адекватности перевода.

Аргументируем важность и необходимость проведения контекстуального и концептуального анализов. При интерпретации смысловой структуры художественного текста мы учитывали то, что конвенциональные семиотические единицы функционируют в единой деятельностной системе, назначение которой заключается в речесмыслопорождении. Принципиально то, что эта система не замкнута, а открыта для вхождения новых смыслов. В художественном тексте налицо **синхронизация гетерогенных смыслов в переводческом синергетическом процессе**, при котором различные, разноуровневые компоненты смысловой структуры текста проявляют *смысловый изоморфизм*, будучи целе-

направленно используемыми автором для представления доминантного личного смысла и нацеленными на адекватное понимание со стороны читателя. Лексические, грамматические, фоносемантические компоненты синхронизируются эмоциональной доминантой - аттрактором анализируемого текста. Функциональность эмоциональной доминанты проявляется в том, что в одном тексте/текстовом фрагменте ядерными становятся грамматические, а в другом – фоносемантические, в третьем – лексические характеристики текста или несколько одновременно, при том компоненты на периферии тоже значимы. В этом и проявляется **синергетичность и функциональность** доминантного личностного смысла, мобильность и динамизм системы авторских смыслов. *«Функциональная система смысла порождается в результате поиска не семантического, а смыслового инварианта различных компонентов смысла – актуального личностного смысла речевого произведения (текста)»* [Герман, Пищальникова, 1999, с. 80]. Поэтому при анализе и переводе смысловой структуры текста следует учитывать то, что деятельность реципиента-переводчика нацелена, прежде всего, на **реконструкцию авторского смысла**, представленного в тексте. Переводчику, имеющему дело с функциональной/становящейся системой смысла, необходимо сохранить смысловой инвариант гетерогенных компонентов текста, участвующих в смыслопорождении. Составляющие компоненты структуры авторского смысла образуют **единое смысловое открытое пространство**, более того эти компоненты представляют единое функциональное смысловое поле. Синергетичность фрагмента текста, представляющего определенное содержание концептуальной системы автора в том, что все элементы (ядерные и периферийные) текста подчинены аттрактору, авторскому личностному смыслу.

Лексические, грамматические, фоносемантические характеристики художественного текста взаимообусловлены. Они образуют *совокупность изоморфных подструктур*. Вышеперечисленные характеристики текста **порождают иерархически организованное динамическое целое, поэтому авторский лич-**

ностный смысл всегда акцентируется как ядерными, так и периферийными компонентами. Каждый элемент текста предопределяет ход развертывания смысла. Переводчик-профессионал, занимающийся анализом текста, должен хорошо осознавать значимость положения когнитивной лингвистики о том, что **соединение фрагментов текста в единое смысловое целое совершается в вероятностном порядке**, т.е. смысл развивается по закону вероятностной детерминации. В переводе необходимо сохранить тот порядок введения и следования смыслов, который заложен в тексте оригинала, поскольку именно он определяет вероятность акцентуации латентных признаков эмоционального текстового комплекса, детерминирующего смыслопорождение.

2.5. Анализ эмоционально-смысловой структуры оригинального текста Джона Гришема «Камера» и его перевода: исследовательская версия

Анализ художественных текстов и выполненных нами их переводов на русский язык осуществлялся с применением методики выявления доминантных личностных смыслов [Пищальникова, 1993, 1999], выступившей в качестве основного метода на данном этапе экспериментального исследования. Методика выявления доминантных личностных смыслов реализуется посредством последовательного применения методов компонентного, контекстуального и концептуального анализа. Используя эту методику, мы попытались выявить роль эмоциональной регуляции в процессах смыслообразования, устойчиво проявляющейся в формировании эмоциональной доминанты, подчиняющей себе всю структуру текста. Именно эмоциональные процессы в качестве представителей мотивационной сферы нашего сознания должны определять направление установления смысловых связей между заданными единицами, а также выбор исходной точки такой системы, то есть эмоционально – смысловой доминанты текста. Если репрезентированные в тексте эмоции действительно закрепляют доминантные смыслы, опираясь на которые реципиент/переводчик понимает художественный текст, то в переводе должна быть адекватно отражена эмоцио-

нально-смысловая доминанта оригинального текста. Критерием адекватности выступает степень сохранности в тексте перевода смыслового изоморфизма гетерогенных компонентов, репрезентирующих авторские личностные смыслы и детерминирующих процесс встречного смыслопорождения. С целью верификации гипотезы на первом этапе экспериментального исследования нами было выявлено и сопоставлено эмоционально-смысловое содержание текстов оригиналов и выполненных нами же их переводов на английский язык.

В процессе анализа текста Джона Гришема «The Chamber» нами был выделен доминантный смысл, который можно обозначить как «последний день жизни главного героя». Однако внутри единого смысла, доминантного для всего текста, выделяется последовательность смыслов, некоторым образом связанных между собой. Поэтому смысловую структуру текста мы будем рассматривать в виде иерархии двух основных смыслов. Прежде всего, это смысл «тягость тюремной жизни», репрезентированный в предложении последнего абзаца (словоформой «tedious monotony»); во-вторых, это смысл «счастливая жизнь на свободе», языковыми репрезентантами которого являются «glorious humdrum». Проанализируем каждый из них отдельно.

Описание времени суток в первом предложении анализируемого текстового отрывка (раннее утро/восход солнца – «sunrise») и места, где происходят описываемые события (тюремная камера – «cell», «the Row»), задает довольно абстрактные временные и более конкретные пространственные рамки. Использование Past Indefinite уточняет момент времени, отнесение его к прошлому. Нам известно лишь то, что действие происходит в тюремной камере, где главный герой (Сэм) проводит последние дни в ожидании смертной казни. Это прошлое описывается как статичная картина, в вербальных репрезентантах не представлены динамика, процессуальность. Отсутствие динамики в описании прошлого способствует актуализации малой интенсивности признака/действия/состояния. Интегративный признак неинтенсивности является компонентом смысловой доминанты, актуальным в тексте, что подтверждается

его репрезентацией рядом текстовых компонентов. Данный признак фиксируется глагольными лексемами «believed back», «stared», «remembering», принадлежащими к группам глаголов умственного и зрительного восприятия. Общим компонентом в семном составе выделенных лексем является сема – малая интенсивность действия, в результате чего описание, представленное в последнем абзаце текста, характеризуется значительной статичностью. Главный герой умер задолго до исполнения смертного приговора, годы, проведенные в тюремной камере, нельзя назвать жизнью, скорее это лишь существование.

Если доминантные смыслы, выделенные на основе анализа лексических компонентов текста, действительно актуальны для автора, а не являются лишь результатом анализа текста реципиентом, то эти смыслы должны быть подтверждены изоморфной организацией других содержательных текстовых компонентов.

В тексте выделяется ряд языковых репрезентантов, которые также интегрируются на основе признака малой интенсивности: «but the dreams of freedom **had died** long ago» («to die» - «come to an end, cease to exist, fade away») [The Concise Oxford Dictionary, 1995, p. 375], «**killed** by the ... opinion of many judges» («kill» - «destroy, put an end to») [Там же, p.745], «his **final** sunrise» («concerned with the purpose or end aimed at») [Там же, p. 504], «too many people wanted him **dead**» («dead» - no longer alive») [Там же, p. 344] (выделено мной. – Е.Р.) Лексемы «had died» (умер), «killed» (убили), «final» (последний), «dead» (мертвый) имеют общую сему-окончание, прекращение жизни, они репрезентируют процесс умирания (*исчезновение признака*, если переходить на еще более абстрактный уровень).

Если проанализировать более широкий контекст произведения, то становится вполне логичным развитие следующей ассоциативной цепочки: *умерли мечты – умер человек*, хотя физически он все еще жив. В первые дни заключения, когда апелляции были только разосланы и не возвращались с отказом, Сэм проводил все свое свободное время, мечтая о том дне, когда вновь выйдет на

свободу, рисуя в своем воображении картинки счастливой и полной радости жизни вне заточения. Мечты о свободе наполняли жизнь смыслом, только благодаря им он оставался жив. Он умер в тот день, когда его мечты и грезы были погребены суровыми заключениями многочисленных судей.

Признак малой интенсивности признака/действия/состояния синкретизирует все компоненты авторской структуры смысла, представленной в анализируемом текстовом фрагменте, в единое смысловое целое на основе важного для продуцента интегративного признака – компонента смысловой доминанты текста. Лексемой «*tedious monotony*» еще раз наряду с отмеченными ранее лексемами актуализируется смысловой компонент неинтенсивности/малой интенсивности. Толковые словари английского языка определяют лексемы «*monotony*» и «*tedious*» как: «*sameness, the lack of variety*» [Longman Dictionary of English Language and Culture, 2001, p. 859] и «*long, tiring, boring, uninteresting*» [Там же, p. 1359] (выделено мной. – Е.Р.). *Отсутствие* разнообразия в дефиниции первой лексемы, а также префикс *-un*, придающий значение *отсутствия интереса* в дефиниции второй лексемы, выражают, на наш взгляд, крайнюю степень неинтенсивности признака, исчезновение признака при переходе на еще более абстрактный уровень. Специфика лексемы «*tedious monotony*» заключается в том, что она реализует две функции в рамках анализируемого фрагмента текста: считаем, что она не только подчеркивает интегративный признак малой интенсивности, но и актуализирует эмоциональное состояние удрученности и подавленности, является репрезентантом доминантной эстетизированной эмоции. Однообразие и скука жизни в камере, где каждый последующий день ничем не отличается от предыдущего, тяготят и оказывают угнетающее воздействие на главного героя. Наличие общей семы – отсутствие чего-либо – в лексическом значении двух лексем дважды актуализирует эмоциональное содержание текста, способствуя тем самым усилению интенсивности доминантной эмоции удрученности и подавленности. Таким образом, лексическое значение утомительное однообразие, семантика отсутствия признака, а также эмоциональное со-

стояние главного героя репрезентируется в одном *«слове, которое становится не просто признаком определенного содержания, ... а сложной самоорганизующейся ассоциативной системой, подчиняющейся доминантному направлению в развитии более сложной системы, куда первая входит в качестве компонента»* [Герман, Пищальникова, 1999, с. 86]. При этом в структуре смысла, актуализированной словом, заложено несколько путей эволюции, что и подтверждается результатами проведенных в ходе второго этапа исследования экспериментов по восприятию текстов реципиентами. Однако, как показали результаты анализа экспериментальных данных, ведущий путь развития воспринимается большинством реципиентов в силу его большей «эксплицированности». Гетерогенные смыслы, соотносимые с одним и тем же словом, включаются в процесс смыслопорождения, и этот процесс управляется креативным аттрактором – смыслом «неинтенсивность», в разной степени присущим различным объединениям элементов текста. «Вследствие подчинения процесса текстопорождения действию аттрактора в процесс образования смысла ... включаются смысловые компоненты *разной степени абстракции*» [Там же, с. 86]. Доминантная эмоция удрученности и подавленности является компонентом доминантного авторского смысла «тягость жизни в тюремной камере». Доминантная эстетизированная эмоция представлена особенно ярко благодаря использованию метафорических конструкций «*dreams had died*» (мечты умерли) и «*dreams were killed*» (мечты были погребены). В основе выделенных метафорических комплексов лежит олицетворение: неодушевленные предметы (мечты) наделяются признаками одушевленных, ведь смерть представляет конечную стадию жизнедеятельности живого организма. Совершенно очевидно, что они объединяются интегративным признаком более высокой степени абстракции «отсутствие признака» (неинтенсивность признака), т.е. тоже находятся под воздействием доминантного смысла, а доминантная эстетизированная эмоция представляет один из составляющих компонентов структуры доминантного смысла «тягость жизни в тюремной камере». В современных исследованиях,

связанных с анализом текста, отмечается **особая роль метафоры в выявлении актуального авторского содержания текста**. «Метафора художественного текста в высшей степени **эмоционально-информативна**. Это информативно-инновационный комплекс» [Губернаторова, 2003, с. 90]. В процессе метафоризации возникает особая смысловая функциональная система, которая не может быть представлена никаким другим вербальным средством. Конвенциональные лексические единицы, будучи дискретными образованиями, в большинстве случаев оказываются неспособными передать актуальное личностное содержание. Метафора представляет такие подобия и аналогии, которые способствуют выявлению специфики авторского мировидения. В ряде текстов метафора репрезентирует «структурно-смысловое образование, в котором метафора является ядром, а другие компоненты смысла могут быть выражены интегративными связями данной метафоры с иными элементами текста» [Пищальникова, 1999, с. 151].

Лексемы «drive» - «**to force to go; to force (someone) into usu. unpleasant condition or undesirable course of action**» [Longman, 1992, p. 389] и «kill» - «**cause the death of, deprive of life**» (лишать жизни) [The Concise Oxford Dictionary, 1995, p. 745] (выделено мной. – Е.Р.) наряду с выделенным интегративным признаком объединяет наличие общей семы – «насильственность действия», включающейся в доминантный путь развития смысла. Использование пассивных конструкций в анализируемом предложении («dreams... driven away... and killed») подчеркивает, что главный герой выступает в роли объекта совершаемого действия.

Рассмотрим особенности синтаксической организации фрагмента речевого произведения. Для наглядности представим проанализированное предложение следующим образом:

1). But the dreams of freedom had died long ago
driven away by the tedious monotony of life in a cell

and

killed by the harsh opinions of many judges.

2). This would be his final sunrise, he truly believed that.

Too many people wanted him dead.

Представляется, что **длина, композиция** составляющих текстовый фрагмент частей **управляют** процессом речесмыслопорождения, направляя в нужное русло речесмыслопорождающую деятельность реципиента в процессе восприятия текста. Очевиден параллелизм синтаксических конструкций «driven away by the tedious monotony of life in a cell» и «killed by the harsh opinions of many judges». Именно это предложение наиболее эксплицитно демонстрирует сознательный или неосознанный выбор продуцентом текста таких средств языка, которые адекватно передают эмоцию подавленности и удрученности, испытываемую в данной ситуации главным героем. Речесмыслопорождающая деятельность продуцента текста всякий раз связана с эмоциями, которые и закодированы в соотношениях вербальных репрезентантов и их комбинаций. Более того, такой выбор языковых комбинаций способен вызвать адекватное понимание авторского эмоционального смысла реципиентом.

В первом предложении второго абзаца используется Past Perfect и появляется еще один временной указатель – *long ago*, позволяющий понять, что с момента протекания событий, посвященных описанию жизни на свободе, а также первым годам тюремного заключения прошел большой промежуток времени. Этот фрагмент текста противопоставлен остальной части текста по смыслу, что и отражено грамматически (в первом абзаце текста преобладает Past Continuous). Весь текст может быть разделен на два сосуществующие в пространстве и во времени смысловые множества: множество событий давно ушедшей жизни и множество воспоминаний, множество осмысления событий и рефлексии над воспоминаемыми событиями. Необходимо отметить, что второй абзац текстового фрагмента значительно меньше первого, и это не случайно, поскольку актуальное содержание представлено в рамках композиционно не-

большой/непротяженной грамматической и синтаксической структуры, что передает плотность смыслов и их локализованность.

В рассматриваемом фрагменте текста нами был выделен ряд языковых единиц, репрезентирующих смысл «тягость жизни в камере» не непосредственно своими лексическими значениями, а через противопоставление их лексических значений, которые становятся контекстно антонимичными. Так, контекстно противопоставленными являются словоформы «dreams of freedom» (мечты о свободе), «phantases» (фантазии), «goal» (цель), характеризующие полные надежд, планов и грез первые годы жизни в заключении, и словоформа «harsh opinions» (суровые заключения (судей), поставившая крест на всех устремлениях главного героя.

Душевные страдания, переживания главного героя, его удрученность и подавленность являются следствием одиночества. Значение «одиночество», являющееся компонентом авторского смысла, актуализируется противопоставлением лексем «he», «his», используемых по отношению к главному герою, и лексем «many» («people», «judges»), причем языковая единица «many» используется дважды, усиливая значение одиночества. Интенсивность значения фиксируется лексемой «too» («too many people») («too» – «to a **higher degree** than is necessary») [Longman, 1992, p. 1396] (выделено мной. – Е.Р.). Основанием для контекстного противопоставления употребляемой дважды лексемы «want» («wherever he **wanted**» – куда захочется; «people **wanted** him dead» – люди желали его смерти) является смена субъекта действия. Во втором случае действие совершается над главным героем, таким образом, посредством контекстной антонимии репрезентируется значение «насильственность действия», являющееся компонентом смысла «тягость жизни в тюремной камере», доминантного для рассматриваемой части текста. Языковые репрезентанты смысла «тягость жизни в камере» можно представить схематично (Рис. 1.).

Вторая часть рассматриваемого текста связана с описанием жизни главного героя до его заключения. Она имеет собственный доминантный смысл, репрезентированный различными языковыми единицами и связанный с доминантным смыслом предыдущего фрагмента текста. Однако интегративный признак рассматриваемой части текста становится доминантным в нем и подчиняет себе всю смысловую структуру отрывка. Как было отмечено ранее, описываемые события располагаются в двух плоскостях, одна из которых представляет жизнь в заключении и содержит отмеченный ранее доминантный смысл, другая – описание жизни главного героя до заключения, к которой он возвращается в воспоминаниях. Этот фрагмент текста в отличие от предыдущего репрезентирует положительные эмоции, противоположные доминантной эмоции удрученности и подавленности предыдущего текстового фрагмента. Что-то подталкивает исследователя к предположению, что представленные в тексте положительные эмоции, являющиеся компонентом доминантного личностного смысла, связаны с использованием лексем «warm shower», «companionship of his dog», «hunt», «fish», «drive his old pickup», причем с использованием их не только в системном языковом значении, но и в символическом, по крайней мере, в пределах анализируемого текстового фрагмента. По всей вероятности данное предположение является результатом действия доминантного смысла текста. В данном случае «смысл, порожденный чужим (иным мышлением) и остановленный формой языка начинает управлять мышлением реципиента» [Герман, Пищальникова, 1999, с. 90]. Компонентный анализ лексического значения выделенных языковых единиц показал, что их лексические значения не связаны непосредственно с репрезентируемым смыслом. Однако они приобретают такую способность на основе ассоциативного взаимодействия друг с другом и другими репрезентантами, а также ассоциативной связи выражаемых ими значений с репрезентированным смыслом. Указанная связь является именно ассоциативной, поскольку в семной структуре этих лексем отсутствуют компоненты, тождественные или близкие доминантному личностному смыслу. Воспринятый

текст вовлекается в концептуальную систему индивида, где начинается собственный процесс смыслопорождения, и тогда в концептуальной системе индивида – среде обитания текста - теплый душ по утрам («warm shower»), ежедневные прогулки с собакой («companionship of his dog»), охота («hunt») и рыбалка («fish»), езда на старом автомобиле («drive his old pickup») становятся символами счастливой, беззаботной жизни. Репрезентированные в этой части текста положительные эмоции связаны с приятными мелочами («little things»), присутствующими в жизни каждого, но оценить которые может лишь человек, не имеющий возможности насладиться ими в течение длительного времени. Эти мелочи в представлении героя являются атрибутами **счастливой жизни** вне тюремной камеры. Жизнь эта предстает на первый взгляд обыденной и ничем не примечательной, но именно о ней мечтал Сэм в первые дни заключения. В контексте всего произведения данные языковые единицы приобретают положительное значение, описывая действия, сопровождаемые положительными эмоциями. Положительная эмоция радости и счастья, являющаяся компонентом доминантного личностного смысла «счастливая жизнь на свободе», и общим компонентом лексического значения выделенных лексем, представляет основание их ассоциативного взаимодействия друг с другом и с рассматриваемым смыслом. И потом, в дефиниции лексемы «little» есть определенная корреляция с положительными эмоциями: «small in size, amount, degree ... also used with **affectionate** or **emotional overtones**» [The Concise Oxford Dictionary, 1995, p. 796] (выделено мной. – Е.Р.). И.А. Герман и В.А. Пищальникова отмечают, что «привлечение к анализу так называемых свободных, а точнее, субъективных неконвенциональных ассоциаций позволяет читателю исследовать «потенциал значений» текста, т.е. установить пути возможной эволюции смысла [Там же, с. 90].

Интегративный признак «малая интенсивность», лежащий в основе объединения ряда языковых единиц предыдущего текстового фрагмента в единое смысловое целое, сменяется резко противопоставленным ему признаком интен-

сивности описываемых реалий. Данный признак фиксируется глагольными лексемами «hunt», «fish», «drive», «fly», общим компонентом значения которых является «активное/интенсивное действие», причем глагол «fly» («to fly to California», «had never flown») используется дважды, усиливая значение «активная деятельность». В то время как жизнь в тюремной камере описывается как статичная картина, в вербальных репрезентантах, связанных с воспоминаниями о жизни на свободе, представлены динамика, подвижность, активность. Присутствие динамики в описании жизни до заключения способствует актуализации высокой степени интенсивности признака/действия. Таким образом, выясняется, что многие текстовые компоненты репрезентируют «интенсивность» – компонент смысловой доминанты, актуальный для данной части текста. Синтаксическая организация также реализует обнаруженный в лексических репрезентантах интегративный признак. Концентрация глаголов движения, выступающих в качестве однородных членов в пределах одного предложения, способствует актуализации интегративного признака интенсивности. Признак «высокая степень интенсивности действия» объединяет иную совокупность смыслов, соотносимых с эмоциями противоположной модальности: эмоция радости и счастья, актуализированная в анализируемой части текстового отрывка, контекстно противопоставлена отрицательной эмоции удрученности и подавленности предыдущей части текста.

Лексемой «glorious humdrum» еще раз наряду с отмеченными ранее лексемами актуализируется смысловой компонент интенсивности/высокой степени интенсивности. Толковые словари английского языка определяют лексемы «glorious» и «humdrum» как: «splendid, magnificent, delightful; **intense**» [The Concise Oxford Dictionary, 1995, p. 576] и «too **ordinary, without** variety or change» [Там же, p. 662] (выделено мной. – Е.Р.). Слово «tense» в дефиниции второй лексемы, реализует, на наш взгляд, признак экспрессии перечисленных реалий, их интенсивность, высокую степень интенсивности при переходе на еще более абстрактный уровень. Эта экспрессия, равно как и сочетание слов «glorious» и

«humdrum», воспринимается как внезапная, неожиданная, однако появление ее было в некоторой степени подготовлено авторскими смыслами в ранее анализирувавшихся предложениях. Специфика лексемы «glorious» заключается в том, что она реализует две функции в рамках анализируемого фрагмента текста: считаем, что она не только подчеркивает интегративный признак интенсивности, но и актуализирует эмоциональное состояние радости и счастья, является репрезентантом доминантной эстетизированной эмоции данной части текста. Синонимичные словоформы «humdrum» и «monotony»: «uninteresting sameness» [Longman, 1992, p. 859] (выделено мной. – Е.Р.), имеющие общую сему – однообразие, - становятся контекстно антонимичными в рассматриваемом тексте, поскольку являются непосредственными репрезентантами противоположных смыслов «счастливая жизнь на свободе» и «тягость тюремной жизни». В результате чего смысл «насильственное приближение смерти» или «последний день жизни главного героя», доминантный для всего текста, репрезентируется противопоставлением выделенных смыслов, являющихся компонентами доминантного смысла.

Доминантный смысл «счастливая жизнь на свободе» репрезентирован словосочетанием «humdrum of everyday life» («humdrum» - «too **ordinary, without** variety or change») [The Concise Oxford Dictionary, p.662] (выделено мной. – Е.Р.), причем словосочетание «every day» используется дважды, усиливая значение «счастливая жизнь». В этом же предложении лексемой «glorious» («glorious-splendid, magnificent, delightful») [Там же, p. 577] фиксируется интенсивность выделенного смысла т.е. прежняя жизнь предстает как **восхитительная** обыденность, отличающаяся от утомительной обыденности и однообразия жизни в тюремной камере, оказывающего угнетающее воздействие на героя. Близкие по значению словоформы «humdrum» и «monotony» («uninteresting sameness») [Longman, 1992, p. 859] (выделено мной. – Е.Р.), имеющие общую сему – отсутствие разнообразия, т.е. отсутствие признака при выходе на более абстрактный уровень - становятся контекстно антонимичными в рассматриваемом

мом тексте, поскольку являются непосредственными репрезентантами противоположных смыслов «счастливая жизнь на свободе» и «тягость тюремной жизни». В результате чего смысл «насильственное приближение смерти» или «последний день жизни главного героя», доминантный для всего текста, репрезентируется противопоставлением выделенных смыслов, являющихся компонентами доминантного смысла. Схема языковых репрезентантов смысла «счастливая жизнь на свободе» может быть представлена на Рис. 2. Рис. 3 отражает доминантную эмоцию текста.

Анализ вербальных репрезентантов смысла позволяет утверждать, что креативным аттрактором, вызывающим смыслопорождение в приведенном тексте является амбивалентность чувств. При этом признак интенсивности (в первой части проанализированного текста) и признак неинтенсивности (во второй части текстового фрагмента) объединяют эмоционально противоположные смыслы, подчиняясь целям креативного аттрактора текста.

Таким образом, единый смысл, доминантный для всего текста («последний день жизни главного героя») представлен в виде иерархии двух основных смыслов («тягость жизни в камере») («счастливая жизнь на свободе»), в свою очередь являющихся доминантными для соответствующих текстовых фрагментов. Выделенные смыслы являются равнозначными в структуре доминантного смысла текста. Эстетизированные эмоции счастья/радости и удрученности/подавленности являются компонентами соответствующих личностных смыслов.

Проанализируем выполненный нами перевод художественного текста из произведения Джона Гришема «Камера» с точки зрения передачи/изменения в переводе эмоционально-смысловой доминанты. Доминантный смысл «насильственное приближение смерти» или «последний день жизни главного героя», как и в оригинальном тексте, представлен последовательностью двух основных смыслов, некоторым образом связанных между собой и являющихся доминант-

ными для соответствующих текстовых фрагментов: «счастливая жизнь на свободе» и «тягость жизни в тюремной камере». Доминантный личностный смысл непосредственно репрезентирован строфами **«восхитительная обыденность повседневной жизни»** и **«утомительное однообразие жизни в тюремной камере»**, фиксирующих контекстно противопоставленные компоненты выделенного доминантного смысла, а также представлен на лексическом уровне определенной структурой смысловых отношений. Значительная роль в актуализации доминантного смысла принадлежит эмоциональному компоненту.

Доминантный личностный смысл «тягость тюремной жизни» репрезентирован языковыми единицами «мечты о свободе **умерли**», **«были погребены** заключениями многочисленных судей », **«последний** восход солнца», «желали его **смерти**» («умерли» - «перестать жить») [Ожегов, Шведова, 1994, с. 830]; («погребенный» - «преданный забвению, ненужный, **отживший**») [Там же, с. 865]; («последний» - «**конечный** в ряду чего-либо») [Там же, с. 566]; («смерть» - «полное **прекращение** какой-либо деятельности») [Там же, с. 733] (выделено мной. – Е.Р.). Общей семой единиц, репрезентирующих доминантный личностный смысл, является «**прекращение** чего-либо», в данном случае прекращение жизни главного героя, обреченного на смертную казнь. Данный смысловой компонент присутствует и в тексте оригинала. При этом в тексте перевода сохраняется метафорическая репрезентация доминантного смысла («dreams had died» – «мечты умерли», «dreams were killed» – «мечты были погребены»). Замена строки оригинального текста «the dreams **were killed** by harsh opinion of many judges» на «мечты **были погребены** суровыми заключениями многочисленных судей» несколько усиливает фиксированную в оригинале эмоцию удрученности и подавленности. Но усиление эмоции незначительное и способствует вхождению в смысловой континуум текста.

Наряду с оригинальным текстом в тексте перевода передано подробное описание жизни Сэма на свободе, поскольку оно способствует актуализации доминантного смысла текста. Метафорический комплекс «струйки меда, сте-

кающие с печенья» передает языковое выражение оригинального текста «extra honey on his biscuits»(дословно - излишки меда на печеньях). «Стекающие с печенья струйки меда» - один из атрибутов сладкой дотюремной жизни, которой уже никогда не сможет насладиться главный герой. А потому замена языкового выражения оригинального текста метафорой вполне обоснована. Как известно, метафора является одним из наиболее продуктивных способов смыслопроизводства. Как и любой другой знак, связанный с каким-либо компонентом концепта, метафора способна актуализировать его структуру. На фоне описания прежней жизни, в которой герой мог позволить себе общение с собакой, рыбалку, охоту, поездку в город, жизнь в камере представляется еще более удручающей. При этом в тексте перевода сохранено значение «активная деятельность», фиксированное семной структурой сходных с оригиналом глагольных лексем «охотиться», «ловить окуня и леща», «нестись в старом пикапе», «полететь». Лексема «нестись» передает словоформу оригинального текста «drive». Языковая единица «нестись» («нестись» – «двигаться вперед с большой скоростью») [Ожегов, Шведова, 1994, с. 405] (выделено мной. – Е.Р.) в сравнении с лексемой «drive» акцентирует большую интенсивность действия, подчеркивает его стремительность. В оригинальном тексте подобный оттенок отсутствует. Сохраненное в тексте перевода противопоставление основных смыслов «счастливая жизнь на свободе» и «тягость жизни в камере», реализуемое через контекстное противопоставление лексических значений их языковых репрезентантов, актуализирует доминантный смысл текста.

Строка оригинального текста «the glorious humdrum of everyday life» передана как «восхитительная обыденность повседневной жизни». Усиление интенсивности эмоционального компонента репрезентировано лексемой «восхитительная» («восхитительная» – «приводящий в восхищение («восхищение» - «высшее удовлетворение, восторг»), очаровательный, замечательный» [Ожегов, Шведова, 1994, с. 96] (выделено мной. – Е.Р.).

Репрезентация положительных эмоциональных смыслов, связанных с жизнью главного героя на свободе, адекватно, как нам представляется, переданных в тексте перевода, дополнительно способствует пониманию доминантной эмоции удрученности и подавленности. Эмоциональная доминанта «удрученность и подавленность» актуализируется использованием языковых единиц «утомительное однообразие» («однообразие» – «пребывание в одном и том же состоянии, состояние неизменности» [Там же, с. 444], в котором интенсивность эмоции акцентируется лексемой «утомительное» («утомительный» – «вызывающий ослабление сил, усталость») [Там же, с. 831].

Доминантный эмоциональный смысл «насильственное приближение смерти» и амбивалентная доминантная эмоция удрученности/подавленности, радости/счастья на наш взгляд адекватно воссозданы в тексте «Камера». На рис. 4 наглядно представлен фиксированный в тексте доминантный эмоциональный личностный смысл, схема доминантной эмоции переводного текста остается без изменений. Схема доминантного личностного смысла также отображает лексические репрезентанты выделенного смысла. При этом следует отметить, что распределение лексических единиц по уровням в пределах полевой структуры доминантного смысла текста в зависимости от степени близости их лексических значений и выделенного смысла остается без изменений.

В целом выполненный нами перевод английского художественного текста «The Chamber» характеризуются высокой степенью адекватности. Анализ исследовательского перевода дает основание заключить, что **исходная авторская модель познания** фрагмента окружающей действительности *инициирует* и *предопределяет* порождение **вторичной переводческой/встречной модели, инвариантной исходной**. На основе эмоциональной доминанты совершается *не только понимание*, но и *фиксация* процессов встречного речесмыслопорождения, построение вторичной смысловой структуры, инвариантной исходной. Результаты сопоставительного анализа доминантной эстетизированной эмоции и доминантного смысла оригинального и переводных текстов свиде-

тельствуют об адекватном восприятии переводчиком эстетизированной эмоции как значимого смыслового компонента художественного текста и понимания ее структурообразующей роли. Кроме того, эмоциональные доминанты оригинальных и переводных текстов составляют практически одни и те же эмоциональные смыслы. Следовательно, правомерен вывод о том, что эмоциональная доминанта закрепляет доминантные смыслы, опираясь на которые, реципиент/переводчик понимает художественный текст. Главная функция эмоциональной доминанты при этом – регулятивная: она направляет содержательно разнообразные ассоциации реципиента, возникающие при восприятии текста на понимание доминантного личностного смысла.

Выводы, полученные в ходе анализа эмоционально-смысловой структуры оригинального текста и исследовательской версии его перевода верифицировались дальнейшим экспериментальным исследованием. Мы отдаем себе отчет в том, что анализ текстов до определенной степени может являться субъективным, хотя «субъективность понимания, привносимый нами от себя смысл... есть признак всякого вообще понимания. Всякий из нас, слушая чужую речь и понимая ее, по-своему апперципирует слова и их значения, и смысл речи будет всякий раз для каждого субъективным не в большей мере и не меньше, чем смысл художественного произведения» [Выготский, 1986, с. 59]. Именно поэтому возникла необходимость проведения серии дальнейших экспериментов на материале проанализированных нами текстов.

2.6. Описание результатов эксперимента

Анализ исследовательской версии перевода позволил заключить, что эмоциональная доминанта как компонент доминантного авторского смысла, подчиняет себе функционирование всех элементов авторского смысла и всей системы становящегося смысла. Если это действительно так, то регулятивная функция эмоциональной доминанты оригинального текста должна актуализироваться в процессе его восприятия и перевода реципиентами – носителями

русского языка. Для подтверждения данного положения рассмотрим экспериментальные варианты перевода фрагмента текста Джона Гришема «Камера» и сопоставим их с исследовательской версией перевода.

В процессе экспериментального исследования мы предусматривали решение следующих **задач**:

1) выяснить, насколько одинаково доминантная эмоция воспринимается разными реципиентами/одинаковую ли эмоцию выделяют реципиенты в одном и том же тексте;

2) установить, какие структурные элементы художественного текста реципиенты используют в качестве сигналов эмоциональных доминант;

3) сопоставить доминантный личностный смысл и доминантную эстетизированную эмоцию художественных текстов, которые были выявлены в результате анализа исследовательской версии перевода, с доминантным личностным смыслом и доминантной эстетизированной эмоцией, выявленными в ходе анализа экспериментальных вариантов перевода;

4) установить, является ли исследовательская модель доминантного личностного смысла и доминантной эстетизированной эмоции сходной с моделью, полученной по результатам анализа экспериментальных данных.

Испытуемым предлагался текст Джона Гришема «Камера» со следующим заданием:

1. Прочтите отрывок текста и укажите, каким на ваш взгляд, он является: эмоционально положительным или эмоционально отрицательным? Почему?

2. Подчеркните слова или словосочетания, которые, на Ваш взгляд, представляют в тексте эти эмоции.

3. Переведите текст на русский язык.

Первое задание ориентировано на выявление общей эмоциональности текста и знака фиксированной в нем эмоции. В задании намеренно отсутствует параметр «нейтральный» (или «никакой») для того, чтобы установить преиму-

щественное тяготение текста к положительному или отрицательному полюсу эмоций. Вопрос «почему?» предлагает испытуемым объяснить свой выбор.

Второе задание ориентировано на выявление лексических репрезентантов эмоциональной доминанты текста.

Третье задание направлено на выявление регулятивной функции эмоциональной доминанты при переводе. Для определения эмоционально-смысловой структуры текста была использована методика выделения в тексте ключевых слов, репрезентирующих смысловые ядра текста. Воспринимающие фиксировали эмоциональную доминанту текста в некотором наборе слов, которые с их точки зрения, являются ключевыми для понимания эмоционально-смыслового содержания целого текста. Количество выделенных разными испытуемыми слов подсчитывалось (для каждого слова отдельно), затем выявлялись наиболее частотные лексемы, которые, по мнению большинства испытуемых, репрезентируют общую эмоционально-смысловую структуру текста. На основании полученных данных строилось общее смысловое поле текста.

Выявленная испытуемыми смысловая структура текста сопоставлялась с нашей моделью иерархии смыслов того же текста. Делался вывод о характере смысловой структуры текста. Кроме этого, устанавливался характер лексических репрезентантов выделенной испытуемыми эмоционально-смысловой структуры текста.

Все три задания призваны экспериментально подтвердить или опровергнуть результаты нашего анализа. Образцы анкет второго этапа эксперимента даны в приложении (Приложение 2).

Перейдем к описанию результатов проведенного экспериментального исследования. При предъявлении фрагмента художественного текста «The Chamber» из 41 испытуемого 63% оценили данный текст как эмоционально отрицательный, 20% - как эмоционально положительный и 17% участников эксперимента отметили наличие в тексте амбивалентных эмоций. Испытуемые, оценившие текст как эмоционально отрицательный, объяснили свой выбор сле-

дующим образом: «главный герой подавлен, он понимает, что те дни, когда он был счастлив, больше никогда не вернуться», «скучное однообразие жизни в камере приносит страдание главному герою», «кратко содержание данного текста можно представить как крушение надежд», «репрезентированные в тексте отрицательные эмоции связаны с мрачной атмосферой тюрьмы/ощущением близости смерти», «в тексте настоящее противопоставлено прошлому: что могло бы быть и что есть».

Участники, охарактеризовавшие текст как эмоционально положительный отметили, что «симпатии автора на стороне героя», «представленные в тексте положительные эмоции связаны с описанием прелестей повседневной жизни», «описание жизни на свободе создает атмосферу счастья», «надежды не умерли в сердце главного героя».

Испытуемые, отметившие наличие в тексте амбивалентных эмоций, акцентировали, что «несмотря на близость смерти, воспоминания делают главного героя счастливым».

Анализ экспериментальных данных демонстрирует некоторое несоответствие модальности выявленной реципиентами эмоции с авторской: в большинстве случаев реципиенты выделяют эмоцию отрицательной модальности. Это связано, на наш взгляд, со спецификой композиционного строения второго абзаца рассматриваемого текстового отрывка, в котором плотность смыслов и их локализованность в рамках композиционно небольшой/непротяженной грамматической и синтаксической структуры способствует более высокой частотности их выявления. Однако общая тенденция к восстановлению представленной в тексте амбивалентности чувств, являющейся креативным аттрактором, вызывающим смыслопорождение данного текстового отрывка, прослеживается отчетливо. Причем, значимым является то, что выделение доминантной эстетизированной эмоции зачастую осуществляется не в процессе переводческой деятельности, а при первом ознакомлении с текстом, еще до начала выполнения третьего задания, предъявленного в анкете. И это вполне объяснимо, поскольку

восприятие эмоционального тона речевого произведения, а значит, и его понимание опережают переводческую рефлексию (термин Г.И. Богина). В соответствии с этим последовательность этапов осуществления переводческой деятельности предположительно может быть представлена следующим образом: «1) эмоционально адекватное восприятие как основа реализации понимания; 2) рефлексия над прочитанным; 3) выбор оптимального способа перевода; 4) собственно перевод как результат переводческой рефлексивной деятельности» [Губернаторова, 2003, с. 140].

Теперь приведем результаты смыслового восприятия проанализированного текста испытуемыми. Для этого представим в виде схемы (Рис. 5) выявленную нами смысловую структуру текста и укажем языковые репрезентанты для каждого из двух выделенных нами смыслов, которые с наибольшей частотностью выделялись воспринимающими (т.е. мы приводим выстроенную нами ранее схему смысловой структуры текста «The Chamber» с числовыми показателями частотности выделения языковых элементов испытуемыми).

Экспериментальные данные показали, что с наибольшей частотностью испытуемые выделяли те языковые единицы, которые фиксируют актуальные доминантные смыслы текста, образующие ядро выделенных нами смысловых полей. Так для первого смысла текста («тягость жизни в тюремной камере») по первому уровню испытуемыми были указаны такие языковые единицы, как «monotony» (80% испытуемых), «tedious» (71%); по второму уровню: «had died» (73%), «final sunrise» (71% и 66% соответственно), «killed» (68%), «driven away» (27%); по третьему уровню: «dreams» (61%), «harsh opinion» (56% и 41% соответственно), «phantases» (28%), «too many people» (22%, 12% и 20% соответственно), «goal» (5%); по четвертому уровню: «stared» (32%), «believed back» (20%), «remembering» (5%). Для второй части текста по первому уровню: «glorious» (54%), «humdrum» (41%); по второму уровню: «never flown» (44%) «warm shower» (34% и 29% соответственно), «companionship of his dog» (32% и 24% соответственно), «every day» (31%), «extra honey on his biscuits» (22%, 22% и

17% соответственно), «wherever he wanted» (20% и 22% соответственно), «hunt» (22%), «little things» (20% и 17% соответственно), «fish» (20%), «drive» (10%), «fly» (10%).

Результаты эксперимента показали, что большой разницы по частотности между репрезентантами выделенных смыслов не наблюдается, что подтверждает указанную нами равнозначность этих смыслов в структуре доминантного смысла текста, наличие у них интегративного смыслового компонента. Заслуживает внимания сравнительно большая частотность словоформы «tedious monotony», что может быть объяснено тем, что сходные по значению словоформы «monotony» и «humdrum», имеющие общую сему («обыденность») репрезентируют разнородные смыслы: «humdrum» – смысл «счастливая жизнь на свободе»; «monotony» – смысл «тягость жизни в камере». Именно повторное использование синонимичной словоформы, к тому же выступающей репрезентантом другого одноуровневого смысла и вызвало подобный резонанс. Смысловая структура данного фрагмента текста по результатам первых двух заданий, представленных в анкете, в общих чертах адекватно выделяется испытуемыми. Это происходит благодаря тому, что эмоционально-смысловая доминанта текста определяет направление ассоциирования различных лексических единиц, не обладающих сходством своих лексических значений в системе языка. Поскольку столь различные языковые репрезентанты испытуемыми фиксируются, эмоционально-смысловая доминанта ими выявляется.

Теперь приведем результаты анализа экспериментальных вариантов перевода фрагмента текста «The Chamber», сопоставим их с исследовательской версией перевода и обоснуем собственную позицию. Целью анализа является выявление сохранения/изменения доминантного личностного смысла и доминантной эмоции оригинального текста в переводе.

Наиболее частотный перевод словоформы исходного текста «tedious monotony» представляют языковые выражения «утомительная» (27% испытуемых)/«скучная» (27%) «монотонность» (71%)/«однообразие» (17%), актуально,

на наш взгляд, представляющие доминантный смысл исходного текста своим лексическим значением. В толковых словарях русского языка представлены прилагательные «монотонный» и «однообразный», получающие следующее определение: «лишенный разнообразия» [Ожегов, Шведова, 1994, с. 357] и «постоянно такой же, не меняющийся» [Там же, с. 438]. Лексемы «монотонность» и «однообразие» имеют общую сему – «отсутствие чего-либо» - актуализирующую инвариантный признак «отсутствие интенсивности действия». *Отсутствие* разнообразия в дефиниции первой лексемы, а также частица – *не*, придающая значение *отсутствия признака* в дефиниции второй лексемы, выражают, на наш взгляд, крайнюю степень неинтенсивности признака, исчезновение признака при переходе на еще более абстрактный уровень. В определениях лексем «утомительный» и «скучный» присутствует слово «неинтересный», в котором префикс *не-* способствует передаче отмеченного инвариантного признака, являющегося компонентом доминантного смысла текста. Однако, на наш взгляд, перевод «ужасный» (2%), «безобразный» (2%), «отвратительный» (2%) не отражает авторского доминантного смысла, поскольку в семном значении указанных лексем отсутствует компонент, имеющий значение «отсутствие чего-либо», общий компонент их лексического значения представлен семой «неприятный». В переводах этих испытуемых эксплицированы оттенки смысла, важные только для их концептуальных систем. Очевидно давление внутреннего содержания концептуальных систем информантов при переводческом процессе, а не влияние внешнего возбудителя, вероятно в силу недостаточной языковой компетенции. Для этих участников эксперимента оказалось более важным отразить не специфику авторского смысла, а некое собственное, значащее переживание, важное сугубо для них. Самоощущение этих респондентов показывает, что успех процесса понимания определяется главным образом достижением внутренней удовлетворенности реципиентов, какой бы неадекватной ни казалась переводная версия со стороны исследователя.

Экспериментальные переводы «мечты умерли» («the dreams had died») (68%), «мертвый» («dead») (95%), «последний рассвет» («final sunrise») (95%), «рассеялись» («driven away») (22%) и «убиты» (56%)/«уничтожены» (15%)/«погублены» (10%) сохраняют доминантный смысловой признак – «окончание, прекращение чего-либо». Эмоция обреченности представлена особенно ярко благодаря сохранению метафорических конструкций «dreams had died» («мечты умерли») и «dreams were killed» («мечты были убиты»). Содержание метафоры, как показывают результаты многочисленных экспериментов, представляет актуальные субъективные авторские смыслы в художественном тексте и требует метафорической их фиксации в переводе [Пищальникова, 1999].

Значимым компонентом доминантного смысла «тягость жизни в камере» является значение «пассивность», «отсутствие активного действия». Как показал анализ соответствующего текстового фрагмента, оно было сохранено при переводе. Выделенный доминантный смысловой признак содержится в лексическом значении слов «вспоминал»/«в воспоминаниях» («remembering») (100%), «верил» (73%)/«надеялся» (22%) («believed back»), «смотрел» (43%)/«вглядывался» (39%) («stared»).

В тексте перевода сохранено значение «активная деятельность», являющееся значимым компонентом смысла «счастливая жизнь на свободе» и фиксированное семной структурой сходных с оригиналом глагольных лексем «охотиться» (95%)/«гоняться» (5%) («hunt»), «ловить окуня и леща» (68%)/«рыбачить» (29%) («fish»), «ехать на старом пикапе» (61%)/«вести» (22%) («drive»), «полететь/улететь» (80%) («fly»). Лексема «*нестись*» передает словоформу оригинального текста «drive». Языковая единица «нестись» («нестись» – «двигаться вперед с **большой скоростью**») [Ожегов, Шведова, 1994, с. 405] (выделено мной. – Е.Р.) в сравнении с лексемой «drive» акцентирует большую интенсивность действия, подчеркивает его стремительность. В оригинальном тексте подобный оттенок отсутствует.

Лексемы «славная» (27%)/«великолепная» (22%)/«прелестная» (2%), «обыденность»/«банальность» (37%)/«монотонность» (7%)/«однообразная жизнь»/«рутинная жизнь» (2%)», представляют словоформы оригинального текста «glorious» и «humdrum» и являются непосредственными репрезентантами доминантного смысла «счастливая жизнь на свободе». Лексемы славный, великолепный реализуют, на наш взгляд, признак экспрессии обозначаемых ими реалий, их интенсивность, высокую степень интенсивности при переходе на еще более абстрактный уровень что-либо. Признак «высокая интенсивность действия» является компонентом, доминантным в структуре первого абзаца текстового отрывка, а значит респонденты, предложившие эти варианты перевода, уловили авторский оттенок смысла.

Исходя из результатов анализа выполненных реципиентами переводов текста «The Chamber» можно заключить, что большинством реципиентов эмоционально-смысловая структура оригинала интерпретирована и воссоздана в переводах адекватно. Эмоциональная доминанта текстового комплекса проявляет способность **регулировать протекание синергетических процессов встречного речесмыслопорождения** в концептуальной системе переводчика-реципиента, **лимитируя множественность путей их развертывания и обуславливая тем самым адекватность перевода.**

2.7. Анализ эмоционально-смысловой структуры оригинального текста Чарльза Фрейзера «Холодная гора» и его перевода: исследовательская версия

В художественном тексте Чарльза Фрейзера «Cold Mountain» репрезентируется доминантный личностный смысл, который можно обозначить как «радостное возвращение домой» или «испытываемое Инманом счастье от приближения к родным местам». Доминантный смысл представляет собой иерархию смысловых компонентов, репрезентирующихся по-разному. Языковые репрезентанты этого смысла являются неоднородными в том отношении, что харак-

тер отношений между выражаемым ими смыслом и лексическим значением используемых единиц очень различен.

Прежде всего, смысл «радостное возвращение домой» непосредственно фиксирован в словоформе «homeland» («homeland» – «a country where a person was born») [Longman, 1992, p. 635]; («one's native land») [The Concise Oxford Dictionary, 1995, p. 649], а также в словосочетании «was nearing home» (букв. приближался к дому). Словоформа «home» используется дважды (в составе лексемы «homeland», а также в качестве самостоятельной лексемы), усиливая значение доминантного смысла. Акцентирование доминантного смысла также осуществляется непосредственной актуализацией доминантной эмоции **радости** языковыми единицами «growing joy». Интенсивность репрезентированной в тексте эмоции непосредственно представлена в лексическом значении слова «joy» («joy» - «**great** happiness») [The Concise Oxford Dictionary, 1995, p. 588] (выделено мной. – Е.Р.), более того, она акцентируется дважды: следует отметить еще большее усиление степени интенсивности эмоции, репрезентированное лексемой «growing» («grow» - «to **increase in degree**») [Там же, p. 601] (выделено мной. – Е.Р.). По мере приближения к поселению главному герою все более не терпелось увидеть людей, которых он знал всю свою жизнь. Интенсивность представленной в тексте эмоции акцентируется в строке «longing to see the leap of hearth smoke from the houses». Лексема «longing» («longing» - «a **strong** feeling of wanting smth., **strong** wish») [Там же, p. 804] передает интенсивность испытываемого героем желания поскорее увидеть то, что было *особенно* ему близко, разглядеть струйки дыма из очага домов дорогих ему людей. Проанализированные выше лексемы относятся к первому уровню репрезентантов смысла «радостное возвращение домой», поскольку в их лексическом значении присутствуют тождественные доминантному смыслу семы.

Радость эта, однако, не безудержная и безумная, а тихая радость, ощущение гармонии с самим собой, спокойствия и душевного равновесия от достигнутого. Он все-таки пришел туда, где была его родина («He had achieved a vista

of what for him was homeland»). Являющийся компонентом доминантной эстетизированной эмоции эмоциональный смысл «душевный покой», «спокойствие» опосредованно, неявно содержится в лексическом значении глаголов, используемых для описания представшего перед героем пейзажа. В тексте отсутствуют глаголы, выражающие активное действие. Лексемы «to see», «pinched down» («his eyes»), «to sharpen» («the view»), «looked» относятся к группе глаголов зрительного восприятия, общим для них является отсутствие семы «активное действие» в их лексическом значении. Сема активности, фиксированная в лексеме «grew» («to **increase** in size, amount», т.е. совершить активное действие по изменению, переходу из одного состояния в другое) [The Concise Oxford Dictionary, 1995, p. 601] (выделено мной. – Е.Р.), в данном контексте является невыраженной в результате воздействия стоящей рядом формы «slowly» (постепенно, медленно), имеющей сему – «малая интенсивность чего-либо».

К следующему (второму) уровню репрезентантов указанного смысла относятся такие языковые единицы, лексические значения которых не связаны непосредственно с указанным смыслом. Однако они приобретают такую способность на основе ассоциативного взаимодействия друг с другом и другими репрезентантами, а также ассоциативной связи выражаемых ими значений с рассматриваемым смыслом. Указанная связь является именно ассоциативной, поскольку в семной структуре таких лексем отсутствуют компоненты, тождественные или близкие данному смыслу. Это словосочетания («he could feel it») «in the touch of thin air on skin» («это ощущалось в прикосновении легкого ветерка к лицу») и «the leap of hearth smoke» («рвущиеся из очага струйки дыма»). В данном контексте приведенные единицы приобретают положительное значение, описывая действие, приятное для главного героя, сопровождаемое положительными эмоциями. Прикосновение столь знакомого ветерка к лицу символизирует близость родного дома, что актуализируется лексемой «feel». Дуновение легкого ветерка («thin air»; «thin» - «slight, weak») [The Concise Oxford Dictionary, 1995, p. 1449], как правило, связано с приятными ощущениями. Очаг ассоции-

руется, как правило, с центром семейной жизни, теплом и уютом («hearth» – «often thought as the centre of a family life; home as the centre of family life») [Longman, 1995, p. 610], лексема «hearth» обладает особой значимостью, поскольку в своем значении объединяет все стремления главного героя, а потому на основе ассоциативного переноса выражает что-то хорошее, приятное, доставляющее удовольствие, приносящее радость. Таким образом, выделенные сочетания репрезентируют смысл «радостное приближение к дому» на основе ассоциативной связи их значения с выражаемым смыслом.

Представленные в тексте отрицательные эмоции фиксированы в лексемах «hate» и «fear» («hate» – «to have **very strong dislike of**, detect» [Longman, 1995, p. 587]; («fear» – «**an unpleasant and usually strong feeling**, caused by the presence or expectation of danger» [Там же, p. 466] (выделено мной. – Е.Р.). На наш взгляд, лексические репрезентанты фиксированных в тексте отрицательных эмоций не диссонируют с доминантным смыслом текста. Ненависть и страх остались в прошлом, они характеризуют предыдущие взаимоотношения Инмана с окружающими его людьми, что актуализируется словосочетанием «he would **not** be called upon» (досл. – ему **не нужно** будет). Напротив, их использование подчеркивает ощущение внутреннего покоя и радости, т.е. актуализирует доминантный смысл.

Таким образом, выделенный доминантный личностный смысл текста «радостное приближение к дому» фиксирован целой системой словоформ и словосочетаний, отличающихся степенью близости их лексического значения с указанным смыслом. Такой характер языковых репрезентантов выделенного смысла связан со спецификой художественного текста, в котором часто используются ассоциативные и метафорические (переносные) значения слов, исключающие однозначную интерпретацию смысла текста. Большая роль в процессах ассоциативного связывания значений различных языковых единиц принадлежит эмоциям, именно доминантная положительная эмоция большой степени интенсивности регулирует процесс репрезентации доминантного смысла текста

названными языковыми единицами. Особый характер эмоции художественного текста, для которого зачастую можно говорить об эмоции конкретной модальности и повышенной степени интенсивности, обуславливает повышенную ассоциативность художественных текстов в сравнении с текстами, например, научного стиля, поскольку именно эмоция регулирует поток авторских ассоциаций в процессе формирования и репрезентации смыслов [Пищальникова, 1999].

Завершающим этапом смыслового анализа данного текстового отрывка является построение его смысловой схемы, которую можно представить в виде иерархии текстовых предикатов (по Н.И. Жинкину) или смысловой структуры доминантного личностного смысла (по В.А. Пищальниковой). Еще раз отметим, что такая иерархия выстраивалась на основе анализа смыслового соотношения выделенных единиц с точки зрения их подчиненности друг другу, выделения более широких и более узких значений, роли в выражении доминантного смысла. Все элементы находятся в отношениях включенности по отношению друг к другу. В отрывке фиксирована система последовательно разворачивающихся смыслов, когда каждый последующий конкретизирует предыдущий. В приводимой ниже схеме такие последовательно разворачивающиеся смыслы обозначены теми языковыми единицами, которые репрезентируют их в тексте. Смысл «радостное возвращение домой» и его интенсивность фиксируются одновременно.

На рис. 6 представлен доминантный личностный смысл текста из произведения «Cold Mountain». Схема также отображает лексические репрезентанты доминантного смысла и эстетизированной эмоции. Рис. 7 наглядно репрезентирует фиксированную в тексте доминантную эмоцию радости. Репрезентированная языковыми средствами доминантная эмоция радости является компонентом доминантного личностного смысла, структурирующим его понимание. Выделение доминантного личностного смысла осуществляется через интерпретацию совокупности языковых выражений, имеющих различные, но близкие по содержанию эмоциональные смыслы.

Проанализируем выполненный нами перевод текста из произведения Чарльза Фрейзера «Холодная Гора». Целью анализа является выявление сохранения/изменения доминантного личностного смысла и доминантной эмоции оригинального текста в переводе. Доминантный личностный смысл «радостное приближение к дому» представляет собой иерархию смысловых компонентов, актуализирующихся лексически определенной структурой смысловых отношений. Доминантный смысл актуализируется также эмоциональным компонентом.

Доминантный личностный смысл репрезентирован сочетанием лексем «приближался к родным местам» и «родина». В тексте перевода лексема «родина» (а точнее однокоренные лексемы «родина» – «родной») используется дважды, усиливая доминантный смысл текста. Подобное акцентирование присутствует в тексте оригинала, а потому представляется уместным в переводе.

Доминантная эмоция репрезентирована сочетанием лексем «сердце Инмана переполняла **растущая радость**» («радость»- «ощущение большого душевного удовлетворения») [Ожегов, Шведова, 1994, с. 638] (выделено мной. – Е.Р.). По аналогии с оригинальным текстом использование языковой единицы «растущая» усиливает интенсивность эмоционального компонента. Лексема «не терпелось» («ему не терпелось увидеть людей, которых он знал многие годы») с той же степенью адекватности, что и в оригинальном тексте представляет интенсивность эстетизированной эмоции (нетерпение-недостаток, отсутствие терпения в ожидании кого-либо, чего-либо). Отсутствие терпения у главного героя объясняется сильным желанием поскорее оказаться дома. В поле актуализации концепта включается описание ряда природных объектов. Описание окружающей Инмана природы и в особенности Холодной горы довольно подробное в тексте оригинала, поскольку способствует раскрытию эмоционального состояния главного героя. Строфа «stood ... **as the stroke of a poorly inked pen**, a line thin and quick and gestural» передана как «похожая на **росчерк недостаточно покрытого чернилами пера**, в виде тонкой поспешно нанесен-

ной линии». Таким образом, сохраняется метафорическая фиксация представленных в оригинальном тексте лексем. Известно, что метафора является одним из наиболее продуктивных способов смыслопроизводства. Как и любой другой знак, связанный с каким-либо компонентом концепта, метафора способна актуализировать его структуру. Холодная гора – цель путешествия главного героя. Увидеть ее – значит оказаться на родине. По мере приближения к ней, ее поначалу едва уловимые очертания становятся все более ясными. Так и сердце героя все сильнее и сильнее переполняется радостью. Наряду с этим, акцентуация указанного доминантного смысла осуществляется строкой, в которой описание легкого ветерка и еще не четких очертаний домов близких людей переплетается с передачей внутреннего состояния покоя и душевного равновесия главного героя. «Прикосновение легкого ветерка к лицу» и «рвущиеся наружу струйки дыма» передают лексем оригинального текста «leap of hearth smoke» и «the touch of thin air on skin». Словоформы оригинального текста, используемые для детального описания окружающей героя природы, были отражены в тексте перевода без существенных изменений. Общим в лексическом значении этих словоформ является нечто хорошее, приятное, доставляющее радость. В результате этот компонент (названный условно «положительное значение»), являющийся значимым в структуре доминантного смысла текста, был сохранен в тексте перевода. Главный герой вскоре увидит людей, которых знал уже многие годы и с которыми связаны самые лучшие воспоминания. Это как раз то состояние душевного равновесия и покоя, которое возникает вследствие достижения того, к чему так долго стремился. Инман все-таки пришел к подножию Холодной горы, отсюда начиналась его родина. Ощущение спокойствия и гармонии с самим собой опосредованно репрезентируется лексемами «увидеть», «с силой сощутив глаза», «разглядеть», общей семой в лексическом значении которых является «отсутствие активного действия». Таким образом, этот компонент смысла оригинального текста сохраняется. Доминантный личностный смысл и эстетизированная эмоция были, на наш взгляд адекватно восприняты

нами и реконструированы в тексте перевода. Рис. 8 представляет доминантный личностный смысл текста, на схеме также представлены лексические репрезентанты выделенного смысла.

Исходя из результатов анализа текстов «Cold Mountain» и «Холодная гора», можно утверждать, что эмоционально-смысловое содержание художественного текста было адекватно отражено нами в тексте перевода. Результаты анализа доминантной эстетизированной эмоции и доминантного личностного смысла текста свидетельствуют об адекватном восприятии эстетизированной эмоции как значимого смыслового компонента художественного текста и понимании ее структурообразующей роли. Кроме того, эмоциональные доминанты оригинального и переводного текстов составляют практически одни и те же эмоциональные смыслы.

2.8. Описание результатов эксперимента

Осуществив, в общих чертах, смысловой анализ художественного текста «Cold Mountain» и выполненного нами его перевода на русский язык, попытаемся теперь, с использованием его результатов, интерпретировать результаты проведенного экспериментального исследования.

При предъявлении текста из 46 испытуемых 89% оценили данный текст как эмоционально-положительный, 7% - как эмоционально-отрицательный, 2% - как эмоционально нейтральный и 2% участников отметили наличие в тексте амбивалентных эмоций.

Большинство участников, охарактеризовавших текст как эмоционально положительный, объяснили свой выбор следующим образом: «главный герой возвращается домой/на родину, а слова «дом» и «родина» всегда сопровождаются положительными эмоциями», «в гостях хорошо, а дома лучше», «главный герой счастлив, оттого, что скоро увидит близких ему людей», «ощущение близости родного дома приносит чувство гармонии и внутреннего равновесия в

состояние героя», «герой испытывает радость/возрастающую радость», «все надежды главного героя связаны с возвращением на родную землю».

Реципиенты, оценившие текст как эмоционально отрицательный, акцентировали, что «восприятие текста связано с грустными чувствами», однако не отметили причину, вызвавшую их появление.

Информанты, акцентировавшие наличие в тексте амбивалентных эмоций, отметили, что «возвращение домой вызывает у главного героя приятное чувство, однако оно также связано с появлением страха перед неизвестным».

В результате анализа данных, полученных по итогам первого задания, становится очевидным, что испытуемые с большой степенью адекватности воспринимают фиксированную в тексте положительную эстетизированную эмоцию радости. Лишь небольшое число испытуемых отметили эмоциональный смысл, противоположный или не соответствующий заложенному в тексте. Более того, уже при первом ознакомлении с текстом (большинство испытуемых перешли к выполнению первого задания после однократного прочтения), отвечая на вопрос «почему?», информанты используют языковые единицы, находящиеся в центре выделенных нами смысловых полей («радость», «родина», «возвращение домой», «счастье»).

Экспериментальные данные, полученные по итогам второго задания, показали, что с наибольшей частотностью испытуемые выделяли те языковые единицы, которые фиксируют актуальный доминантный смысл текста, и образуют ядро выделенного нами смыслового поля. Так, по первому уровню выделенных нами смыслов испытуемыми были указаны такие языковые единицы, как «joy» (93% испытуемых), «growing» (87%), «homeland» (78%), «longing» (63%), «was nearing» (48%), «home» (48%); по второму уровню: «in the touch» (57%), «thin» (54%), «air» (52%), «hate» (52%), «fear» (52%), «leap» (35%), «hearth» (35%), «smoke» (35%). Результаты смыслового восприятия текста «Cold mountain» испытуемыми представлены схематично на рис. 9 (мы приво-

дим выстроенную нами схему смысловой структуры текста с числовыми показателями частотности выделения языковых элементов испытуемыми).

Таким образом, испытуемые в целом продемонстрировали адекватное понимание смысла текста, что отразилось в определенной направленности частотности выделяемых ими слов, представляющих эмоциональные компоненты данного текста. Эмоционально-смысловая доминанта текста определяет направление ассоциирования различных языковых единиц, не обладающих сходством своих лексических значений в системе языка. Поскольку столь различные языковые репрезентанты испытуемыми фиксируются, считаем возможным заключить, что эмоционально-смысловая доминанта ими выявляется.

Теперь приведем результаты анализа выполненных реципиентами переводов текста «Cold Mountain» на английский язык. Целью анализа является выявление сохранения/изменения доминантного личностного смысла и доминантной эмоции оригинального текста в переводе. Для этого ограничимся рассмотрением тех фрагментов текста, в которых представлены словоформы, с наибольшей частотностью выделенные воспринимающими. По результатам проведенного нами смыслового анализа именно эти словоформы фиксируют актуальные доминантные смыслы текста, а потому и были включены в выделенные нами смысловые поля. Проанализированные фрагменты переводных текстов испытуемых сопоставлялись с исследовательской версией перевода. На основании полученных данных мы делали вывод о степени адекватности передачи исходного смыслового содержания отмеченными лексическими единицами.

Наиболее частотный перевод словоформы исходного текста «growing joy» представляют языковые выражения «радость росла»/«нарастающее ощущение радости» (39% испытуемых) и «радость переполняла»/«наполнила» (сердце Инмана) (37%), адекватно, на наш взгляд, фиксирующие эмоционально-смысловое содержание соответствующего фрагмента исходного текста. Лексемы «нарастающее», «переполняла», «наполнило» адекватно передают интенсивность фиксированной в оригинальном тексте доминантной эмоции радости.

Более того, она акцентируется дважды, в том случае, когда реципиенты используют дополнительные интенсификаторы: «все» (росла) (7% испытуемых), «неумолимо», «сильнее и сильнее», «все больше и больше» (8% испытуемых). Однако в ряде переводных текстов значение интенсивности зафиксировано не было: «Инман начинал радоваться»/«был рад»/«отозвалось радостью»/«вызывало радость» (15%).

Лексемы «приближался к родному дому» (100% испытуемых), «родина» (67%)/«отчий/родной дом» (33%), представляющие словоформы оригинального текста «was nearing home» и «homeland», являются непосредственными репрезентантами доминантного смысла текста. Лексемы «дом» и «родина» имеют общую сему – «родной», а потому в равной степени адекватно представляют эмоционально-смысловое содержание текста.

Экспериментальные переводы «сильное/страстное/неудержимое/непреодолимое желание» (46%) сохраняют доминантный смысловой признак «интенсивное желание», поддерживаемый контекстом и представленный в лексеме «longing». Однако, на наш взгляд, перевод «желание» (28%) не отражает авторского доминантного смысла, поскольку в семном значении лексемы «желание» отсутствует компонент, имеющий значение «интенсивность».

Словоформы оригинального текста, используемые для детального описания окружающей героя природы, были отражены в переводных текстах без существенных изменений. Словоформы «струйки/клубы/облака дыма домашнего очага» (61% участников эксперимента) и «прикосновение (80%) ветерка (46%) к коже» представляют языковые лексемы «leap of hearth smoke» и «the touch of thin air on skin». Общим в лексическом значении этих словоформ является нечто хорошее, приятное, доставляющее радость. В результате, этот компонент (названный условно «положительное значение»), являющийся значимым в структуре доминантного смысла текста, был сохранен в переводе. Однако в переводных текстах некоторых реципиентов отмечается возможное непонимание авторского смысла. Лексемы «ветер»/«пронизывающий ветер» (7%) своим лек-

сическим значением меняют модальность эстетизированной эмоции исходного текста на противоположную. Сильный, пронизывающий ветер вызывает, как правило, неприятные ощущения. Лексема «воздух» («прикосновение воздуха к коже») (43%), передающая слово «air», вносит сбой в эмоционально-смысловую структуру текста, поскольку никоим образом не соотносится со словом «прикосновение». Выбор данного слова объясняется уже степенью владения английским языком.

Исходя из результатов анализа выполненных реципиентами переводов текста «Cold Mountain», можно утверждать, что эмоционально-смысловое содержание художественного текста адекватно воссоздается реципиентами в текстах перевода. Репрезентированная в оригинале эмоция радости несколько усиливается в переводе. Но усиление интенсивности эмоции является незначительным и способствует вхождению в смысловой континуум текста.

Результаты проведенного экспериментального исследования показали, что наиболее частотно участники эксперимента адекватно воссоздают авторский смысл фрагмента художественного текста языковыми средствами языка перевода. Следовательно, **большинством реципиентов эмоционально-смысловая доминанта художественных текстовых фрагментов понята и переведена адекватно. Адекватное восприятие и интерпретация эмоциональной доминанты как структурообразующего компонента перевода художественного текста большинством испытуемых доказывает ее способность регулировать протекание синергетических процессов в концептуальной системе реципиента, ограничивая множественность путей их развертывания и обуславливая тем самым адекватность перевода.** Результаты эксперимента аргументированно доказывают, что эмоциональная доминанта, как вербальная репрезентация компонента смысловой универсалии определенной концептуальной системы, является средством, способствующим и благоприятствующим осуществлению успешного «диалога сознаний» реципиента-переводчика и автора.

Эмоциональная доминанта является разрушителем относительной стабильности концептуальной системы реципиента и, одновременно, толчком к порождению нового/вторичного образования в ней. Восприняв эмоционально-смысловую доминанту, концептуальная система реципиента приходит в неравновесное состояние. Пытаясь избавиться от энтропии смысла и вновь обрести относительную устойчивость, т.е. достигнуть такого состояния, в котором реципиенту комфортно, концептуальная система реципиента ищет пути создания вторичного смысла на базе авторского. На наш взгляд, это происходит потому, что **мотив деятельности переводчика смыслонаделен изначально**. Деятельность переводчика нацелена на поиск, установление и реконструкцию авторского смысла, в этом заключается одна из ее специфических черт. А если это так, то *перевод – это соотношение и координация с помощью текста двух концептуальных систем – автора и переводчика*. Наивысшая степень адекватности перевода, а значит, его оптимальность достигается тогда, когда в результате собственной рефлексии над структурно-смысловыми отношениями между компонентами текста **переводчик репрезентирует встречно порожденное высказывание, адекватно передающее смысл исходного**. Так, деятельность переводчика рассматривается нами как функциональная система, стремящаяся к самосохранению, преодолению неопределенности, привнесенной авторской системой смысла. Для обретения вновь состояния относительной стабильности концептуальная система переводчика мобилизует силы, прибегая к «сочетанию сил» (термин А.А. Ухтомского), т.е. интеграции высшего порядка.

Считаем, что оптимальность перевода достижима в том случае, если переводчик использовал три метода анализа переводимого текста: 1) компонентный анализ; 2) контекстуальный анализ; 3) концептуальный анализ языкового материала.

Выводы

В переводческой деятельности эмоциональная доминанта регулирует протекание синергетических процессов в концептуальной системе реципиента, она ограничивает множественность путей их развертывания и обуславливает тем самым адекватность перевода.

Эксперимент показал, что эмоционально-смысловая доминанта иноязычного художественного текста функционирует как динамическая структура в концептуальной системе реципиента-переводчика.

Осуществленная в работе интеграция двух подходов к исследованию эмоционально-смысловой доминанты как целого: подход, при котором изучаются отдельные элементы, составляющие структуру предмета исследования, а также подход, акцентирующий взаимоотношение, взаимодействие, синтез представляющих структуру целого компонентов, оказалась продуктивной в выявлении реального функционирования этого феномена в концептуальной системе переводчика.

Универсальность эмоционально-смысловой доминанты состоит в том, что ее стабильное «ядро», инвариантный признак, понимает большинство участников эксперимента при этом распредмечивание авторского смысла осуществляется разными путями.

Эмоционально-смысловая структура художественного текста выявляет гомоморфизм всех уровней текста в процессе структурирования доминантного эмоционального личностного смысла автора при переводе.

Заключение

Динамика межкультурного общения, развитие международных контактов, взаимоотношения и интеграция культур обусловили необходимость развития науки о переводе на новом этапе. В настоящее время особый интерес для ученых представляют исследования сущности эмоциональных явлений и их вербальных репрезентаций, что привело к накоплению значительной теоретико-методологической базы. В связи с этим чрезвычайно актуальной явилась проблема выявления роли репрезентированных в тексте эмоций в процессе переводческой деятельности.

При исследовании эмоционально-смысловых универсалий определенной концептуальной системы, репрезентированных в языке, необходимо применение комплексной исследовательской стратегии и различных взаимодополняющих подходов, обусловивших отбор методов исследования. В связи с этим в работе была предпринята попытка объединения верифицированных данных нейрофизиологии о работе мозга, психофизиологии, деятельностного подхода, разработанного в психолингвистике, положений лингвосинергетики. Интегрированный подход предопределил выбор методов исследования – компонентный, контекстуальный, концептуальный анализ языкового материала.

Предметом исследования выступила эмоциональная доминанта оригинального текста, способная направлять континуум сознания переводчика в процессе реконструкции доминантного личностного смысла, репрезентированного в тексте оригинала. В рамках нашего диссертационного исследования предприняты содержательное объяснение и описание **смыслообразующей роли эмоциональной доминанты в процессе переводческой деятельности**. Эмоциональная доминанта способна эксплицировать процессы встречного порождения высказывания на базе исходного. Первоначальная неопределенность эмоционально-смысловой доминанты текста, вызывая дестабилизацию концептуальной системы переводчика, «запускает» процессы самоорганизации, благодаря

чему становится возможным вторичное смыслопорождение, адекватное исходному.

Выявление места и роли эмоций в процессе перевода стало возможным благодаря разработке теории перевода на основе концептуального анализа, когда процесс перевода рассматривается как реконструкция переводчиком доминантного смысла исходного текста на базе собственной концептуальной системы. В рамках данного подхода текст предстает как функциональное поле смысла, а достижение полной тождественности текстов оригинала и перевода представляется невозможным в силу индивидуальности концептуальных систем автора и переводчика, что было подтверждено результатами серии проведенных экспериментов.

Исследование функционирования эмоциональной доминанты художественного произведения в концептуальной системе реципиента-переводчика осуществлялось на основании анализа переводных версий, выполненных исследователем и испытуемыми. Результаты эксперимента показали, что большинством реципиентов эмоционально-смысловая доминанта понята и переведена адекватно.

В процессе анализа функционирования эмоциональной доминанты в концептуальной системе реципиента, эксплицированного в переводных версиях, проявлялось свойство *динамичности* концептуальных структур. Это обусловлено, во-первых, эмоциональной доминантой как динамичным компонентом переводческой деятельности, во-вторых, мотивом переводческой деятельности – понять и реконструировать в вербальных знаках другого языка специфику авторского смысла, а значит, адаптировать концептуальные структуры.

Деятельность переводчика мотивирована построением новой смысловой структуры в его концептуальной системе, коррелирующей с исходной, и ее экспликацией вербальными знаками языка перевода. Результаты эксперимента демонстрируют, что эмоциональная доминанта художественного текста адекватно передается на языке перевода большинством информантов. Это позволило за-

ключить, что эмоциональная доминанта является структурообразующим компонентом текста перевода. Связь между компонентами эмоционально-смысловой доминанты является устойчивой. Компоненты эмоциональной доминанты как смыслообразующего компонента переводческой деятельности соотносятся на основе принципа гомоморфизма и образуют функциональное пространство смысла. Акцентуация эмоционально-смысловой доминанты не только ядерными, но и периферийными компонентами, позволяет реципиенту адекватно переводить текст.

Репрезентированная в тексте эмоциональная доминанта как компонент доминантного личностного смысла представляет собой смысловую универсалию определенной концептуальной системы. Непрерывное пространство смыслов определенной концептуальной системы становится доступным восприятию и пониманию других индивидов благодаря их репрезентации в языковых структурах. Поскольку изучение процесса мышления представляется возможным, главным образом, через его вербальные репрезентанты, детальное изучение эмоциональной доминанты художественного текста в когнитивном ракурсе может приблизить к пониманию мыслительных процессов. Кроме того, можно приблизиться к созданию универсального образа мира через эмоциональную доминанту как универсальную концептуальную структуру. Именно поэтому представляется перспективным и дальнейшее изучение репрезентированного в тексте определенного эмоционально-смыслового содержания концептуальной системы реципиента через переводческую деятельность. Именно в переводе смысловая эквивалентность достигается благодаря сохранению смысловой инвариантности, сохранению авторского личностного смысла. Именно в процессе переводческой деятельности порождается функциональная система смысла. Адекватность встречно порожденного высказывания (перевод) достигается вследствие *динамического взаимодействия всех компонентов текста*, постигающегося благодаря действию регулятивной функции эмоциональной доминанты в процессе рецепции и рефлексии над смыслом речевого произведения.

Это не механическая сумма всех компонентов эмоционально-смысловой структуры текста, а смысловая целостность, возникающая в ходе эволюции смысла.

Эмоциональная доминанта рассматривается нами как наиболее неустойчивый компонент авторского смысла – параметр порядка, подчиняющий себе функционирование остальных элементов и всей системы становящегося смысла. Эмоциональная доминанта направляет ход развития смысла. Регулируя процессы смыслообразования, эмоциональная доминанта предопределяет открытый диалог, активный поиск пути встречного порождения смысла, адекватного исходному.

Нами была экспериментально подтверждена смыслообразующая роль эмоциональной доминанты в процессе переводческой деятельности на материале художественного текста. В дальнейшем считаем возможным проведение исследований на материале текстов других функциональных стилей с привлечением данных большего числа языков. Перспективой исследования может послужить разработка теории, выявляющей роль эмоционального компонента в эволюции (развитии значения) слова в речевой деятельности, а также исследование изменения самого эмоционального компонента слова в процессе жизни человека и определение причин этих изменений.

Определенные перспективы в дальнейшем исследовании эмоциональной характеристики текста открывает синергетический подход к процессам речевой деятельности индивида, при котором становится возможным рассмотрение эмоциональных механизмов мотивации в качестве одного из важнейших средств самоорганизации речевых систем.

Библиографический список

1. Аветян Э.Г. Смысл и значение. – Ереван, 1979. – 412 с.
2. Актуальные проблемы российского языкознания: 1992-1996гг. К XVI международному конгрессу лингвистов. – Париж, июль 20-25 1997 г. – М., 1997. – 204 с.
3. Алейников А.Г. Модель речевой деятельности и перевод // Перевод как моделирование и моделирование перевода. – Тверь, 1991. – С. 27-31.
4. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика. – СПб., 2001. – 278 с.
5. Алпатов В.М. Об антропоцентрическом и системоцентрическом подходе к языку // Вопр. языкознания. – 1993. - №3. – С. 15-26.
6. Анохин П.К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. – М., 1968. – 547 с.
7. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональной системы. – М., 1975. – 447 с.
8. Анохин П.К. Системные механизмы высшей нервной деятельности. – М., - 1979. – 454 с.
9. Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональной системы. – М., 1980. – 197 с.
10. Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы. – М., 1978. – 400 с.
11. Аршинов В.И., Свирский Я.И. Синергетическое движение в языке // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. – М., 1994. – С. 32-47.
12. Асмолов А.Г. Классификация неосознаваемых явлений и категория деятельности // Вопр. психологии. – 1980. - №3. – С. 20-34.
13. Асмолов А.Г. Основные принципы психологической теории деятельности // А.Н. Леонтьев и современная психология: Сб. ст. / Под ред. А.В. Запорожца. – М., 1983. – С. 118-128.

14. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск, 1989. – 184 с.
15. Базылев В.Н. Семиодинамика русской народной сказки // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: Сб. ст. / Под общ. ред. Л.М. Босовой. – Барнаул, 2000. – С. 24-32.
16. Базылев В.Н. Синергетика языка: овнешнение в гадательных практиках. – М., 1998. – 180 с.
17. Белянин В.П. Введение в психолингвистику. – М., 1999. – 93 с.
18. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе. – Тривола, 2000.- 240 с.
19. Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. – М., 1988. – 121 с.
20. Бехтерева Н.П. Здоровый и больной мозг человека. – Л., 1988. – 262 с.
21. Бехтерева Н.П. Мозговые коды психической деятельности. – Л., 1977. – 65 с.
22. Бехтерева Н.П. Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека. – М., 1974. – 151 с.
23. Биева Е.Г. Когнитивные основы понимания речевого сообщения // Мышление и текст. – Иваново, 1992. – С. 13-19.
24. Богин Г.И. Значащее переживание как необходимая часть системы смыслов // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: Материалы второй школы-семинара 2 июля 2001 г. / Отв. ред. В.А. Пищальникова. – Барнаул, 2001. – С. 5-22.
25. Богин Г.И. Субстанциональная сторона понимания текста. – Тверь, 1993. – 137 с.
26. Богин Г.И. Схемы действия читателя при понимании текста. – Калинин, 1989. – 69 с.
27. Богин Г.И. Типология понимания текста // Психолингвистика: Хрестоматия / Сост. В.А. Пищальникова, И.А. Герман, Т.А. Голикова, Е.В. Лукашевич, Е.В.

- Нагайцева. – М.; Барнаул, 2002. – С. 29-74.
28. Богин Г.И. Филологическая герменевтика. – Калинин, 1982. – 86 с.
29. Богин Г.И. Школа рефлексии и рефлексивности // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: Сб. ст. / Под общ. ред. Л.М. Босовой. – Барнаул, 2000. – С. 41-51.
30. Болотов В.И. Имя собственное, имя нарицательное. Эмоциональность текста. Лингвистические и методические заметки. – Ташкент, 2001.- 185 с.
31. Болотов В.И. Проблемы теории эмоционального воздействия текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1986. – 39 с.
32. Болотов В.И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности (Основы эмотивной стилистики текста). – Ташкент, 1982. – 116 с.
33. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л., 1978. – 175 с.
34. Борисова Т.А. Скорость чтения и стратегия смыслового выражения // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М., 1976. – С. 210-219.
35. Босова Л.М. Перевод как вид деятельности межкультурного общения // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. ст. Вып. II / Отв. ред. В.А. Пищальникова. – Барнаул, 2000. – С. 9-13.
36. Босова Л.М., Герман И.А. Перспективы использования полевой модели в современной лингвистике // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: Сб. ст. / Под общ. ред. Л.М. Босовой. – Барнаул, 2000.- С. 52-57.
37. Брудный А.А. Понимание как философская и психологическая проблема // Вопр. философии. – 1975. – №10. – С. 109-117.
38. Брудный А.А. Проблема языка и мышления – это прежде всего проблема понимания // Вопр. философии. – 1977. - №6. – С. 101-103.
39. Бутакова Л.О. Авторское сознание как базовая категория текста: когнитивный аспект: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Барнаул, 2001. – 39 с.

40. Варина В.Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – 378 с.
41. Вартовский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. – М., 1988. – 507 с.
42. Васильев И.А. К анализу условий возникновения интеллектуальных эмоций // Психологическое исследование интеллектуальной деятельности. – М., 1979. – С. 55-62.
43. Васильев Л.Г. Рефлексия, понимание, фреймы // Понимание и интерпретация текста. – Тверь, 1994. – С. 66-72.
44. Васильев Л.М. Методы современной лингвистики: Учеб. Пособие. – Уфа, 1997. – 180 с.
45. Васильев С.В. Синтез смысла при создании и понимании текста. – Киев, 1988. – 237 с.
46. Василюк В.К. Структура образа // Вопр. психологии. 1993. №5. - С. 5-19.
47. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997. – 411 с.
48. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. - М., 1998.- 245 с.
49. Вилюнас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций // Психология эмоций. Тексты. - М., 1984. - С. 3-28.
50. Вилюнас В.К. Перспективы развития теории эмоций // Тенденции развития психологической науки. – М., 1989. – С. 46-60.
51. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. – М., 1990. – 285 с.
52. Вилюнас В.К. Теория деятельности и проблемы мотивации // А.Н. Леонтьев и современная психология: Сб. ст. / Под ред. А.В. Запорожца. – М., 1983. – С. 191-200.
53. Вольф Е.М. Функциональная семантика языка. – М., 1985. – 228 с.
54. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логи-

ческий анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М., 1989. – С. 55-75.

55. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. Мышление и речь. Проблемы психолингвистического развития ребенка. – М., 1956. – 519 с.

56. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М., 1996. – 415 с.

57. Выготский Л.С. Проблемы развития психики // Собр. соч.: В 6т. – М., 1983. – Т. 3. – 368 с.

58. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. – М., 1960. – 500 с.

59. Гадамер Г.Г. Язык и понимание // Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. – М., 1991. – С. 43-46.

60. Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода. Французский язык. – М., 1999. – 456 с.

61. Галеева Н.Л. Основы деятельностной теории перевода. – Тверь, 1997. – 79 с.

62. Галеева Н.Л. Параметры типологии художественных текстов в деятельностной теории перевода. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 1999. – 35 с.

63. Гальперин И.Р. О понятии «текст» // Вопр. языкознания. – 1974. - №6. – С. 68-77.

64. Герман И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику. – Барнаул, 1999. – 130 с.

65. Горелов И.Н. Феномен порождения разнокодового текста в экстремальной ситуации // Мышление и текст. – Иваново, 1993. – С. 28-53.

66. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М., 1997. – 221 с.

67. Гридин В.Н. Семантика эмоционально-экспрессивных средств языка // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991. – С. 113-119.

68. Громова Е.А. Эмоциональная память и ее механизмы. – М., 1980. -181 с.
69. Губернаторова Э.В. Метафора как компрессированный компонент перевода: деятельностный аспект. Дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2003. – 180 с.
70. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. – М., 1984. – 397 с.
71. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры: Пер. с нем. – М., 1985. – 451 с.
72. Дейк Ван Т.В. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989. – 312 с.
73. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века: Сб. ст. / Под ред. Ю.С. Степанова. – М., 1995. – С. 144-238.
74. Депенчук Н.П. Симметрия и асимметрия в живой и неживой природе. – Киев, 1963. – 191 с.
75. Дмитриева Н.Л. Конвенциональный стереотип как средство регуляции восприятия вербализованного содержания. Дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1996. – 145 с.
76. Доминанта и условный рефлекс: Материалы конф., янв. 1985 г. / Отв. ред. П.В. Симонов. – М., 1987. – 175 с.
77. Дридзе Т.М. Перевод как текстовая деятельность: основание и предметная область семисоциопсихологической теории коммуникации // Язык. Поэтика. Перевод: Сб. науч. тр. Вып. 426. – 1983. – С. 54-66.
78. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии. – М., 1984. – 268 с.
79. Жинкин Н.И. Механизмы речи. – М., 1958. – 370 с.
80. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопр. языкознания. – 1964. - №6. – С. 26-38.
81. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М., 1982. – 159 с.
82. Залевская А.А. Актуальные проблемы этнопсихолингвистики // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: Сб. ст. / Под

- общ. ред. Л.М. Босовой. – Барнаул, 2000. – С. 74-81.
83. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М., 1999а. – 382 с.
84. Залевская А.А. Значение слова и возможности его описания // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 1998. – С. 35-54.
85. Залевская А.А. Информационный тезаурус человека как основа речемышлительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М., 1985. – С. 150-171.
86. Залевская А.А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин, 1981. – С. 28-44.
87. Залевская А.А. Проблемы психолингвистики. – Калинин, 1983. - 135 с.
88. Залевская А.А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений // Вопр. языкознания. – 1999б. - №6. – С. 31-42.
89. Залевская А.А., Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия: Учеб. Пособие. – Тверь, 2002. – 194 с.
90. Зимняя И.А. Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М., 1976. – С. 5-33.
91. Ирисханова О.К. О теории концептуальной интеграции // Известия АН серия литературы языка. – 2001. – Т. 60. - №3. – С. 44-49.
92. Канцельсон С.Д. Категории языка и мышления: из научного наследия. – М., 2001. – 864 с.
93. Канцельсон С.Д. Речемышлительные процессы // Вопр. языкознания. – 1984. - №4. – С. 3-12.
94. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М., 1999. – 180 с.

95. Караулов Ю.Н. О способах достижения функциональной эквивалентности в переводе (два перевода одного сонета) // Язык. Поэтика. Перевод: Сб. науч. тр. Вып. 426. – М., 1983. – С. 76-91.
96. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – 261 с.
97. Каримова Р.А. Семантико-структурная организация текста. – Уфа, 1991. – 154 с.
98. Кинцель А.В. Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. – Барнаул, 2000. – 152 с.
99. Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения. Системно-семиотическое исследование. – Тверь, 1998. – 99 с.
100. Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения: к построению нового концептуального аппарата. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Саратов, 1999. – 42 с.
101. Клюканов И.Э. Перевод и межкультурное взаимодействие: К построению нового концептуального аппарата // Психолингвистические исследования слова и текста. – Тверь, 1997. – С. 170-177.
102. Клюканов И.Э. Переводческие универсалии и их психолингвистический смысл // Перевод как моделирование и моделирование перевода. – Тверь, 1991. – С. 18-27.
103. Клюканов И.Э. Психолингвистика и перевод // Психолингвистические исследования: Лексика. Фонетика. – Калинин, 1985. – С. 100-103.
104. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопр. философии. – 1992. - №12. – С. 3-21.
105. Кнебель М.И., Лурия А.Р. Пути и средства кодирования смысла // Вопр. психологии. – 1971. - №4. – С. 77-83.
106. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Антропный принцип в синергетике // Вопр. философии. – 1997. - №3. – С. 62-79.

107. Колесникова В.С. К проблеме художественного перевода как речемыслительной деятельности // Мир языка и межкультурная коммуникация. Материалы междунар. научно-практич. конф. Ч.1. – Барнаул, 2001. – С. 147-153.
108. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М., 1980. – 150 с.
109. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М., 1990. – 107 с.
110. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М., 1999. – 192 с.
111. Кравченко А.В. Куда идет современная лингвистика? // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: Сб. ст. / Под общ. ред. Л. М. Босовой. – Барнаул, 2000. – С. 90-96.
112. Кравченко А.В. Познание языка: направление пути // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. ст. Вып. II \ Отв. ред. В.А. Пищальникова. – Барнаул, 2000. – С. 48-58.
113. Красильникова В.Г. Психолингвистический анализ семантических трансформаций при переводе и литературном пересказе художественного текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1998. – 24 с.
114. Кривоносов А.Т. «Лингвистика текста» и исследование взаимоотношения языка и мышления // Вопр. языкознания. – 1986. - №6. – С. 23-37.
115. Крюков А.Н. Антиномии в теории перевода и их разрешение // Язык. Поэтика. Перевод: Сб. науч. тр. Вып. 426. – М., 1983. – С. 100-112.
116. Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. – М., 1986. – 126 с.
117. Кузьменко – Наумова О.Д. Смысловое восприятие знаковой информации в процессе чтения. – Куйбышев, 1980. – 78 с.
118. Кузьмина Н.А. Энергия интертекста // Русский язык в контексте культуры. – Екатеринбург, 1999. – С. 211-223.
119. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М., 1988. – 188 с.

120. Ларина Т.В. Эмоциональность и эмотивность в коммуникации // Межкультурная коммуникация и перевод. Материалы межвузовской конференции. – М., 2002. – С. 89-93.
121. Латышев Л.К. Психология перевода. – М., 2001. – 280 с.
122. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М., 1997. – 287 с.
123. Леонтьев А.А. Психофизиологические механизмы речи // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М., 1970. – С. 314-370.
124. Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. – М., 1971. – С. 8-15.
125. Леонтьев А.А. Язык. Речь. Речевая деятельность. – М., 1969. – 214 с.
126. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1977. – 304 с.
127. Леонтьев А.Н. Избранные психологические исследования: В 2т.- М., 1983.
128. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М., 1981. – 584 с.
129. Лукашевич Е.В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект. – Барнаул, 2002. – 234 с.
130. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. – Новосибирск, 1986. – 228 с.
131. Лукьянова Н.А. Экспрессивность в системе, словаре и речи // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991. – С. 157-178.
132. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М., 1979. – 319 с.
133. Маганов А.С. Переводческая интуиция и способы ее развития // Вестник МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. - №2. – С. 107-111.
134. Манаков Н.Г., Москальчук Г.Г. Лингвосинергетика: Первые результаты, проблемы и перспективы // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: Сб. ст. / Под общ. ред. Л.М. Босовой. – Барнаул, 2000. - С. 107-113.

135. Маслова В.А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991. – С. 179-204.
136. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. – М., 1996. – 208 с.
137. Молчанова Г.Г. Некоторые языковые механизмы вариативной интерпретации действительности // Вестник МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. - №2. – С. 7-12.
138. Мохаммед Н.Д. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2000. – 40 с.
139. Мягкова Е.Ю. Основания эмоциональности слова // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: Материалы второй школы-семинара 2июля 2001 г./ Отв. ред. В.А. Пищальникова. – Баранул, 2001. – С. 64-69.
140. Мягкова Е.Ю. Перспективы исследования эмоциональности лексики в свете новых взглядов на эмоции // Мышление и текст. – Иваново, 1992. – С. 105-110.
141. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. – Воронеж, 1990. – 106 с.
142. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова и перевод // Переводоведение и культурология: цели, методы, результаты. – М., 1987. – С. 110-117.
143. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова. – Курск, 2000. – 110 с.
144. Нестерова Н.М. Текст перевода – текст вторичный? (к постановке и обоснованию проблемы) // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001: Сб. ст. / Отв. ред. И.А. Новиков. – М., 2001. – С. 133-144.
145. Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах: От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации: Пер. с англ. – М., - 512 с.
146. Новиков А.И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001: Сб. ст. / Отв. ред. И.А. Новиков. – М., 2001. – С. 155-180.

147. Павиленис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. – М., 1983. – 286 с.
148. Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике // Вопр. языкознания. – 1990. - №3. – С. 135-146.
149. Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. – М., 1983. – 176 с.
150. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. – М., 1988. – 207 с.
151. Пищальникова В.А. Диалог культур как программа исследования когнитивных процессов в межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация и перевод. – М., 2002. – С. 145-152.
152. Пищальникова В.А. Интеграция лингвистических дисциплин как объективная необходимость развития современного языковедения // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. ст. / Под общ. ред. В.А. Пищальниковой. – М.; Барнаул, 2003. – С. 3-16.
153. Пищальникова В.А. Концептуальный анализ художественного текста: Учеб. пособие. – Барнаул, 1991. – 87 с.
154. Пищальникова В.А. Общее языкознание: Учеб. пособие. – Барнаул, 2001. – 240 с.
155. Пищальникова В.А. Психопоэтика. – Барнаул, 1999.- 175 с.
156. Пищальникова В.А. Теория значения: синергетический аспект // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: Материалы второй школы-семинара 2 июля 2001 г./ Отв. ред. В.А. Пищальникова. – Барнаул, 2001а. – С. 71-84.
157. Пищальникова В.А. Языковая игра как лингвосинергетическое явление // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. ст. Вып. II / Отв. ред. В.А. Пищальникова. – Барнаул, 2000. – С. 105-116.
158. Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психопоэтику. – Барнаул, 1993. – 209 с.
159. Потебня А.А. Мысль и язык. – М., 1999. – 269 с.

160. Потебня А.А. Слово и миф. – М., 1989. – 623 с.
161. Потебня А.А. Слово и миф в народной культуре. – М., 2000. – 480 с.
162. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М., 1990. – 344 с.
163. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М., 1976. – 614 с.
164. Пригожин П., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. – М., 1986. – 431 с.
165. Психолингвистика: Хрестоматия / Сост. В.А. Пищальникова, И.А. Герман, Т.А. Голикова, Е.В. Лукашевич, Е.В. Нагайцева – Москва; Барнаул, 2002. – 293 с.
166. Психология эмоций. Тексты. – М., 1984. – 286 с.
167. Пшенкина Т.Г. «Бабье лето» vs «Indian summer»: перевод как взаимодействие когнитивных структур // Методология современной психолингвистики: Сб. ст. – Москва, Барнаул, 2003. – С. 100-120.
168. Пшенкина Т.Г. Основания переводческой ориентации при переводе культурно-специфического // Реальность, язык, сознание: Международный межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2 / Отв. ред. Т.А. Фесенко. – Тамбов, 2002. – С. 165-172.
169. Пшенкина Т.Г. Становление общей теории перевода: общелингвистический аспект // Вестник БГПУ: Гуманитарные науки. – 2001. - №1. – С. 22-29.
170. Раппопорт С.Х. Искусство и эмоции. – М., 1972. – 167 с.
171. Рахилина Е.В. Когнитивный аспект предметных имен: семантика и сочетаемость. – М., 2000. – 416 с.
172. Рогожникова Т.М. Ассоциативные миры слова и текста: их взаимопроникновение, взаимозависимость, взаимовлияние // Мышление и речь. – Иваново, 1992. – С. 147-154.
173. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – 213 с.
174. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – Т. 2. М., 1989. – 323 с.

175. Русалова М.Н. Экспериментальное исследование эмоциональных реакций человека. – М., 1979. – 170 с.
176. Рябцева Н.К. Лингвистическое моделирование естественного интеллекта и представление знаний // *Scripta linguisticae applicatae*. Проблемы прикладной лингвистики – 2001: Сб. ст. / Отв. ред. И.А. Новиков. – М., 2001. – С. 228-252.
177. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику: курс лекций. – Л., 1989. – 181 с.
178. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. – М., 1988. – 242 с.
179. Сиротинина О., Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования // *Вопр. языкознания*. – 1983. – №2. – С. 152-154.
180. Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. – М., 1967. – 248 с.
181. Сорокин Ю.Н. Переводческий Триптих // *Scripta linguisticae applicatae*. Проблемы прикладной лингвистики – 2001: Сб. ст. / Отв. ред. И.А. Новиков. – М., 2001. – С. 261-275.
182. Сорокин Н.Ю. Проблема перевода с психолингвистической точки зрения // *Тетради переводчика*. Вып. 21. – М., 1984. – С. 14-18.
183. Сорокин Ю.Н. Текст и его изучение с помощью лингвистических и психолингвистических методик // *Текст лекций. Введение в психолингвистику*. – М., 1991. – С. 30-56.
184. Текст как отображение картины мира. – М., 1989. – 136 с.
185. Текст как явление культуры. – Новосибирск, 1989. – 194 с.
186. Торсуева И.Г. Эмоциональность в речи // *Смысловое восприятие речевого сообщения*. – М., 1976. – С. 228-233.
187. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка: Статьи. – М., 1965. – 301 с.
188. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: этнопсихолингвистическая парадигма исследования // *Методология современной психолингвистики: Сб. ст.* – Москва, Барнаул, 2003. – С. 162-174.

189. Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – С. 170-185.
190. Ухтомский А.А. Доминанта. – М.; Л., 1966. – 273 с.
191. Ухтомский А.А. Избранные труды. – Л., 1978. – 358 с.
192. Фесенко Т.А. Принципы когнитивной транслятологии // Реальность, язык и сознание: Международный межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. / Отв. ред. Т.А. Фесенко. – Тамбов. 2002. – С. 15-28.
193. Фесенко Т.А. Реальный мир или ментальная реальность: парадигмы взаимоотношений. – Тамбов, 1999. – 247 с.
194. Фесенко Т.А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1999. – 52 с.
195. Фесенко Т.А. Языковое сознание: взаимодействие ментальной и культурной реальности // Методология современной психолингвистики: Сб. ст. – Москва; Барнаул, 2003. – С. 175-184.
196. Фрумкина Р.М. Смысл и сходство // Вопр. языкознания. – 1985. - №2. – С. 22-31.
197. Хакен Г. Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным системам: Пер. с англ. – М., 1991. – 240 с.
198. Хакен Г. Синергетика: Пер. с англ. – М., 1980. – 404 с.
199. Хомская Е.Д., Батова Н.Я. Мозг и эмоции: нейропсихологическое исследование. – М., 1992. – 179 с.
200. Храпченко М.Б. Текст и его свойства // Вопр. языкознания. – 1985. - №5. – С. 49-59.
201. Хухуни Т.Г. Художественный текст как объект межкультурной и межъязыковой адаптации // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996.- С. 189-198.
202. Чейф У.Л. Значение и структура языка: Пер. с англ. – М., 1975. – 432 с.
203. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М., 1992. – 281 с.

204. Шадрина И.Н. Фоносемантическая доминанта как структурообразующий компонент текста перевода: Дис. ... канд. филол. наук. – Горно-Алтайск, 2001. – 167 с.
205. Шахнарович А.М., Графова Т.А. Экспериментальное исследование реализации эмотивности в речевой деятельности // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991. – С. 99-113.
206. Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопросы языкознания. – 1984. - №6. – С. 97-103.
207. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Волгоград, 1987. – 192 с.
208. Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы. – Волгоград, 1998. – 137 с.
209. Шаховский В.И. Эмотивность и лексикография // НДВШ Филологические науки. – 1986. - №6. – С. 42-47.
210. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания, - Волгоград, 1983. – 96 с.
211. Шаховский В.И. Эмоция – мотивационная основа человеческого сознания // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. ст. / Под общ. ред. В.А. Пищальниковой. – М.; Барнаул, 2003. – 272 с.
212. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. – М., 1973. – 280 с.
213. Швейцер А.Д. Социолингвистические основы теории перевода // Вопр. языкознания. – 1985. - №5. – С. 15-24.
214. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М., 1988. – 215 с.
215. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – 302 с.

216. Ярошевский М.Г. А.А. Ухтомский и проблема мотивации поведения // Учение Ухтомского о доминанте и современная нейробиология: Сб. научн. трудов. – Л., 1990. – С. 28-45.
217. Branscombe N.R. Conscious and unconscious processing of affective and cognitive information // Fiedler K. & Forgas G. (Eds.). Affect, cognition and social behavior. – Toronto, 1988. – P. 3-24.
218. Damasio A.R. Descartes' error: Emotion, reason and the human brain. – New York, 1995. - 345 p.
219. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Projection and Middle Spaces. – San Diego, 1994. // <http://cogsci.ucsd.edu>
220. Jackendoff R. Semantics and cognition. – Cambridge, Mass , 1983. – 283 p.
221. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason. – Chicago, 1987. – 277 p.
222. Lambert M., Meshkov O. Learn to translate by translating. - M., 1997. – 124 p.
223. Nash W. Our experience of language. – New York, 1971. – 222 p.
224. Nord Ch. Texts in situations: A functional model for text analysis in translation teaching // Translation and text linguistics. – M., 1994. – P. 105-128.
225. Rinsche A. Towards a MT Evaluation methodology // Translation and text linguistics. – M., 1994. – P. 144-157.
226. Turner M., Fauconnier G. A mechanism of creativity // Poetics Today – 1999/ - Vol. 20 (3). – P. 397-418.
227. Turner M., Fauconnier G. Conceptual Integration and Formal Expression // Journal of Metaphor and Symbolic Activity. – 1995. – Vol.10 (3). – P.183-204.

Источники фактического материала

1. Frazier C. Cold Mountain. – New York, 2001. – 324 p.
2. Grisham J. The Chamber . – New York, 1993. – 425 p.

Словари

1. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – 682 с.
2. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. – 17-е изд. – М., 1977. – 888 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 2-е изд., доп. – М., 1994. – 908 с.
4. Словарь русского языка : В 4 т. . – 3-е изд., стереотип. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1985-1988. – 3084 с.
5. Словарь современного английского языка: В 2 т. – М., 1992. – 1229 с.
6. Longman Dictionary of English Language and Culture. – England and the Associated Companies throughout the World, 1992. – 1528 p.
7. Merriam-Webster's Third New International Dictionary of the English Language. – 9 th ed. – Chicago, Auckland, 1993. – 1016 p.
8. The Concise Oxford Dictionary. – 9 th ed. – Oxford, 1995. – 1672 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Оригинальные тексты:

1. Sam stared at the eastern sky, where a hint of orange was peeking through scattered clouds. During his early days on the Row, when his appeals were fresh and unresolved, he had spent hours remembering the glorious humdrum of everyday life, the little things like a warm shower every day the companionship of his dog, extra honey on his biscuits. He actually believed back then that one day he would again be able to hunt squirrels and quail, to fish for bass and bream, to sit on the porch and watch the sun come up, to drink coffee in town, and drive his old pickup wherever he wanted. His goal during those early fantasies on the Row had been to fly to California and find his grandchildren. He had never flown.

But the dreams of freedom had died long ago, driven away by the tedious monotony of life in a cell, and killed by the harsh opinions of many judges. This would be his final sunrise, he truly believed that. Too many people wanted him dead [John Grisham «The Chamber»].

2. Bleak as the scene was, though, there was growing joy in Inmans heart. He was nearing home; he could feel it in the touch of thin air on skin, in his longing to see the leap of hearth smoke from the houses of people he had known all his life. People he would not be called upon to hate or fear. He rose and took a wide stance on the rock and stood and pinched down his eyes to sharpen the view across the vast prospect to one far mountain. It stood apart from the sky only as the stroke of a poorly inked pen, a line thin and quick and gestural. But the shape slowly grew plain and unmistakable. It was to Cold Mountain he looked. He had achieved a vista of what for him was homeland [Charles Frazier «Cold Mountain»].

Переводные тексты:

1. Сэм всматривался в небо на востоке, где оттенок оранжевого проглядывал сквозь рассеянные по небу облака. В первые дни заключения, когда апелляции только были отосланы и не возвращались с отказом, он проводил целые часы за воспоминаниями о восхитительной обыденности повседневной жизни, о таких мелочах как теплый душ каждый день, компания дружелюбной собаки, струйки меда, стекающие с печенья. Тогда он на самом деле верил, что однажды снова сможет охотиться на белок и перепелов, ловить окуня и леща, сидеть на крыльце и наблюдать за восходом солнца, пить кофе в городе и нестись, куда захочется, в своем старом пикапе. Целью в тех ранних фантазиях было полететь в Калифорнию и найти внуков. Он так и не полетел.

Но мечты о свободе умерли давным-давно, рассеялись от утомительного однообразия жизни в тюремной камере и были погребены суровыми заключениями многочисленных судей. Это будет его последний восход солнца, он был твердо уверен в этом. Слишком многие желали его смерти.

2. Несмотря на унылость пейзажа, сердце Инмана переполняла растущая радость. Он приближался к родным местам: это ощущалось в прикосновении легкого ветерка к лицу, в рвущихся наружу струйках дыма из очага в доме тех людей, которых ему не терпелось увидеть, которых он знал многие годы, и которых ему не нужно бояться или ненавидеть. Он поднялся и встал на камень, широко расставив ноги, и так стоял, с силой сощурился глазами, пытаясь за неозримой панорамой разглядеть одну отдаленную гору. Она выделялась на фоне неба и стояла, похожая на росчерк недостаточно покрытого чернилами пера, в виде тонкой, поспешно нанесенной линии. Но постепенно очертание становилось ясным и отчетливым. Перед ним была она, Холодная гора. Он все-таки дошел. Отсюда начиналась родина.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Эксперимент №1

Анкета №1

Дата-

Пол-

Возраст-

Образование-

1. Прочтите отрывок текста и укажите, каким на ваш взгляд, он является: эмоционально положительным или эмоционально отрицательным? Почему?
2. Подчеркните слова или словосочетания, которые, на Ваш взгляд, представляют в тексте эти эмоции.
3. Переведите текст на русский язык.

Sam stared at the eastern sky, where a hint of orange was peeking through scattered clouds. During his early days on the Row, when his appeals were fresh and unresolved, he had spent hours remembering the glorious humdrum of everyday life, the little things like a warm shower every day the companionship of his dog, extra honey on his biscuits. He actually believed back then that one day he would again be able to hunt squirrels and quail, to fish for bass and bream, to sit on the porch and watch the sun come up, to drink coffee in town, and drive his old pickup wherever he wanted. His goal during those early fantasies on the Row had been to fly to California and find his grandchildren. He had never flown.

But the dreams of freedom had died long ago, driven away by the tedious monotony of life in a cell, and killed by the harsh opinions of many judges. This would be his final sunrise, he truly believed that. Too many people wanted him dead [John Grisham «The Chamber»].

Эксперимент №1

Анкета №2

Дата-

Пол-

Возраст-

Образование-

1. Прочтите отрывок текста и укажите, каким на ваш взгляд, он является: эмоционально положительным или эмоционально отрицательным? Почему?
2. Подчеркните слова или словосочетания, которые, на Ваш взгляд, представляют в тексте эти эмоции.
3. Переведите текст на русский язык.

Bleak as the scene was, though, there was growing joy in Inmans heart. He was nearing home; he could feel it in the touch of thin air on skin, in his longing to see the leap of hearth smoke from the houses of people he had known all his life. People he would not be called upon to hate or fear. He rose and took a wide stance on the rock and stood and pinched down his eyes to sharpen the view across the vast prospect to one far mountain. It stood apart from the sky only as the stroke of a poorly inked pen, a line thin and quick and gestural. But the shape slowly grew plain and unmistakable. It was to Cold Mountain he looked. He had achieved a vista of what for him was homeland [Charles Frazier «Cold Mountain»].

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

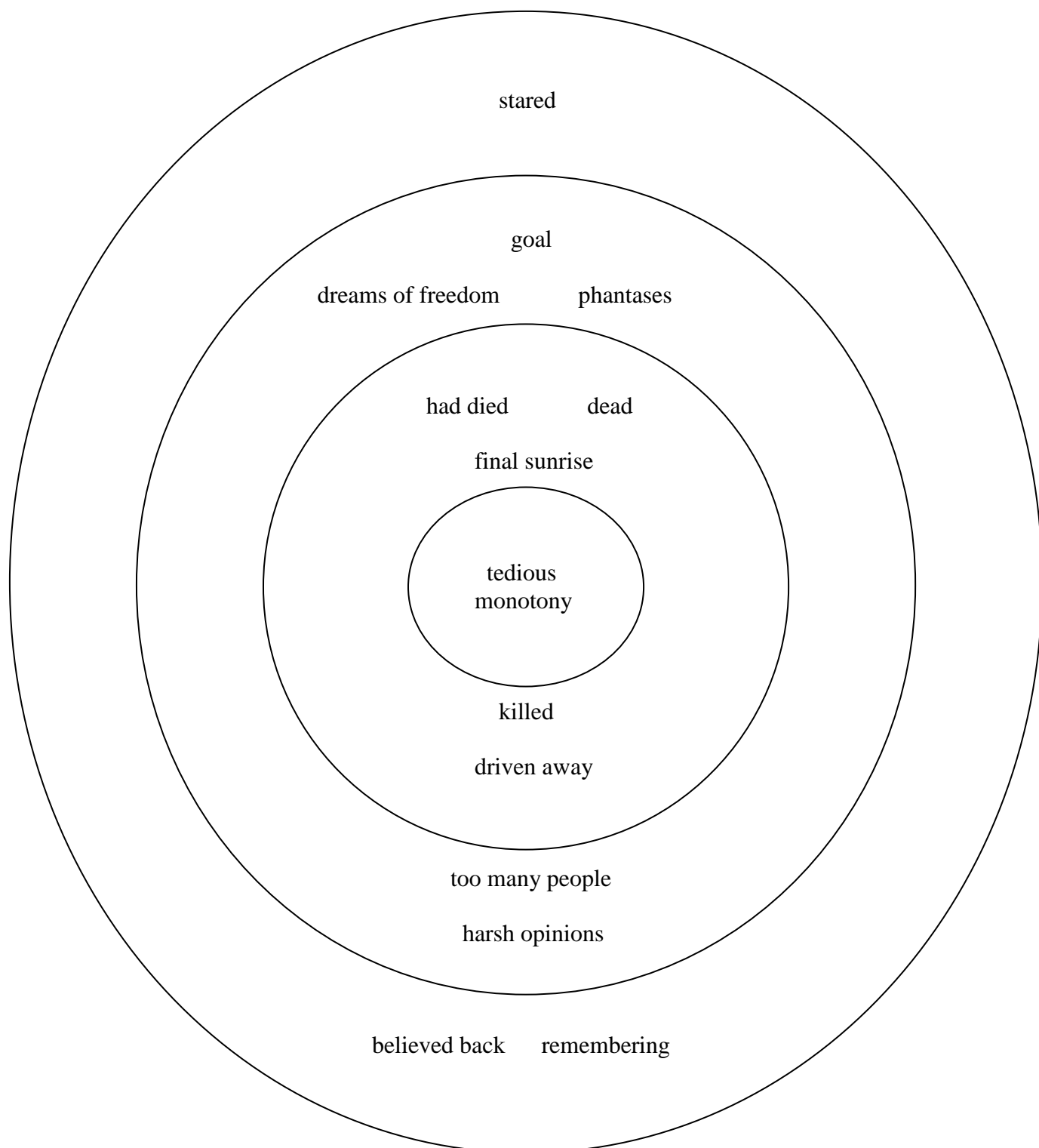

Рис. 1. Смысл «тягость жизни в тюремной камере»

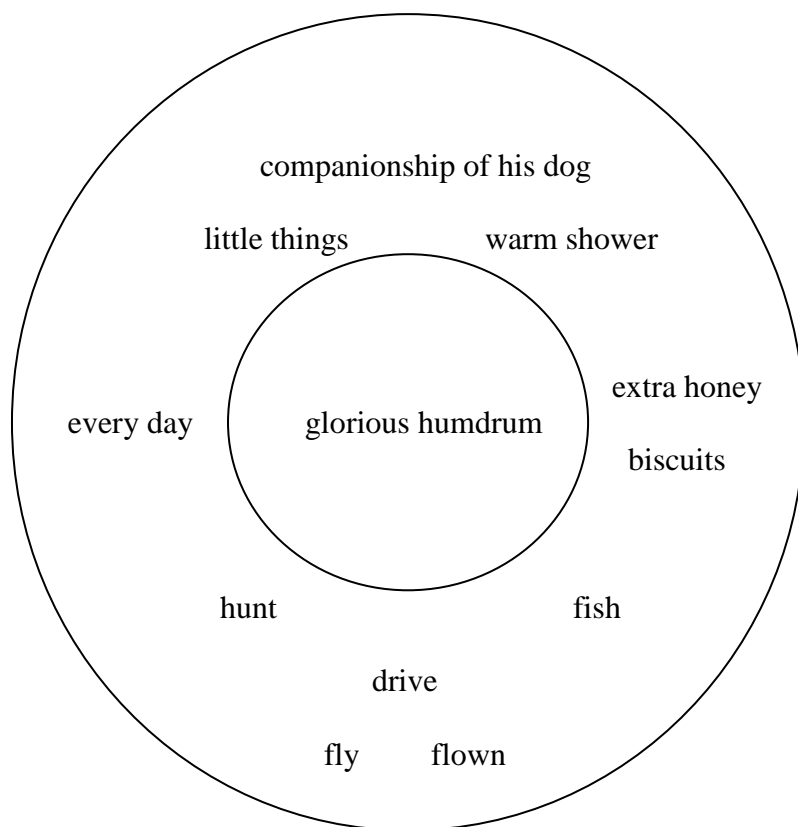

Рис. 2. Смысл «счастливая жизнь на свободе»

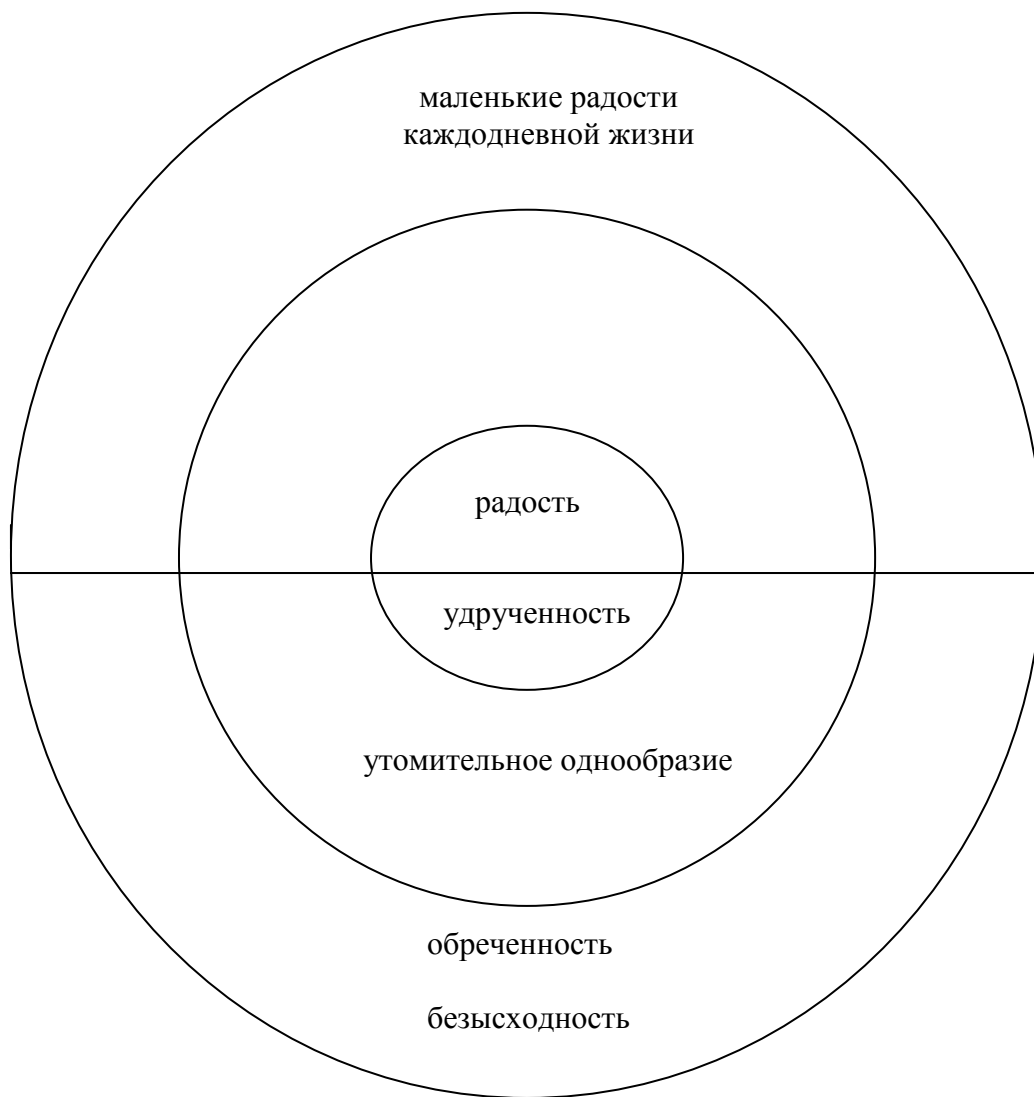

Рис. 3. Доминантная эстетизированная эмоция текста «The chamber»

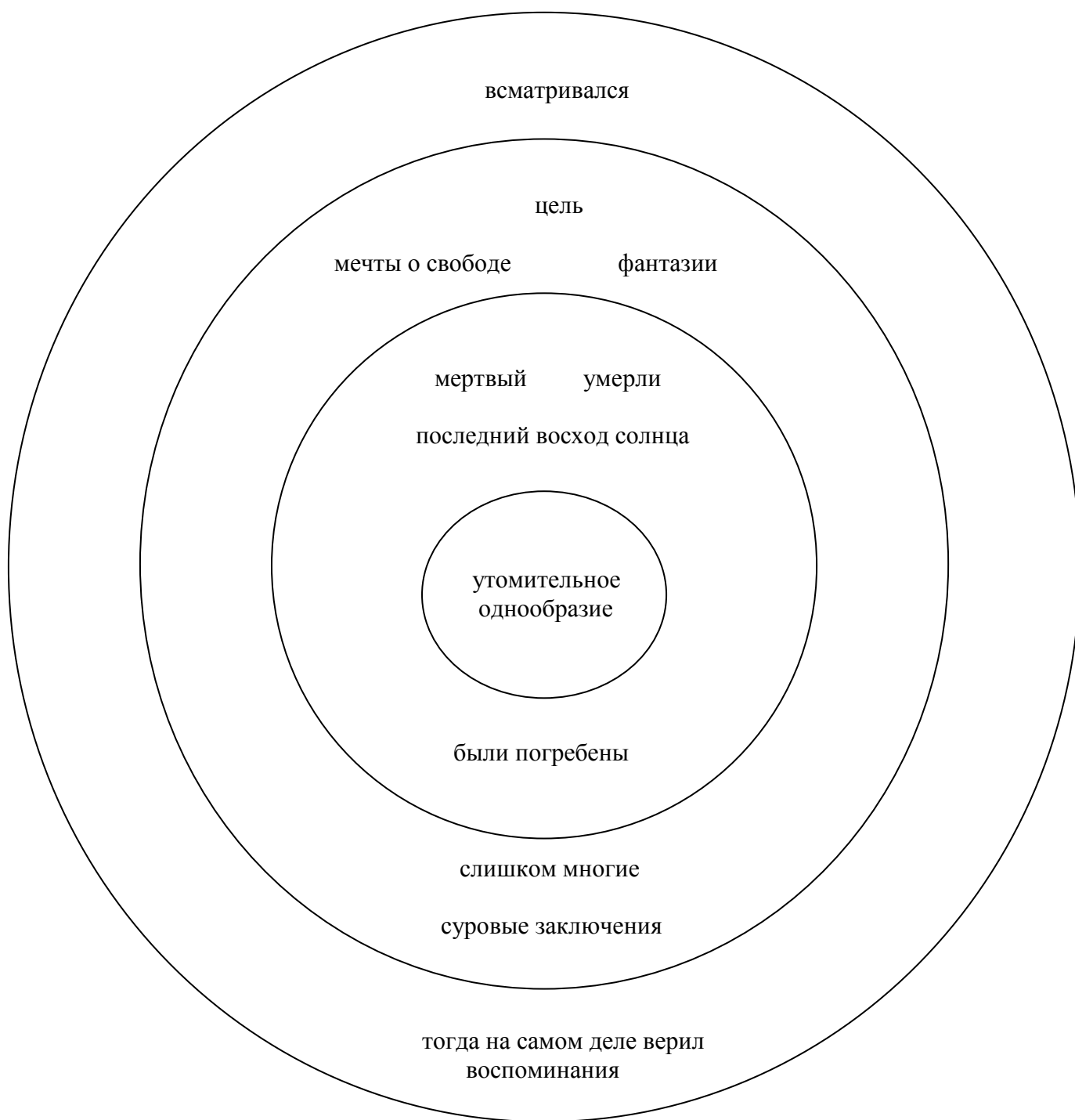

Рис. 4. Смысл «тягость жизни в тюремной камере»

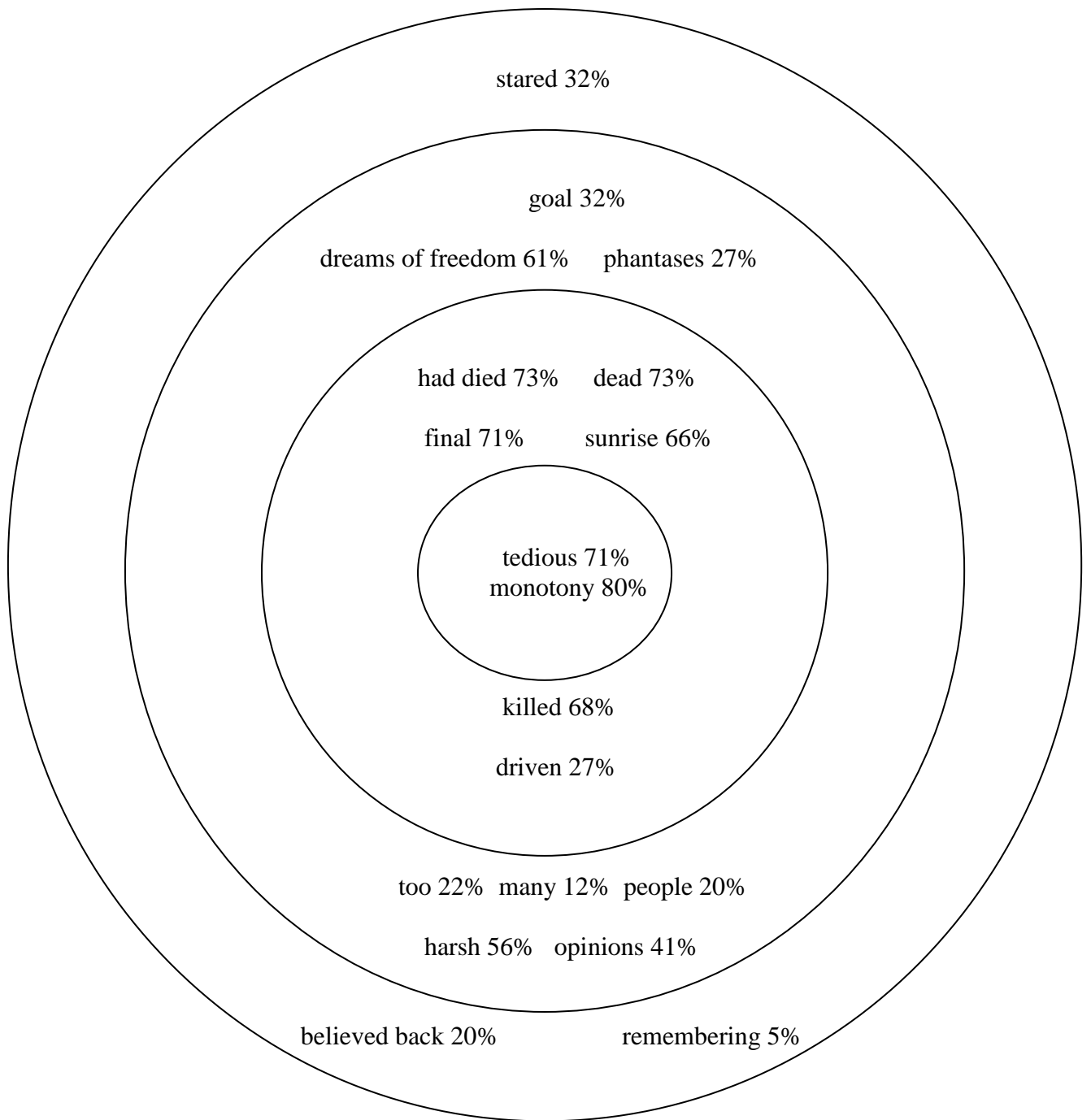

Рис. 5. Смысл «тягость жизни в камере»

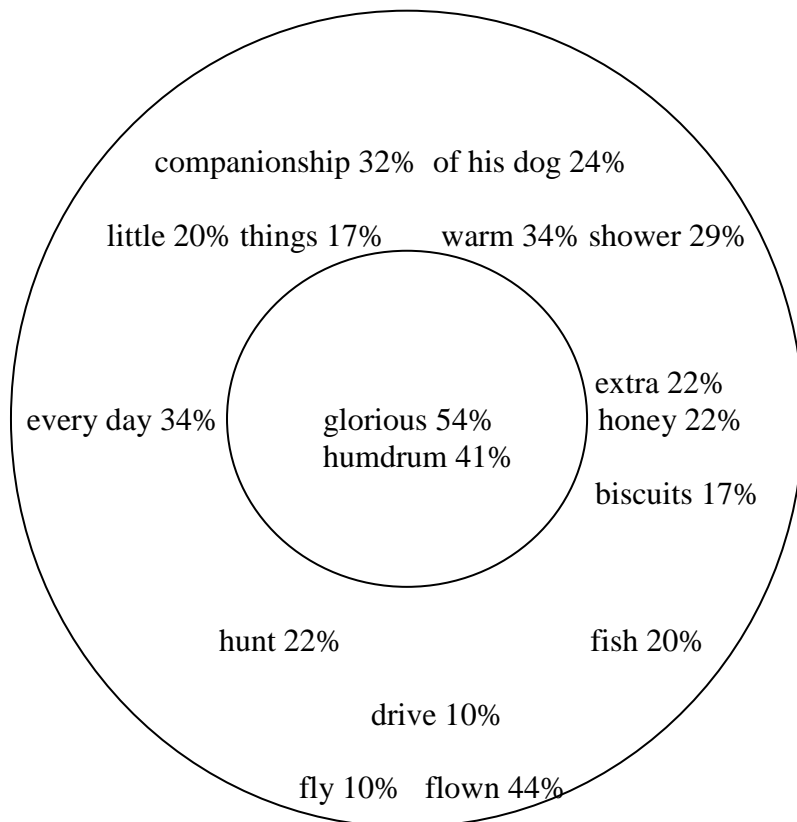

Рис. 5. Смысл «счастливая жизнь на свободе»

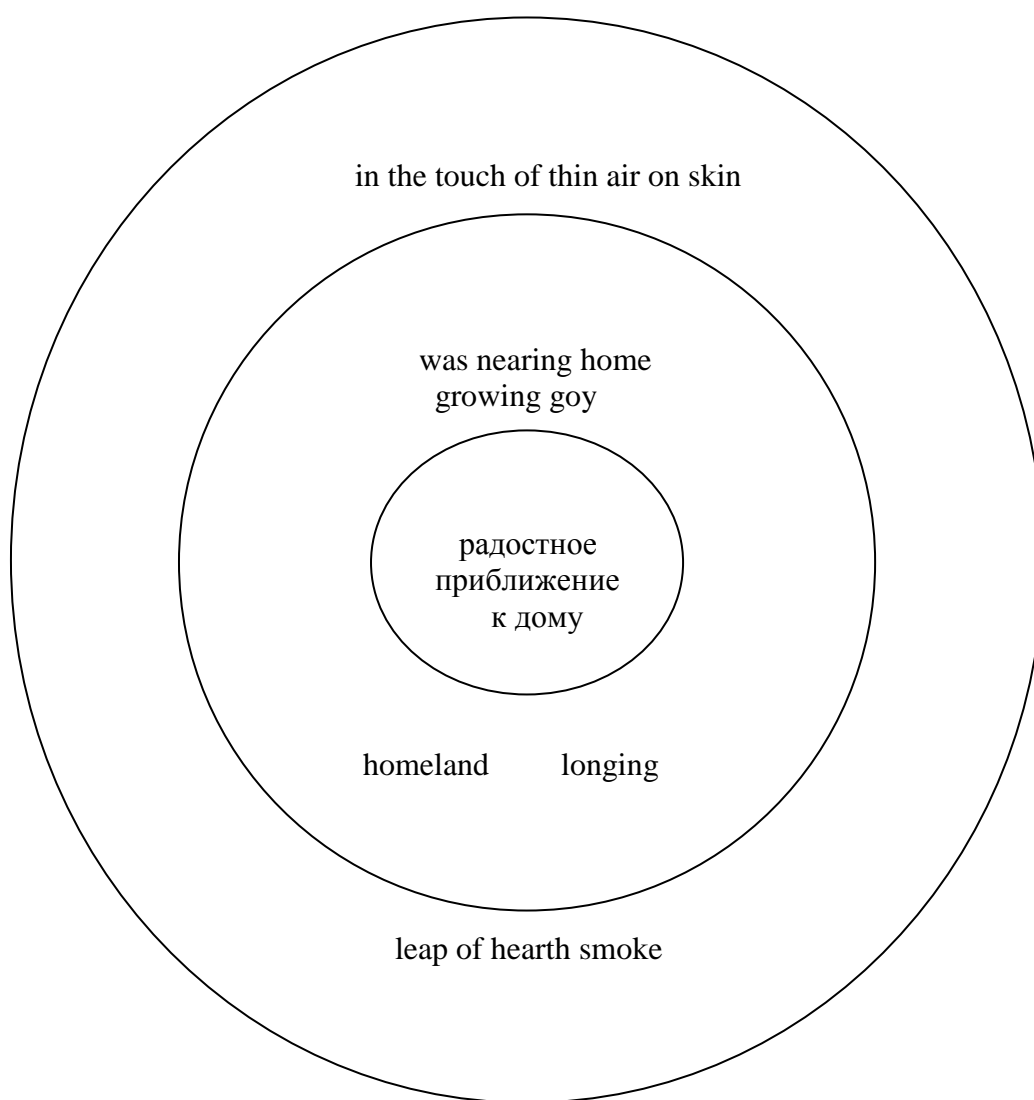

Рис. 6. Доминантный личностный смысл текста «Cold Mountain»

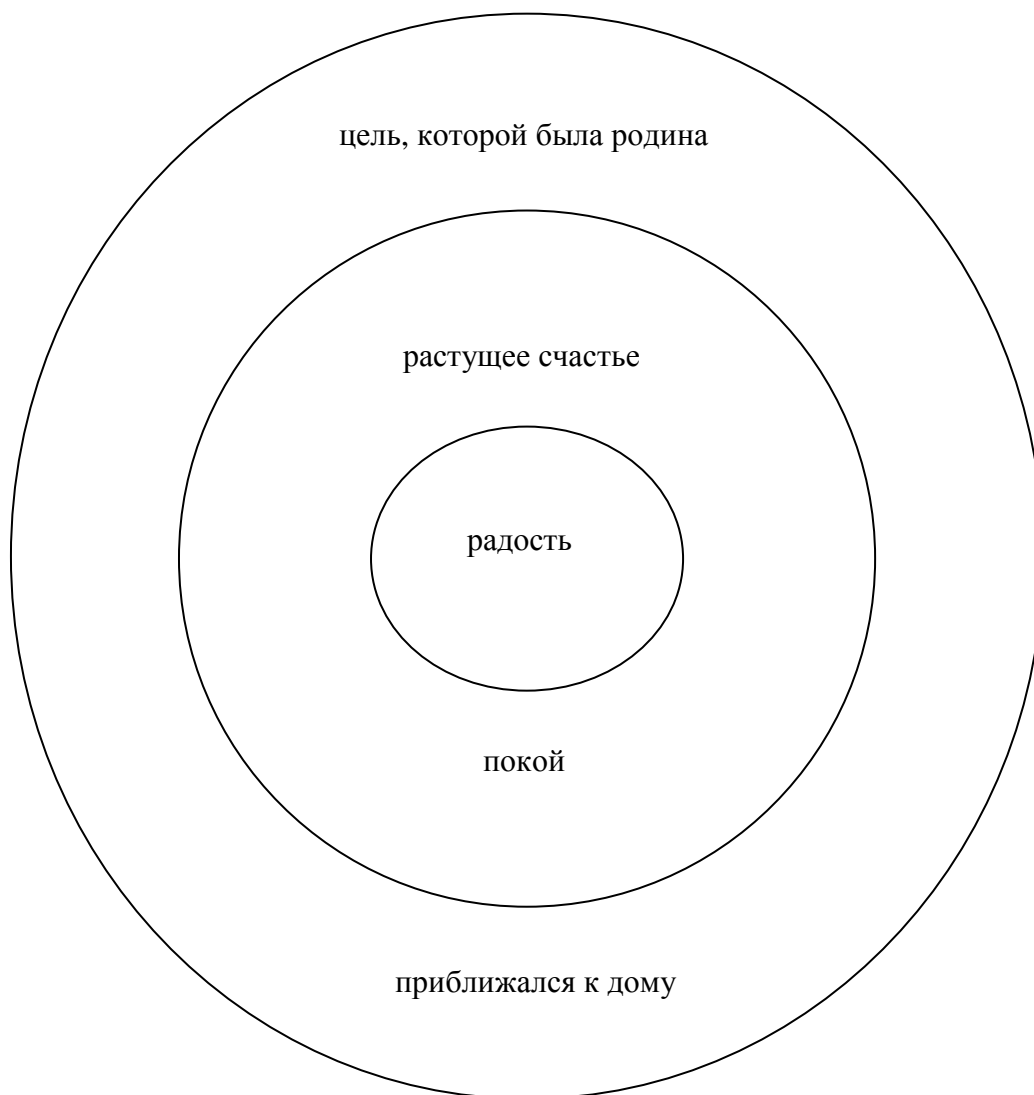

Рис. 7. Доминантная эстетизированная эмоция текста «Cold Mountain»

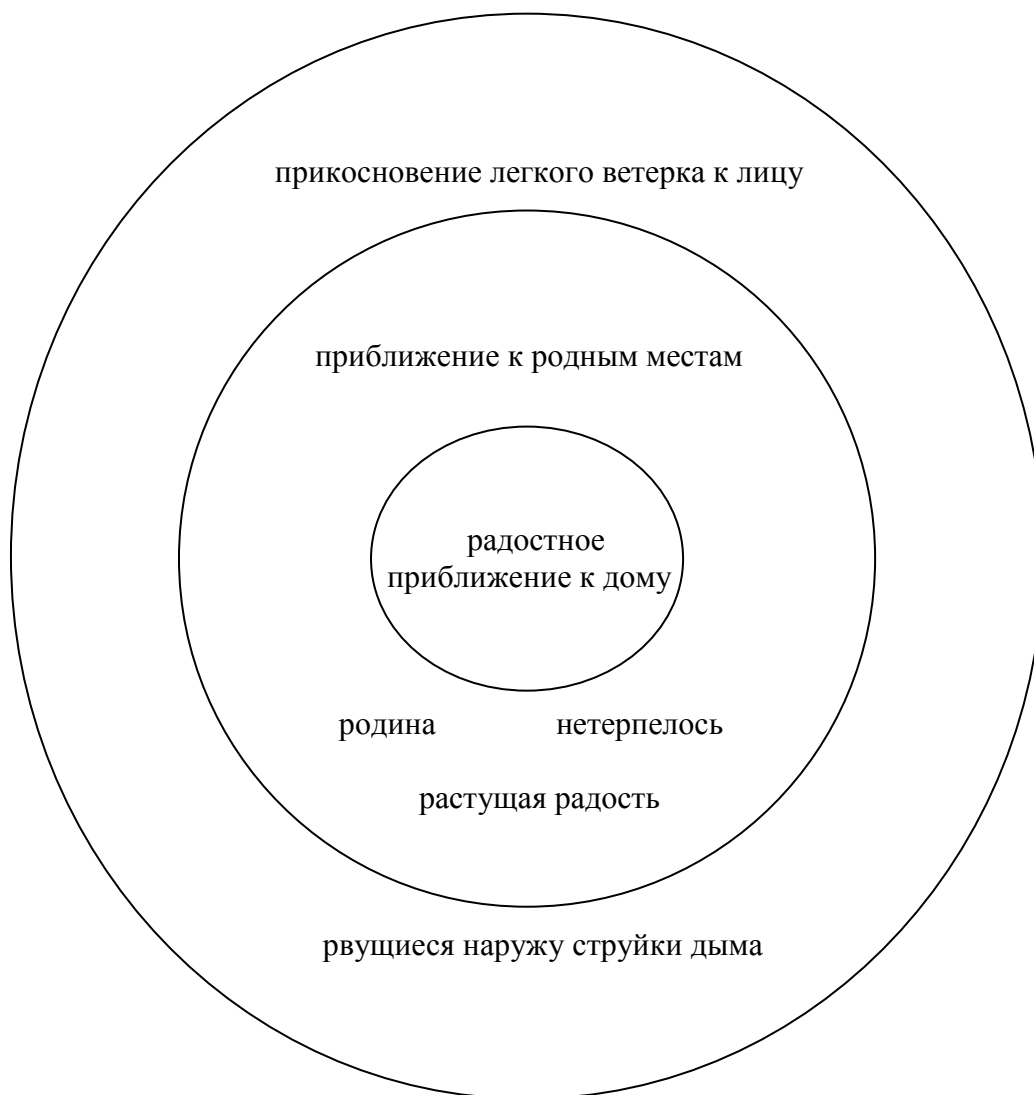

Рис. 8. Доминантный личностный смысл текста «Холодная гора»

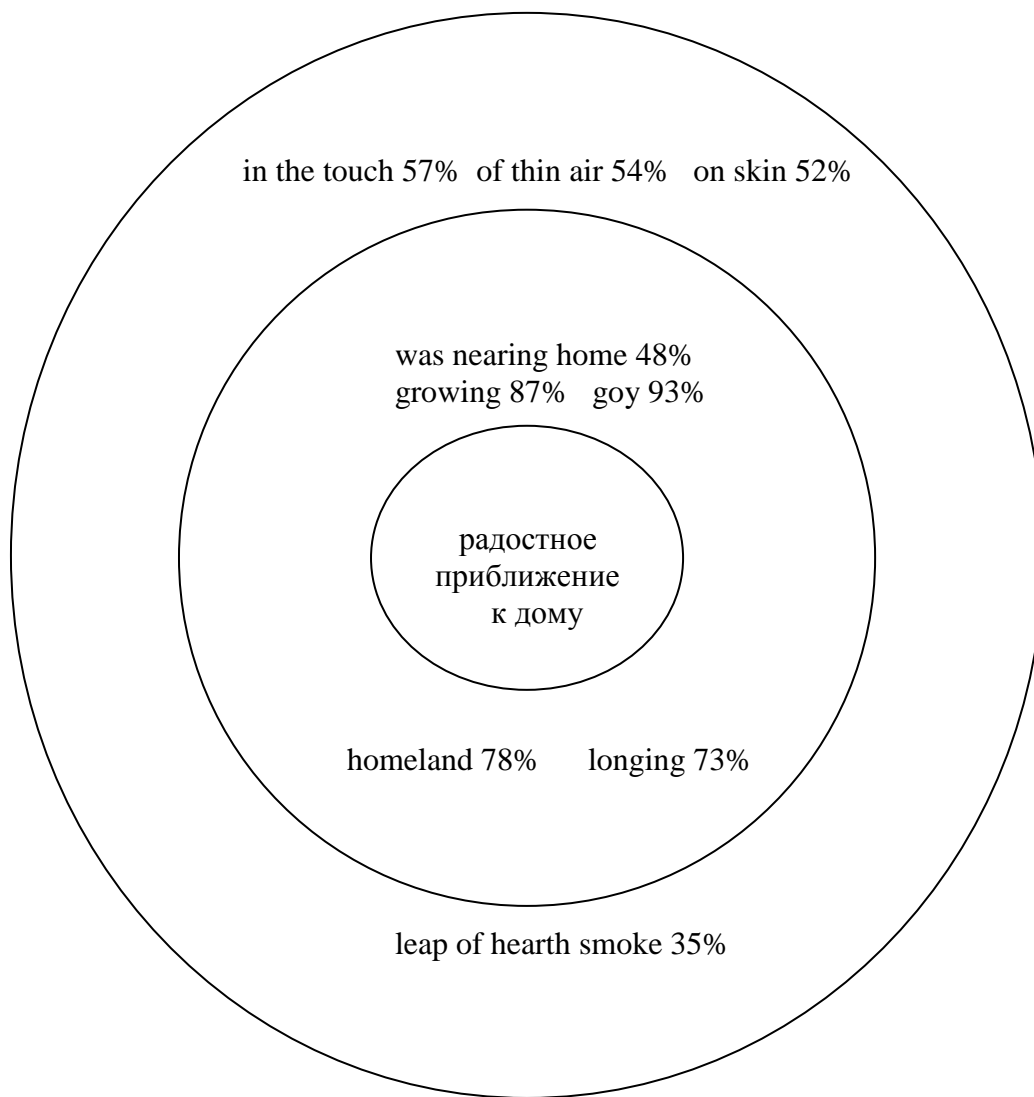

Рис. 9. Доминантный личностный смысл текста «Cold Mountain»